

В. В. 3/10/4
10-86
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. Утиски

ТОМАС МЮНЦЕР

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СЕРИЯ БИОГРАФИИ

Основана в 1933 году М. Горьким

ВЫПУСК

4

(318)

МОСКВА, 1961

4-89 K

А. ШТЕКЛИ

ТОМАС МЮНЦЕР

8/4

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕ ВЛЕСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“**

ГОРОДСКАЯ ЦБС
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Первая четверть XVI столетия — одна из самых напряженных и полных драматизма страниц истории Германии. Выступление Лютера против католического Рима было ударом молнии в бочку с порохом. Вся Германия пришла в движение. Задавленные многочисленными поборами немецкие крестьяне поднялись на борьбу со своими светскими и духовными господами. Реформация и Крестьянская война в Германии стали, по мысли Энгельса, первой, хотя и неудавшейся, попыткой буржуазной революции в Европе. В подготовке решительных выступлений против церкви и феодалов первостепенную роль играл Томас Мюнцер. Он призывал сокрушить угнетателей и установить народную власть. О героической жизни Мюнцера, мужественного и непреклонного человека, рассказывает эта книга.

Автор книги А. Э. Штекли родился в Москве в 1924 году. Окончил исторический факультет и аспирантуру МГУ. Опубликовал ряд статей и очерков по истории средних веков. Для серии «Жизнь замечательных людей» перевел книгу Г. Ильберг «Клара Цеткин» (1958 г.) и написал биографию Кампанеллы (два издания — 1959 и 1960 гг.).

TOMAS MNCER PREDIGER ZV ALSTET IN DVRINGEN.

БЛУДНИЦА ВАВИЛОНСКАЯ

А

оносчик ничего толком не знал. Но он клялся и божился, что заговор хорошо подготовлен и в нем участвуют многие. Преступники замышляют навсегда освободить Галле от власти его преосвященства!

Эрнст, владыка магдебургский, задыхался от возмущения. Под носом зреет заговор, а никто из присных его об этом не ведает! Архиепископ повелел тут же произвести тщательный розыск.

В Галле и впрямь существовал заговор. Были сведения, что в нем замешаны жители одного из соседних городов. Но преступники умело прятали концы

в воду. Кто зачинщик? Какой-нибудь беглый крепостной или озлобленный нуждою подмастерье? Архиепископ был поражен: во главе заговора стоял помощник священника, учитель приходской школы, известный своей образованностью и любовью к наукам. Ему было лет двадцать. Родом он был из Штольберга и происходил, по слухам, из семьи уважаемого мастера, умельца чеканить монету. Звали его Томас Мюнцер. Под личиной ученого человека скрывался опасный смутьян. Выяснилось, что еще раньше, в Ашерслебене, он тоже затевал какой-то тайный союз.

Немедленно схватить злодеев! Но, странное дело, в Галле никого из подозреваемых не нашли. Маленькая комнатуха при церкви была пустой.

Над страной, казалось, висели низкие тяжелые тучи. Воздух был напоен гнетущим ожиданием беды. Везде, где сходились люди: на рынках, в харчевнях, на церковных дворах, — говорили о пугающих слухах, о грозных событиях, об ужасных приметах. Боязливый шепот прерывался дикими выкриками кликуш: «Близится конец света!»

Склонившись над доской, Альбрехт Дюрер резал свои гравюры на фантастические темы Апокалипсиса, а перед глазами стояла Немецкая земля с ее бедой и тревогой, нуждой и печалью, растерзанная родина, край страданий и кривды — вздетые в ужасе руки женщин, раскормленные монахи, палачи, гремящие латами архангелы-ландскнехты, схватки, казни, битвы и сама Смерть, хищная, как тот разбойник-рыцарь, что грабит мужиков на дороге...

Брошен человек на произвол судьбы. Не спастись ему от неумолимого рока. С небес низвергается огненный дождь. Горы и острова приходят в движение. Мало кто уцелеет после кровавого града, огня, диких бурь. Повержен в прах даже папа. Трепещут, ожидая смертельного удара, цари и князья. Звезды, как смоквы, падают на землю.

Гнетущего настроения не прогоняли ни разгул на масленицу, ни великое пьянство в кабаках.

Страна лежала раздробленная на множество владений. Хозяйственные интересы слабо связывали отдельные части Германии. Могущественные князья, светские и духовные, чувствовали себя вольготно и распоряжались в стране как хотели. Управиться с ними было не по силам и императору.

Противоречия были на каждом шагу: успехи ряда отраслей производства, особенно горной промышленности, широкий размах внешней торговли, невиданные ранее операции ростовщиков и оптовых купцов, ворочавших огромными суммами, и одновременно — разрушение прежних цеховых порядков, ухудшающееся положение ремесленников, за счет которых наживались предприниматели, рост нищеты.

Недовольство зрело повсюду: и в лачугах подмастерьев и в замках рыцарей. Пушки, ружья и могучая пехота вконец подорвали значение закованной в латы рыцарской конницы. Ландскнехты-наемники были князьям выгодней, чем рыцари. Но те не хотели отказываться от своих привилегий и мечтали, сокрушив всеисилие князей и духовных владык, восстановить крепкую власть императора.

Князья кичились друг перед другом пышностью дворов, величиною войска, грандиозностью построек. Богачи словно помешались на роскоши: часто платье именитого горожанина стоило дороже, чем добрый кусок поля. Дворяне не желали отставать от бюргеров и, постоянно нуждаясь в деньгах, еще свирепее давили мужика.

В погоне за новыми доходами сеньоры всеми средствами старались принудить крестьян к повинностям и податям, которых не знали их отцы, увеличить число зависимых и крепостных.

Так дальше продолжаться не может! Отчаявшиеся люди предрекали близкий конец света; другие, посмелее и порешительней, настойчиво твердили о необходимости перемен.

Достаток в семье был — не было согласия. Томас тяжело переживал ссоры родителей. Мать от зари до зари хлопотала по хозяйству, а отец изводил ее попреками. Его ремесло доставляло необходимые средства к жизни и обеспечивало ему видное положение. Но, человек расчетливый и скупой, ревниво сберегающий каждый грош, он постоянно корил жену, что она принесла ему нищенское приданое. Настоящей любви между отцом и сыном никогда не было. Зато родственники с материнской стороны относились к мальчику очень заботливо. Особенно любил его дядюшка Мориц, владелец маленькой типографии в Эльстерберге, весельчак и балагур.

Смышленость мальчика рано обратила на себя внимание учителей. Он делал поразительные успехи в латинском языке и читал уйму книг. Было ясно, что он пойдет по ученой части.

Детство Томаса прошло в Штольберге. Городок раскинулся среди живописной местности. С северо-востока поднимались величественные горы Гарца, покрытые вековыми лесами, а на юго-запад уходили в бесконечность дали плодородной равнины.

В 1503 году, когда в Штольберге не стало работы, семья Мюнцера переселилась в лежащий неподалеку Кведлинбург. Томасу было четырнадцать лет. Монетный двор, на котором работал отец, принадлежал монастырю, и аббатиса разрешала Томасу пользоваться книгами из монастырской библиотеки.

Семнадцатилетним юношей он направился в Лейпциг и записался в университет. Занятия философией и теологией перемежались с изучением медицины. Его врачебные познания были настолько велики, что кое-кто предпочитал за советом обращаться к нему, а не к лекарям. Смысл жизни он видел в служении людям и, выбирая окончательно путь, колебался — исцелять тела человеческие или души?

Кипучая энергия переполняла все его существо. Нет, он не создан для роли отшельника или созерцателя! Он страстно любил книги, но еще больше любил

людей. В его натуре редкая усидчивость сочеталась с крайней непоседливостью. Он целыми днями проводил за латинскими книгами, но никогда не мог долго находиться на одном месте. Ученые трактаты — это еще не главное. В них лишь крупницы настоящей жизни, а сама она, горькая и радостная, бесконечно сложная и простым-простая, — на больших дорогах, в прокопченных избах, на сходках мастеровых и в дешевых шинках, где рабочий люд, пропивая последний грош, выкладывает свои горести и свои надежды.

Сызмальства Томас любил странствовать. Мир так велик! Он то и дело оставлял свои занятия, чтобы отправиться в путь. Он не брал с собой почти никаких вещей, но носил много разных выписок и черновиков. А если случалось раздобыть любопытные книги, его дорожный мешок становился совсем тяжелым. По виду он ничем не отличался от бродячих школяров, которые в изобилии ходили по стране, — невзрачный, среднего роста, скромно одетый парень с немного скуластым, как тогда говорили, «скифским лицом». Он нигде не был лишним — ни в кругу спорящих рудокопов, ни на крестьянской свадьбе, ни у костра хвастливых ландскнехтов. Он быстро сходился с людьми, писал неграмотным письма, ухаживал за больными. Незнакомые пускали его ночевать, делились с ним ломтем хлеба или кружкой пива. Много друзей у него было среди книгонош и печатников. Временами, чтобы подработать, он поступал корректором в типографию.

Он оставлял за своими плечами десятки городов и сотни деревень. Сколько он слышал гневных речей и горьких жалоб!

Господа совсем потеряли стыд: они силой принуждают мужика на себя работать, увеличивают барщину, изобретают новые поборы, они хотят всех превратить в крепостных! Люди, словно скотина, питаются травой или грызут кору, а господа, ограбив собственных подданных, предаются разгулу. Они только и делают, что обжираются и пьянствуют, сломя голову носятся за дичью и травят посевы.

Князья сидят в своих замках за толстыми стенами и широкими рвами. Что видит бедный люд от правителей, кроме гнета и зла? Господин может в любое время заставить мужика делать все, что ему заблагорассудится. Нет ни одного дня ни зимой, ни летом, когда крестьянин спокоен, что на него не взвалят какую-то работу. Раньше он обязан был пахать, жать и косить, теперь должен еще нарубить и доставить в замок дров, возить навоз и сено. Над господским льном мучается вся семья: вырасти его, высуши, растрепи, увяжи в тюки. Малых детей и тех побоями принуждают работать.

Избави бог, барин задумает строиться — бросай все и вози ему известь, камень и тес. В страдную пору гонят по грибы, за можжевельником иль барбарисом. Крестьяне находятся в большем рабстве, чем иудеи у фараона: те хоть получали за подневольный труд достаточно еды и могли спать по ночам.

Господин тешит себя охотой, а ты до утра лежи в лесу, подкарауливая зверя, расставляй силки или участвуй в облавах. Коль что не так, охотники сгоряча немилосердно отделают тебя дубинками. Даже в праздник нет отдыха: то велят доставить на рынок зерно, бочки с вином, то посылают гонцом чуть ли не на край света. И все делай не только даром, но и на собственной лошади!

Мужика не считают за человека. Он не волен ни распоряжаться своим имуществом, ни выбрать невесту по сердцу. И часто после свадьбы неутешно рыдает новобрачная: право первой ночи принадлежит господину.

Надо подать прошение — сколько ни бейся, не возьмут твоей бумаги, пока не дашь взятки. Не можешь поставить кому следует кружку вина или кувшин пива — будешь напрасно обивать пороги. К господину тебя не пустят. Прождешь до глубокой ночи, а потом скажут, чтобы ты пришел в следующий раз. И так будут изводить неделя за неделей.

Нет правого суда. Будь чист, как Христос, тебя все равно ждет один крест. Восторжествует любая кривда, если враг твой с умом сделал подношения: со-

ветнику — золотое кольцо, возлюбленной его супруге — ожерелье к празднику, писарю — серебряную деньгу.

Сотни чинов вокруг, которые только тем и занимаются, что ставят капканы на бедного человека и высматривают, под каким бы предлогом оттягать у него имущество.

Кто только не душит мужика налогами и поборами! Император, князья, духовенство, рыцари. — все они живут за счет его пота и крови. Отдай десятину церкви, внеси плату за свой клочок земли, плати за каждый шаг: хочешь жениться — плати, продаешь надел — плати, сдохнешь — будут платить наследники! Управитель заберет оружие умершего и одежду какая понарядней, а сеньор возьмет лучшую голову скота. Еще при жизни хозяина следят, чтобы он ее не продал и не заложил, — она как «посмертный побор» должна достаться господину. Ему ничего не стоит сказать, что скотина, которую привели, не лучшая, и, не возвращая первой, требовать другую.

Не в диковинку, когда детям не позволяют даже убрать хлеб, посеянный умершим отцом, их сгоняют с земли, чтобы отдать участок на более выгодных условиях. Крестьянин, уступая поле другому, обязан отвалить сеньору до трети всей недвижимости — не возьмут только порубленного на куски мяса и раскroенного сука.

Куда ни посмотришь, почти все леса захвачены монастырями и замками. Господа подделывают грамоты, уничтожают межевые камни, пускаются во все тяжкие, чтобы прибрать к рукам владения общины. То барин велит пасти все свое стадо на лугах, принадлежащих деревне, то отрежет часть общинного леса и запретит мужикам выгонять туда свиней.

Нельзя крестьянину подстрелить и вепря, который портит посевы. Раньше хоть для жены, коль она на сносях, можно было наловить рыбы, теперь не разрешают и этого. Рыцари и монахи объявляют угодьяд своей собственностью и жестоко карают за каждый пустяк: бедняге, который в господском ручье наловил себе раков, палач отсек голову!

Стоит кому-нибудь возроптать, как его тут же нарекают бунтарем. С бунтарями разговор короток: палачи не зря получают жалованье — они жгут щипцами и колесуют, выкалывают глаза, четвертуют, отрезают носы и уши.

Нигде не найти заступника! Господин за высокое покровительство и защиту от неприятельских набегов тянет с мужика «охранные деньги», а сам обдирает его хуже любого турка!

Томас не из тех, кто может спокойно относиться к бедам народа. Но что же делать? Одни крестьяне отвечают, что скоро всевышний заставит господ уменьшить повинности и снизить платежи: нельзя у бедного человека отбирать почти все, он должен иметь возможность прокормить себя и своих детей. Другие, оглядываясь — нет ли поблизости подозрительных, шепотом произносят опасное и полное надежды слово: «Башмак!»

Он нередко встречал беспалых людей. Это были участники заговоров «Башмака». Они отделались сравнительно легко: им отрубили пальцы на руке, которую они поднимали, когда клялись в верности своему союзу. Другие заплатились головой.

Рыцари носили сапоги со шпорами, крестьяне — башмаки, завязанные длинным ремнем. В середине XV столетия князь Южной Германии, желая во что бы то ни стало задушить непокорных швейцарцев и одновременно приструнить собственных мужиков и горожан, призвали на помощь иностранных наемников. Конные банды залили страну кровью. Дикие грабежи опустошили села и города. Сеньоры были заодно с грабителями. Тогда поднялся народ. Башмак, водруженный на шест, стал знаменем борьбы с наемниками и господами. Шайки чужеземцев были изгнаны.

Крестьяне и городская беднота, вступая в тайный союз «Башмака», клялись не жалеть жизни, чтобы добиться коренных перемен: отмены крепостного права и всех налогов, раздела церковных владений,

уничтожения существующих властей. Несмотря на поражения, идея «Башмака» продолжала жить: то тут, то там открывали грозные заговоры. Это не давало господам покоя. Крепостной Иосс Фриц, находчивый и смелый вождь, готовил новое восстание и был неуловим.

В детстве и юности Мюнцер постоянно слышал рассказы о «Башмаке». И он на всю жизнь проникся уверенностью, что люди, которые стремятся к торжеству справедливости, должны первым делом основать тайный клятвенный союз.

Вам дозволено все! Вы можете грабить и насиловать, нарушать посты и лгать, обворовывать ближних, предаваться распутству, калечить и убивать людей. Если вам это сошло с рук — не терзайте себя угрызениями совести и не бойтесь ни ада, ни чистилища. Нет такого смертного греха, который не был бы прощен. Знайте лишь одно: римский первосвященник властен разрешать от любых грехов — только платите, платите, не торгуйтесь! Все ваши большие и малые грехи расписаны и оценены. В существующей таксе ничего не забыто. Чем серьезней вина, тем дороже отпущение. Развязывайте кошельки и выкладывайте денюжки. Индульгенции спасут вас от страшнейших кар на том свете, и души ваши прямехонько угодят в рай! Покупайте индульгенции — все ваши настоящие и прошлые грехи получают отпущение. Если вас тревожит грядущее, не скупитесь — милосердная церковь отпустит вам вперед и все ваши будущие прегрешения! Вы можете купить отпущение на год, на десять лет, на веки веков — разница только в цене.

Вы уже запасли достаточно индульгенций, чтобы чувствовать себя в безопасности и не пугаться мысли о преисподней? А разве вы можете жить спокойно, когда многие ваши предки заслужили геенну огненную? В ваших силах избавить их от вечных мук — приобретите для них отпущение. Как только монеты звякнут о дно денежного ящика продавца индульгенций, души ваших близких мгновенно перелетят в рай.

Бунтовала совесть! Разве можно было спокойно смотреть, что творили «слуги господни»? Ни одно нашествие саранчи не могло бы так опустошать страну, как алчность римских первосвященников.

Духовенство сосредоточило в своих руках неслыханные богатства, но ему всего этого было мало. Церковь шла на любые ухищрения, чтобы увеличить свои доходы. Зачастую аббаты на своих землях терзали мужика страшнее, чем пьяные дикари рыцари. Грубое насилие они сочетали с самым низким обманом, грозили отлучением, Страшным судом, небесными карами. Они ничем не гнушались, чтобы наложить лапу на добро своей паствы: принуждали отказывать имущество в пользу церкви, разоряли поборами, придумывали разные праздники, юбилеи, обязательные паломничества, которые обходились верующим очень дорого, создавали новых святых, торговали должностями и индульгенциями, оптом фабриковали реликвии, мощи, чудотворные иконы. Из смерти попы сделали прибыльный промысел — их называли «пожирателями трупов»; они уговаривали умирающих завещать им свое состояние, а потом обирали и вдов и сирот, все требуя платы за молитвы.

Земельные владения духовенства росли с каждым днем. Князья церкви были могущественней многих светских властителей. Они вели самую беззастенчивую политическую игру, чтобы приумножить свою власть и свои богатства: нарушали договоры, подстраивали убийства, затевали межусобицы. «Нищенствующие» ордена ворочали огромными суммами. Не было преступлений, которых не совершали духовные лица. То, за что других свирепо карали, сходило им безнаказанно. Распутство клириков было притчей во языцех. Обитатели монахов больше походили на притоны разбойников, а женские монастыри сравнивали с публичными домами. Священники, давшие обет безбрачия, имели кучу незаконных детей. В города, где назначались церковные соборы, мгновенно устремялись, чувствуя поживу, сотни проституток. Много крепких слов отпускал народ по адресу монахов. «Откормленные и ненасытные жеребцы» было еще

сравнительно мягким выражением. Случалось, крестьяне, опасаясь за своих жен и дочерей, отказывались принимать нового священника, если у него не было постоянной сожительницы.

Когда-то, говорили, церковь была чистой девственницей, но теперь она превратилась в распутнейшую блудницу вавилонскую!

Мюнцеру с детских лет твердили о смирении. Терпеливо сносить все обиды и каждый раз, когда, возмущенный несправедливостью, ты хватаешься за оружие, вспоминать о наказе Христа и оставлять меч в ножнах? Власть имущие давят и тиранят народ — им христианские законы не писаны! А как только мужик потянется за дрекольем, чтобы, защищаясь, дать по шее наглым насильникам, толпа попов тут же сует ему под нос библию и вопиет о покорности.

Священное писание Томас знал лучше своих учителей. Проповедь смирения основывают на Новом завете. Но библия состоит не только из Нового завета. Ему очень нравились ветхозаветные тексты, особенно книги пророков. В них он нашел дух борьбы, отмщения, беспощадности к врагам. Вся его натура противилась любым учениям о покорности.

Томас, презирая монахов, не захотел вступить ни в один из орденов. Он странствовал по Германии то как студент, то как бродячий проповедник.

Покинув Лейпцигский университет, он поселился в Ашерслебене, где занял место учителя приходской школы. Помыслы его были далеки от официальных обязанностей. Время стояло беспокойное. С Рейна то и дело доносились слухи о грозных городских волнениях. Больше всего Мюнцер ненавидел князей церкви. Рыцари просто силой гнут и ломают мужика, а епископы еще прикрывают свое разбойство лицемерными ссылками на «божье слово», чтобы, пугая простого человека адом или обещая вечное блаженство, вытянуть у него последний грош. Томас решил, что пришла пора начинать борьбу против духовенства. Архиепископ магдебургский Эрнст своей властью душил го-

рода и требовал беспрекословного подчинения. Мюнцер задумал составить заговор. В Ашерслебене ему не повезло. Он перебрался в Галле и еще упорней стал вербовать заговорщиков. Но и тут его ждала неудача.

В университетах Лейпцига, Франкфурта-на-Одере и Майнца он поражал профессоров глубиной своих познаний. Томасу пророчили блестящую карьеру. Он легко получил степени магистра свободных искусств и бакалавра теологии.

В ту пору университеты были ареной ожесточенной борьбы гуманистов против схоластики. Недовольство политикой римского престола и засильем церкви было столь широким, что споры, родившиеся в ученых кругах, быстро выходили за университетские стены. Повсюду в стране напряженно следили за «делом Рейхлина». Известный филолог Иоганн Рейхлин считал, что интересы христианской религии требуют серьезного изучения древнейших текстов, в том числе и еврейских. Кельнские же богословы хотели сжечь написанные евреями религиозные книги. Очень скоро распря Рейхлина с теологами-мракобесами помимо его воли превратилась в борьбу за свободу мысли. Высмеивая противников Рейхлина, эрфуртские гуманисты сообща сочинили «Письма темных людей»: богословы, имеющие ученые степени, схоласты, выдающие себя за знатоков поэзии, спесивые, полуграмотные монахи пишут письма одному из злейших врагов Рейхлина. И каждое письмо было яркой сатирой на невежество, разврат и глупость этих темных людей.

Ульрих фон Гуттен, нищий рыцарь и большой поэт, страстно ненавидел Рим: в своих стихах и памфлетах он без устали обличал пороки духовенства. Попы повсюду проклинали Гуттена. Борьба идей подчас проявлялась весьма своеобразно: настоятель одного монастыря во всеуслышание хвалился, что он запаса печатными портретами поэта и каждый день, отправляясь в нужник, захватывает их с собой.

Гуттен мечтал о том времени, когда рыцарские мечи покончат с раздробленностью страны и создадут

единую Германию. Он горел нетерпением ринуться в битву. Неизлечимо больной, он бросил слова: «Как прекрасно жить! Не время предаваться покою!»

«Светочем вселенной» и «отцом науки» звали гуманисты Эразма Роттердамского. Он заново перевел библию на латинский язык и, комментируя ее, пытался ввести в теологию дух настоящего исследования. Он жаждал обновления христианства. Но, человек осторожный и хитрый, он облакал свои работы в такую форму, что ему безнаказанно сходила с рук критика, очень опасная для церкви. Его сатирой «Похвальное слово глупости» зачитывались люди разных сословий. Из нее делали выводы, на которые не решался Эразм. Он не примыкал ни к одной из враждующих партий, боялся крайностей, насильственных действий, бунта. Ему дороже всего покой, необходимый для ученых занятий. Он отводил все упреки в малодушии — ведь он не солдат-наемник, чтобы отличаться храбростью.

Мюнцер, помимо латыни, изучал греческий и древнееврейский языки. Он читал произведения гуманистов и мог, подражая их стилю, сочинять изящные письма. Но Эразм казался ему слишком умеренным. А вера Гуттена в миссию немецкого рыцарства была Томасу совершенно чуждой. Дворян он обычно называл «живодерами».

Не книги — сама жизнь заставила Мюнцера усомниться в существовании бога. Своей драгоценной кровью Спаситель искупил грехи человечества? А есть ли бог вообще? Ссылки на библию годятся лишь для простаков. Написать можно все, что угодно. Почему человек, имеющий разум, должен верить в истинность писания? Он постоянно слышит — «так учил Христос», «это повелел всевышний». Чем злее притеснитель, тем громче кричит он о «заповедях господних». Все обманщики и угнетатели, как фиговым листком, прикрываются библией.

Божья воля! А во что превратилась страна?! Сплошной вертеп разбойников! Повсюду сильный да-

вит слабого. Каждый стремится урвать кусок пожирней. С мужика дерут три шкуры, от голода пухнут дети. Куда ни повернешься, везде насилие и надувательство. Власть имущие довольны существующим порядком и без устали твердят, что он от бога. На каждом шагу лицемерие. А того, кто не хочет лгать и обманывать, считают круглым дураком.

Да, он, Мюнцер, может получить богатый приход и, уподобившись тысячам попов, жить припеваючи — морочить паству латинской тарабарщиной, копить денежки, жрать в три горла, дуть вино и предаваться блуду со своими прихожанками.

И ради этого жить? Томаса душит отчаяние. Он ни во что не верит. Жизнь представляется ему совершенно потерявшей смысл. В исступлении взывает он к богу: «Если ты есть, ответь! Или ты онемел?!» Но бог молчит. Томас сыплет богохульствами. В библии всевышний так часто разговаривает с людьми, а теперь он лишился языка.

Мюнцер сокрушен и подавлен. Неужели проклятые вопросы, которые годами его терзают, навсегда останутся без ответа? Он переживает тяжелые дни. Никто ему не помог: ни мудрые наставники, ни толстые книги, ни глас господен. В чем же правда? И как должен жить человек?

Мучительным раздумьям, кажется, не будет конца. И вдруг он чувствует, что разум его начинает «раскрываться». Все ненужно и лживо: догматы, которые необходимо принимать на веру, мертвые буквы священного писания, хитроумные толкования богословов. Коль разум твой «раскрыт», ты сам в глубине души услышишь «внутренний голос» и поймешь правду.

Почему так бедствует большинство людей? Да потому, что господа присвоили себе все на свете: злаки земные, птиц небесных, рыб в воде. Все принадлежит им! Отсюда все беды. А ведь люди от природы равны и свободны. Так почему же они позволяют кучке тиранов помыкать собою? Мюнцер не сомневается в народе. Он уверен, что простые люди городов и сел, безмерно измученные угнетением и несправедливостью, скорее всего поймут слово правды. Любой чело-

век, несущий на своих плечах бремя страданий, будь то турок или язычник, тотчас, как только раскроется его разум, увидит, что корень зл в неравенстве и в незаконном захвате сильными мира сего прав и благ, которые должны принадлежать всем.

Он прочел множество книг по истории, изучил отцов церкви. Он задумывается: почему общность имущества раннехристианской общины просуществовала так недолго? «Учителя веры» захотели всегда сидеть наверху. И во что они превратили Евангелие — в проповедь рабской покорности! Грош цена вере, которая только и знает, что оправдывать злодеяния угнетателей и сулить бедным блаженство на том свете. Томас ничего не хочет слышать о загробной жизни. Он не верит ни в потустороннего дьявола, ни в потустороннего бога. Царство равенства и справедливости, «царствие божие», должно восторжествовать здесь на земле!

Год 1517 проходит бурно. В Майнце, на рейхстаге, советники Максимилиана требуют значительного увеличения имперского войска. Иначе невозможно предотвратить народное восстание. Осенью на Верхнем Рейне с помощью изменников раскрывают новый заговор «Башмака». Во главе его опять неугомонный Иосс Фриц. И на этот раз ему удастся исчезнуть. Нет, он не сложит своей головы раньше, чем дело «Башмака» не победит повсюду!

Еще продолжают розыск и пытки заговорщиков, а слухи о новых важных событиях разлетаются по Германии. У всех на устах имя Мартина Лютера.

УДАР МОЛНИИ В БЧКУ С ПОРОХОМ

Н

амерения его были самыми благими. Он не хотел ни подкладывать пороха под здание католической церкви, ни ожесточать народ против священников. Тридцатитрехлетний августинский монах,

доктор богословия и профессор Виттенбергского университета, Мартин Лютер стремился только к одному — избавить церковь от злоупотреблений, чинимых недостойными служителями, и вернуть ее к первоначальной христианской чистоте. Он видел, во что превратилось духовенство, и знал, какие огромные суммы уплывают ежегодно из Германии в Рим. Тор-

говля индульгенциями возмущала его до глубины души.

31 октября 1517 года Мартин Лютер прибил на дверях виттенбергской церкви свои 95 тезисов. Он резко возражал против продажи отпущений, но у него и в мыслях не было обвинять лично папу: Лев X, разумеется, не ведает, что творят его слуги. Если бы он знал, какие плутни совершают продавцы индульгенций, то предпочел бы, чтобы собор св. Петра сгорел дотла, чем строить его на крови и костях людей.

Лютер ждал, что опубликованные им положения будут обсуждены на диспуте. Но то, что произошло, поразило его самого. Латинские тезисы, предназначенные для ученых мужей, в две недели разнеслись по всей Германии. Их старательно переписывали, переводили на немецкий язык, перепечатывали и распространяли. Вот, наконец, появился человек, который не побоялся назвать вещи своими именами!

Тезисы читали повсюду: и в крестьянских избах и в княжеских замках. Чтобы спасти душу, не надо покупать индульгенций. Ловкачи паписты, оказывается, беззастенчиво извращают божье слово.

Друзья по университету были напуганы. Никто не ожидал такого отклика. Лютер пытался оправдываться: разве он виноват, что его богословские тезисы вдруг стали оружием, которое обращают против церкви?

На благодатную почву упали слова Лютера — гнет римской церкви был невыносим. Каждое слово находило в тезисах то, что стремилось найти. Светские власти Германии увидели в них подспорье своему заветному замыслу прибрать к рукам бескрайные церковные земли. Разорившиеся рыцари мечтали о восстановлении своего бывшего могущества — они добьются желаемого, когда император призовет их к походу на Рим. Бюргеры ненавидели поборы папистов и жаждали дешевой церкви. В народе говорили о другом: церковь испокон веков оправдывала существующий строй.

А раз ее постановления противоречат божьему слову, то тогда ведь и строй этот не от бога и, следовательно, может и должен быть изменен.

Своими тезисами Лютер нанес авторитету церкви сильный удар. Их смысл позволял предполагать многое — это ведь лишь первый толчок. Даже люди, стремившиеся к решительным переменам, видели сейчас в Лютере своего героя. Томас Мюнцер тоже не был исключением. Да, прежде всего надо поразить римское чудовище, а потом уже приниматься за собственных кровопийц!

Со всех сторон к Лютеру летят слова одобрения и благодарности. Но он слышит и другие голоса, грозные, проклинающие. Доминиканцы поднимают невероятный шум: Виттенбергский университет пригрел еретика! Они хвастаются, что Лютер скоро будет на костре. Типографии печатают листовки, где опровергаются его тезисы. Руководители августинцев в тревоге: Лютер опозорит весь орден. Курфюрст Фридрих, владыка Саксонии и патрон Виттенбергского университета, не спешит высказаться. Друг Лютера Спалатин, исповедник и доверенный секретарь курфюрста, держится в сторонке.

Осторожные люди советуют Лютеру, пока не поздно, отречься. Отречься? Его трудно переубедить. Он, вероятно, был благоразумней, если бы происходил из какой-нибудь дворянской семейки, но в его жилах течет густая и горячая мужицкая кровь. Он скроен крепко, как и его отец-рудокоп. Он очень упрям. Ему нелегко: то сам дьявол, царь безверия и сомнений, сеятель смуты, являлся к нему в келью, то страх своей костлявой, как у смерти, рукой сжимал его сердце. Он знал: церковь беспощадно карает отступников. Ему часто снился костер.

Но Мартин стоит на своем. Он долгие годы изучал библию, он убежден, что слово божье на его стороне. Христианская вера должна вернуться к своему источнику — священному писанию. Лютер не оставляет без ответа ударов, которые на него сыплются. Он развивает мысли, изложенные в 95 те-

зисах. Он осмеливается все резче осуждать церковные порядки. Весной 1518 года Лютер порывает со своими учителями: они находят, что он хватил через край. Зато молодежь восторженно его приветствует. Число студентов, стекающихся в Виттенберг, растет не по дням, а по часам. Он еще обращается к пале, униженно и подобострастно просит о заступничестве, обещает выслушать его приговор, как голос самого Христа, но уже в этом подобострастном письме есть фраза, которая сводит на нет все слова о смирении: «Отречься я не могу».

Страшным оружием обладает папа — отлучением от церкви. Лютер чувствует, что оно будет обращено против него. В своих проповедях он говорит, что папское отлучение не может погубить души. Лютер подкапывается под один из главнейших столпов всей политической и финансовой мощи святого престола. Доминиканцы в Риме не бездействуют. Они добиваются, что папа повелевает магистру святого дворца высказать свое мнение о тезисах Лютера. Для того все ясно. Буквально в три дня он выполняет поручение. Он не вдается в подробности и не спорит с Лютером — он просто квалифицирует его мысли, как «ложные» и «еретичные». Лютеру приказывают не позже чем через шестьдесят дней с момента получения вызова явиться в Рим. Он знает, чем это ему грозит, и не хочет отправляться прямо дракону в пасть. Он обращается к курфюрсту Фридриху с просьбой: пусть справедливые судьи рассмотрят его дело в самой Германии.

Мюнцер восхищен Лютером. Тот старше лишь на шесть лет, но Томас называет его учителем. Он гордится им. Все попытки Рима заставить Лютера отречься остаются тщетными. Положение в Германии весьма сложное, и папа вынужден считаться с нежеланием Фридриха Саксонского, влиятельнейшего курфюрста, выдать на расправу ученого богослова, к голосу которого он прислушивается. Святой престол хочет любыми средствами принудить Лютера

к отречению. Когда угрозы оказываются напрасными, строптивного августинца начинают уговаривать. Его не накажут, но он должен признать свои заблуждения или по крайней мере хоть замолчать.

Лютер упрямо повторяет, что он прав. Теперь он уже не один. У него много сторонников. Андреас Карлштадт, знаменитый профессор Виттенбергского университета, пером и словом поддерживает Лютера. Повсюду — и в прославленных университетах и в захудалых местечках — идет ожесточенная борьба папистов с еретиками. Мюнцер принимает в ней самое деятельное участие. В Виттенберге его знают как очень одаренного, решительного и смелого человека. Его посылают в лежащий поблизости город Ютербог, гнездо отъявленных мракобесов. Задача не всякому по плечу. Там нужен проповедник, который не побоится всемогущих францисканцев. Пребывание Мюнцера в Ютербоге было недолгим, но бурным. На пасху, при большом стечении народа, он резко выступил против папы и почитания святых. Несколько дней спустя он опять с кафедры обрушился на папистов. «Босоногие» забили тревогу. Еще один ересиарх объявился! Церковные власти тут же вмешались. В начале мая 1519 года Томасу пришлось покинуть город. В Ютербоге было написано первое полемическое сочинение, направленное против Мюнцера. Здесь впервые было печатно употреблено как ругательство слово «лютеранин», изобретенное ингольштадтским теологом Иоганном Экком.

Томас поехал в Виттенберг, чтобы рассказать обо всем Лютеру и Карлштадту. Его приняли очень хорошо. Мартин хвалил его рвение. Куда ему теперь отправляться? Для такого человека, как Томас, найдут подходящее место. А пока Карлштадт предложил ему поехать в его приход и пожить там у его заместителя Конрада Глича.

Орламюнде — маленький и тихий городок. В доме Глича была уйма книг. Мюнцер подолгу не вставал из-за стола.

У Глича жила кухарка, работающая, ничем внешне неприметная женщина. По вечерам она, прибрав кухню, садилась за книгу. Что она читает? Забавные шванки, рыцарский роман или жития святых? Томас поразился, когда увидел в ее руках «Немецкую мистику» Иоганна Таулера. Женщина разбиралась в сложнейших вопросах куда лучше, чем многие ученые теологи. Томас поделился с хозяином своим удивлением. Глич выслушал его спокойно: сам доктор Карлштадт под ее влиянием заинтересовался Таулером!

Мюнцер стал внимательно изучать эту книгу. Он воспринял кое-что из терминологии Таулера, но сути его учения не разделял. Ему была чужда и проповедь смирения и мысль о том, что бога нельзя познавать разумом*. Не к мистическому «слиянию с богом» стремился Мюнцер — он искал такого мировоззрения, такой веры, которая помогла бы людям бороться с тиранами.

Он много занимался Иоахимом Флорским, калабрийским философом конца XII века, и высоко его ценил. Иоахим писал о грядущем мировом перевороте. Это нравилось Мюнцеру. Но он шел дальше Иоахима: тот считал, что роль людей будет совершенно пассивной. Нет, руками человеческими будет осуществлен переворот!

Иоганн Экк, один из видных теологов Германии, быстро распознал опасность, которую таили в себе идеи, провозглашенные в Виттенберге. Отступники хотят поколебать святой престол! У Экка острый нюх: он тут же сообразил, что все величественное здание католической церкви под угрозой. Если выломать из фундамента несколько камней, не устоят и стены.

Между Экком и Карлштадтом завязалась ярост-

* Энгельс подчеркивал, что вера, по Мюнцеру, «является ничем иным, как пробуждением разума в человеке» («Крестьянская война в Германии». М., 1952, стр. 45).

ная полемика. Эрк чувствовал себя уверенно: за его спиной стояла великая сила. Папа официально объявил, что учение об отпущении грехов, отброшенное Лютером, правильно и незыблемо. Спорить только с Карлштадтом, когда основное зло — Лютер?

Эрк видел, что богословские вопросы, поднятые Лютером, ставят под сомнение авторитет папской власти. Испокон веков римские первосвященники считали себя заместителями Христа. Они уверяли, что их власть основана на божьем праве. Но если это не так, то тогда римский папа просто узурпатор?

В своих тезисах Эрк делал упор на положения, которые заставили бы Лютера громко высказать свои взгляды на папскую власть.

Диспут должен был происходить между Эрком и Карлштадтом, но было ясно, что Лютер не останется в стороне. Местом диспута был выбран Лейпциг.

Эрк появился в Лейпциге первым. Его встречали с почестями. На следующий день в религиозной процессии он шествовал рядом с учеными мужами теологического факультета.

Томас с нетерпением ждал Лютера и Карлштадта. Они прибыли 24 июня, и их въезд в город не был ни торжественным, ни пышным. Тот, кто надеялся поглазеть на блестящую кавалькаду, был разочарован.

Виттенбергские ученые ехали на двух обыкновенных повозках. На первой среди превеликой кучи фолиантов сидел маленький черноволосый Карлштадт. Лютер и Меланхтон были на второй. Их сопровождала большая толпа, человек двести, студентов, прихвативших с собой на всякий случай пикки и алебарды. На повороте у передней повозки внезапно сломалось колесо. Карлштадт со всего размаху полетел на землю. Улица огласилась хохотом. Студенты помогли Карлштадту встать. Он упал очень неудачно и расшиб руки. В пыли валялись огромные книги.

Дурное предзнаменование! Похоже, что в предстоящих спорах милость божья будет не на стороне виттенбергских мудрецов.

Они остановились в доме Мельхиора Лоттера, печатника и шинкаря. Карлштадт чувствовал себя неважно. Врач перевязал ему руки и сделал кровопускание.

Вскоре Лютеру сообщили, что на дверях церкви появился приказ епископа, запрещающий диспут. Правда, магистрат тут же велел сорвать листовки, а человека, который их приклеивал, засадить в тюрьму. Диспут разрешен герцогом Георгом и должен состояться.

Хотя магистрат и почтил Карлштадта и Лютера традиционным кубком вина, по всему было видно, что симпатии городских верхов на стороне Экка. Лишь отдельные лица осмеливались открыто общаться с учеными из Виттенберга. А перед Экком были распахнуты настежь двери лучших домов, и он, шумливый и развязный, как бродячий актер, хвастливо разглагольствовал среди восторженных слушателей. Ему не знали чем угодить. Когда стало известно, что он привык ежедневно совершать прогулки верхом, отцы города поспешили предоставить ему отличную лошадь и расторопного конюха.

Первоначально было условлено, что диспут будет вестись в немецкой манере, то есть каждый будет читать заранее приготовленные выступления. Теперь же Экк, чувствуя поддержку герцога, требовал, чтобы диспут шел в вольной итальянской манере. Он был уверен, что переговорит кого угодно. Искушенный оратор, находчивый и острый на язык, он ловко жонглировал цветистыми фразами и, как никто, умел создавать впечатление, что доводы его непобедимы. Он превосходно понимал, что почти всегда успех его зависит не от истинности защищаемых им положений, а от его редкого искусства быстро и ловко топить противника в водопаде речей. Он терпеть не мог, когда выступления его записывались. Посидев на досуге над протоколом, нетрудно увидеть, насколько легковесны аргументы Экка. Да и

вообще зачем распространять ложные взгляды раскольников! Поэтому он упрямо настаивал, чтобы протоколы не публиковались.

Лютер прибыл как один из спутников Карлштадта. Но Экку важней всего было добиться победы над Лютером. Он не скрывал, что приехал в Лейпциг только ради доктора Мартина. Он уговорил Георга Саксонского официально разрешить Лютеру участвовать в диспуте.

В конце концов Карлштадт согласился, что материалы диспута будут обнародованы после того, как третейские судьи выскажут о них свое мнение. Об этих судьях препирались долго. Виттенбержцев старались поставить в самые невыгодные условия: пусть они или откажутся от диспута, или признают судьями тех людей, которых им предлагают. По городу разнесся слух, что они из трусости хотят избежать спора. Они приняли вызов.

Утром 27 июня Экка и Карлштадта церемонно приветствовал университет. После торжественного богослужения процессия направилась в герцогский замок. Зал был украшен дорогими коврами. Профессор поэтики, отчаянно кашляя и хрипя, битых два часа терзал слушателей нуднейшей латинской речью «О том, как следует вести диспут, в особенности по вопросам теологии». Когда он кончил, был исполнен псалом, который все слушали, стоя на коленях.

И вот диспут начался. Трудно найти людей, которые так резко отличались бы друг от друга. Экк — высокого роста, крепко скроенный, широкогрудый, сильный, самоуверенный. Он обожал театральные жесты и строил из себя большого барина. Даже его сторонники признавали, что грубое лицо и весь его облик скорее подходят мяснику или громиле-ландскнехту, чем профессору теологии. Рядом с ним щуплый Карлштадт казался совсем маленьким и слабым.

Слушать Карлштадта было тяжело: склонившись над бумажками, он, словно педантичный учитель непонятливым ученикам, диктовал свои положения.

Экк мгновенно сообразил, как легче всего обезоружить противника. Он добился, что устроители диспута запретили спорящим пользоваться записками и листать книги. Они должны держать все в голове!

Магистрат, опасаясь, что разгорятся страсти, отрядил блюсти порядок в замке около сотни вооруженных и облаченных в латы горожан. Они изнывали от безделья. На диспуте царила скука. Злые языки говорили, что даже лейпцигские богословы, сидевшие вокруг кафедры, спали, и их приходилось будить, когда наступало время обеда.

Неудача Карлштадта была очевидна и для его друзей. Мало утешения в том, что он прав. Он так вяло ведет диспут, что Экку безнаказанно сходят его плутовские трюки: приписывание противнику чужих взглядов, ловкое по ходу спора придумывание цитат, которых нет ни в одной книге. Карлштадт, оправдываясь, говорил, что из-за ушибов и кровопускания он не может достаточно быстро отвечать на выпады Экка.

Томасу с каждым днем все больше нравился Карлштадт, некрасивый, выглядевший старше своих лет человек. На этот раз он не блещет красноречием, но за его тяжеловесными фразами чувствуется непоколебимая убежденность. Да ведь и обращается он к книгам не из беспомощности — он хочет поосновательнее доказать заблуждения противника.

После нескольких дней диспута Экк был уверен, что с Карлштадтом покончено. А как поведет себя Лютер? Он вызывал всеобщий интерес. Доктор Мартин выгодно отличался от Карлштадта — сильный, полный энергии, с живыми, внимательными глазами. Даже в его внешности были черты, которые давали пищу праздным толкам. Замечали все: и ткань одежды, и покрой берета, и худобу — уверяли, что сквозь одежду можно легко пересчитать его кости, — и перстень на пальце. Странное дело, доктор Мартин и в этом не походил на других. Мода была на золотые кольца, а Лютер носил серебряный перстенок. Что в нем? Таинственный амулет, средство против нечи-

стой силы или какое-нибудь снадобье, подаренное отступнику самим лукавым? Наверняка там что-то было. Сведущие люди уверяли, что в его перстне сидит сам черт. Монахи, встречая Лютера на улице, переходили на другую сторону и иступленно крестились: «Изыди, сатана!»

Многие вздохнули с облегчением, когда увидели, что на кафедру вместо Карлштадта поднялся Лютер. Доктор Мартин прекрасно владел собой. Он был подчеркнута спокоен и самоуверен. В его поведении чувствовалась склонность к позерству. Он принес с собой букетик гвоздик и как ни в чем не бывало нюхал цветы, пока Экк метал по его адресу грома и молнии. Мюнцера при всем его пылком восхищении Мартином раздосадовала такая вольность. Шла борьба за умы людей. Уместно ли кокетливо прятать нос в яркие гвоздики? Мюнцеру претили позы. Решившись на борьбу, следовало запастись оружием, а не цветами.

Лютер заговорил, и в зале воцарилась глубокая тишина. Доктор Мартин превосходный оратор. У него хороший голос. Речь его четка и немногословна. После громоподобных словоизвержений Экка его приятно слушать, тем более что был он весьма сдержан. Он заявил, что из благоговения перед папой и католической церковью он бы с радостью вообще не касался вопросов, вынесенных на диспут, если бы Экк его не вынуждал.

Но на следующее утро диспут принял весьма острые формы. Экк решил бить без промаха. К чему препираться о разных частностях, когда каждому должно быть ясно, что защищаемые Лютером положения просто-напросто гуситская ересь? Взгляды Лютера на природу папской власти, заявил он, поразительно похожи на заблуждения раскольников чехов.

Лютер отвел выпад Экка как недостойное измышление. Но тот и не подумал отказаться от темы, которая давала возможность показать противника в невыгодном свете. С издевкой в голосе он спросил Лютера: «Если ученый отец на самом деле против гу-

ситов, то почему же он тогда не использует своих выдающихся талантов, чтобы письменно их опровергнуть?» Мартин решительно возражал против попытки представить его сторонником Гуса.

Когда объявили перерыв, толпа устремилась обедать — кто домой, кто в харчевню. Друзья окружили Лютера. Мюнцер не мог подавить волнения. Его тревожили ответы Мартина. Здесь нельзя было влиять. Лютер слишком пылко называет попытки Экка связать его взгляды с учением Гуса недостойными измышлениями. Отклонять идейное родство с Гусом — не значит ли это отречься от Гуса? Тогда многим ли отличаются новые реформаторы от тех священников-палачей, которые отправили его на костер? Надо прямо заявить об отношении к Гусу, считает ли Лютер его еретиком или нет. Конечно, такое заявление требует смелости. Оправдывать осужденного церковью еретика — значит впадать в ересь.

Мюнцер был рад, что не ошибся в Мартине. Сразу же после перерыва Лютер вернулся к вопросу, ответа на который добивался Экк. Он торжественно провозгласил: «Среди положений, выдвинутых Яном Гусом и гуситами, много воистину христианских и евангельских, коих церковь не может осудать!»

Слова Лютера вызвали бурю. Возмущенные крики мешались с возгласами одобрения. Студенты из Виттенберга неистово шумели. Герцог Георг громко выругался: «Ну и разошлись!» Сидевший рядом шут строил уморительные рожи.

Экк ухватился за слова Лютера. Ведь это чистейшая ересь! Выходит, что ученый отец берет на себя смелость обвинять в заблуждении Констанцкий собор, который признал учение Гуса еретичным и сжег ересиарха?!

Понимая, куда клонит Экк, Лютер заявил, что у него не было и в мыслях выступить против решений собора. Но Экк брался на основе сочинений и речей Лютера доказать, что тот сочувствует гуситам. Доктор Мартин перебил его и назвал это утверждение бесстыдной ложью.

Он принес жалобу: Экк нарушает правила диспута и ведет себя не как одна из равноправных спорящих сторон, а притязает на роль судьи. Возвращаясь к Гусу, Лютер сказал: «Заблуждений Гуса я не одобрял, и пусть докажут мне, что положения, которые я назвал христианскими, ошибочны».

Противники должны были употреблять обращение «господин доктор», но в пылу спора величали друг друга иначе. Оба они, и Экк — «Господин Орало», и Лютер — «Настырный монах», любили крепкие слова.

Комиссар герцога, уполномоченный наблюдать за диспутом, запретил допускать личные выпады и оскорбления. Экк пошел на попятную: он ведь не обзывал Лютера еретиком, а только установил, что тот защищает взгляды еретиков.

В зале продолжали шуметь. Герцог Георг не решил впредь касаться этой темы. Однако и на следующий день из-за Гуса снова произошла стычка. Страсти еще более накалились, когда Лютер перешел к другому вопросу: на каком праве, божьем или человеческом, основана папская власть? Постановления церковных соборов Лютер не считал непогрешимыми. Надо сперва доказать, что соборы никогда не ошибались и не могут ошибаться.

Вдруг с необычной для него вежливостью Экк сказал: «Достопочтенный отче, если вы верите, что собор заблуждался или мог заблуждаться, то, на мой взгляд, вы ничем не отличаетесь от язычника. А что такое еретик, здесь нет нужды растолковывать».

После Лютера опять спорил с Экком о свободе воли Карлштадт. Но главное высказал Лютер: притязания римского папы на неограниченную власть не основаны на божьем праве.

Экк торжествовал. Какие еще нужны доводы, чтобы осудить Лютера как еретика! Он радовался, что помог мятежному монаху вырыть собственную могилу.

Герцог Георг, ожидая высоких гостей, хотел как

А. Дюрер. Из серии гравюр на темы Апокалипсиса.

А. Дюрер. Крестьяне.

следует подготовить замок к их приезду и велел свертывать затянувшийся диспут. Лютер не сомневался, что его доводы сильнее, чем аргументы Экка. Но лейпцигский диспут принес ему немало огорчений. Он еще долго с обидой вспоминал, что герцог Георг и городские власти были к нему несправедливы.

Хвастливый Экк возомнил себя победителем. Герцог Георг не только оплатил все издержки Экка, но и осыпал его милостями. Магистрат не отставал: Экку подарили отличную одежду из верблюжьей шерсти и добротный кафтан. Он чувствовал себя превосходно. Буйный и жадный до удовольствий, как ландскнехт, он усердно посещал кабаки и веселые дома. Он нашел, что пиво в Лейпциге жидковато, а «сестрицы Венеры» чересчур хлопотливы. В этих вещах профессор богословия понимал толк. Предаваясь разгулу, Экк не забывал и о делах: он обратился к верховному инквизитору западных земель Германии с просьбой помочь ему бороться с виттенбергскими еретиками.

Экк был настроен очень воинственно. Заручившись поддержкой инквизитора, он добился, что два университета, Кельнский и Лувенский, осудили ряд тезисов Лютера и высказались за уничтожение его работ. А епископ бранденбургский признавался, что снова будет спать спокойно лишь после того, как Лютера отправят на костер.

Но сколько бы Экк ни изображал из себя триумфатора, настоящим успехом похвастаться он не мог. После диспута Лютер и его друзья наводнили книжный рынок сочинениями, где опровергались и высмеивались взгляды, которые защищал Экк. Число сторонников Лютера росло. Решение об итогах диспута должны были вынести третейские судьи — Эрфуртский и Парижский университеты. Эрфурт не пожелал высказаться, а ученые Сорбонны запросили такую кругленькую сумму, что герцогу Георгу она оказалась не по карману. Он был ревностным католиком, но не настолько, чтобы собственноручно отвалить парижским богословам шестьсот или семьсот золотых крон.

Смерть императора Максимилиана вызвала лихорадку вожделений. Усопший прочил на престол Священной Римской империи своего внука Карла. Курфюрсты, от которых зависел выбор, обещали голосовать за него, но когда Максимилиан умер, они поняли, что теперь воля их ничем не связана. У Карла, короля Испании и Неаполя, были опасные соперники: английский король Генрих и король Франции Франциск. Мысль об императорской короне не давала спать многим правителям Европы. Римская курия повсюду рассылала своих расторопных агентов. Папа Лев X, опасаясь, что избрание Карла сосредоточит в руках Габсбургов слишком большое могущество, поддерживал французского короля. Самонадеянный и честолюбивый, Франциск был уверен, что добьется успеха. Он цинично, почти в открытую подкупал курфюрстов. Но Франциск переоценил свои возможности. Он показал себя слишком деятельным и самоуправным. Князья Германии увидели в его поползновениях угрозу собственной власти. Карл, молодой и неопытный, сидящий в далеком Мадриде, был, по их мнению, более приемлем. В последний момент даже папа отрекся от Франциска.

28 июня 1519 года, когда еще только начинался лейпцигский диспут, во Франкфурте, в полутемной часовне, курфюрсты выбрали Карла императором.

Францисканцы Ютербога, обвиняя Мюнцера в ереси, связывали его взгляды с воззрениями еретиков чехов. Сто с лишним лет назад Ян Гус выступил со смелым осуждением официальной религии. Он порицал разложение клира, высказывался против огромных земельных владений церкви, против власти папы, против лжи пышных и ненужных обрядов. Его возмущала продажа индульгенций и жадность духовенства. Постановлениям римской курии он противопоставил свидетельства священного писания. Простые люди должны слышать проповедь слова божьего на родном языке! Он учил, что между

священником и мирянином нет разницы, и поэтому каждый человек может причащаться под обоими видами, не только хлебом, но и вином — из чаши.

Гуса вызвали на Констанцкий собор и, несмотря на охранные грамоты императора, сожгли как еретика. Но дело Гуса не умерло. Поднялся чешский народ. Гуситские войны сотрясли всю Европу. Армии крестоносцев, направленные против чехов, были разгромлены. Но среди гуситов не было единства. Состоятельные горожане и дворяне хотели ограничиться религиозной реформой и конфискацией владений церкви. Они звались «чашниками», потому что настаивали на причастии под обоими видами. Мелкие ремесленники и крестьяне понимали учение Гуса по-своему и стремились освободиться от господского гнета. Их главный лагерь находился в городе Табор, и они именовали себя «таборитами». Чашники сговорились с немцами и, предательски напав на таборитов, нанесли им поражение. Римский престол был вынужден согласиться с требованиями чашников.

Теперь в Чехии наряду с католическими церквами существовали церкви чашников, где службы велись на родном языке. Но учения таборитов продолжали жить в народе. Мюнцер испытал на себе сильное влияние их идей. Мечом, провозглашали табориты, обязаны «избранные» перебить всех носителей зла и уничтожить частную собственность!

Мюнцер очень любил Гуса. Свято и дорого должно быть каждому честному человеку его имя! Но почему Мартин, касаясь взглядов Гуса, делает столько оговорок?

Ряд суждений Лютера казался Томасу ошибочным. Ему надо самому во всем разобраться. Когда Мюнцеру предложили место исповедника в женском монастыре в Бойдице, он согласился. Здесь у него будет вдоволь свободного времени. Приехав в Бойдице, он засел за книги.

Постоянно носится Лютер со своим блаженным Августином! Томас занялся сочинениями Августина. За четыре месяца он тщательно изучил пять огром-

ных фолиантов. Вот где корень ошибок — вслед за Августином Лютер лишил род человеческий свободы воли! Гнусное это дело — так презирать людей!

Лютер учит, что человек «оправдывается», то есть освобождается от грехов и заслуживает вечного блаженства, одной только верой. «Оправдание» — это милость божья. Нет, с этим Томас никогда не согласится. Человека спасает лишь его собственное поведение, его непримиримая борьба со злом, его способность отрешиться от личного во имя общего!

Томас продолжал изучать Таулера и, кроме того, успел прочесть несколько хроник и старый латинский перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Несмотря на напряженную работу, он был, как всегда, жизнерадостен и общителен. Монахини знали о его занятиях. Кое-кто из них искренне сожалел, что магистр Томас, этот добрый, любящий веселую шутку человек, слишком много сил отдает ученым трактатам. Ему доставляло удовольствие подносить девушкам маленькие подарки. Однажды в письме монахиня Урсула лукаво спрашивала, уж не Таулер ли научил его делать подарки красоткам.

В Лейпциге среди слушателей, которые с особым интересом следили за диспутом, было несколько чехов. Один из них, Яков, пражский органист, вернувшись на родину, рассказывал о диспуте и о своей встрече с Лютером. Виттенбергский ученый не только одобрительно отозвался о Гусе, но и высказал желание прочесть что-нибудь из его работ.

В Праге, в Тынской церкви, собирались убежденные последователи Гуса. Двое служивших там проповедников написали Лютеру письма, дружески приветствовали его как саксонского Гуса и послали ему Гусово сочинение «О церкви».

Однако прошло два с половиной месяца, пока Лютер получил эти письма. Они побывали уже во

многих руках. Лютер побоялся сам отвечать чехам и не хотел, чтобы это сделал кто-нибудь из его ближайшего окружения. По его просьбе Меланхтон продиктовал посланцу, ехавшему в Прагу, письмо, где благодарил за подаренную книгу.

Трудная это была проблема — отношение к чехам. Лютер был вынужден возвратиться к ней снова. Нет, он и не думал — упаси бог! — искать союзников для борьбы с Римом среди еретиков чехов. Он мечтал примирить чашников с католической церковью и заявлял, что направился бы в Чехию, если был бы уверен в успехе. Лютер был полон решимости выступить против «чешских заблуждений». Но события приняли неожиданный оборот.

Книга Гуса «О церкви» была издана в Германии в начале 1520 года. Многие ее уже прочли, а Лютер так за нее и не взялся. Только в марте он удосужился ее начать. И был потрясен — настолько его собственные мысли были близки учению Гуса.

«До сих пор, — признавался Лютер, — я бессознательно учил тому же, что и Гус... Все мы невольно гуситы...»

Признания эти обязывали ко многому.

Мюнцер часто говорит об «истинном Евангелии», «о духе святом», но в его устах эти слова звучат совершенно иначе, чем в устах попов. «Дух святой» — это стремление человека к общей пользе, способность ради общей пользы отказаться от всех личных, эгоистических побуждений и поступков. «Жить го-евангельски» — значит осуществлять принцип общей пользы. Иноверцы, турки или евреи, страдающие от своих господ, могут обладать «Христовым духом», а епископ, пьющий кровь своих мужиков, наверняка его лишен. Люди, по мысли Мюнцера, делятся на «избранных», или «праведных», и «отверженных», или «нечестивых». Не бог предопределяет судьбу человека — от самого него, от его дел и устремлений зависит, быть ли ему «избранным» или

«отверженным» *. Нет, не надо ждать Страшного суда, чтобы определить, кто праведен, а кто нечестив. «Избранный» не похвάζεται своей безгрешностью, но он обладает «страхом божьим» — совесть не позволяет ему творить зло. А у «отверженного» совесть спит: он, не думая о других, своекорыстно стремится ухватить побольше различных мирских благ — этим-то он и выдает себя. Поэтому все угнетатели, какую бы личину они ни напяливали, нечестивы!

«Избранные» подчиняют свои поступки и помыслы борьбе за установление на земле «царства божьего», такого уклада жизни, когда народ осуществляет власть, а все блага становятся общими. Каждый по потребности получает все от общины.

Столетиями люди мечтали о царстве божьем на земле, о равенстве, об общности имуществ. Церковь беспощадно преследовала еретиков, но мысли этой так и не могла подавить. Тысячи людей в разные времена спорили, как достичь торжества справедливости. Но даже среди тех, кто этого искренне желал, было множество разногласий. Общность имущества? Прекрасная идея! Но разве ее осуществишь — дух себялюбия заложен в человеке от рождения. Разве можно изменить природу людей?

Жалкие сомнения маловеров! Да, сейчас каждый норовит тянуть в свою сторону, ибо народ еще темен. Но как только воссияет в сердцах человеческих настоящая вера, все преграды падут. В самих себе сперва подавить дьявола? Едва люди станут иными, исчезнет и царство зла? Веками людей убеждали в спасительности этого пути! А что изменилось? Он, Мюнцер, прекрасно понимает, что полное осуществление идеалов царства божьего на зем-

* Характеризуя взгляды Мюнцера, Ф. Энгельс пишет: «Его теолого-философские доктрины были направлены против всех основных догматов не только католицизма, но и христианства вообще. В христианской форме он проповедовал пантеизм... местами соприкасающийся даже с атеизмом» («Крестьянская война в Германии», М., 1952 г., стр. 45).

ле будет возможно только тогда, когда люди действительно станут иными. Но поднять человека до степени определенного внутреннего совершенства удастся лишь в том случае, если этому не будут препятствовать тираны, по воле которых народ пребывает в невежестве и в нужде. Вечная забота о куске хлеба и обязанность набивать горло прожорливым господам мешает беднякам постигать слово правды. Поэтому прежде всего необходимо освободить народ. Чем скорее крестьяне и ремесленный люд избавятся от господского гнета, тем успешней пойдет борьба за установление на земле царства справедливости.

В начале 1520 года по всей Германии разнеслась новость: Лютер бежал в Чехию! Томас воспринял это известие с восторгом. Мартин нашел в себе силы отбросить колебания. Лютер, с опаской похваливший Гуса, теперь смело, не оглядываясь на князей, встал на путь борьбы!

Но радость продолжалась недолго. Вскоре выяснилось, что доктор Мартин, как и прежде, живет в Виттенберге и внимательно прислушивается к курфюрсту. Доктор Мартин, верно, не такой человек, чтобы идти на опасную связь с еретиками чехами.

Видеть в потомках таборитов своих братьев и союзников могут только те немцы, которые действительно хотят настоящих перемен.

Мюнцер стал серьезно подумывать о поездке в Прагу.

Он жил очень скромно. Привыкший со студенческих лет считать каждый грош, Томас, когда у него и бывали деньги, тратил на себя мало. Он довольствовался самой простой пищей и не думал о новой одежде. Бумага была дорога. Он писал на четвертушках, на обратной стороне полученных писем, на счетах — везде, где оставалось чистое место, между строк и на полях. Он таскал в дорожном

мешке кучу разных записок часто только из-за того, что их можно было использовать для черновиков.

У него была страсть, которая делала его безрассудно расточительным, — страсть к приобретению книг. Здесь он не знал никакой меры. Он был знаком со множеством издателей и книготорговцев, от спесивых лейпцигских воротил до простых книгонош, торгующих по деревням лубочными листками.

На книги он тратил больше, чем позволяли средства, и постоянно был должен торговцам. Часто проходили долгие месяцы, пока он находил возможность расплатиться. Нередкие в его жизни периоды полного безденежья удручали Томаса особенно тем, что лишали его радости покупать новые издания. Он был неистовым библиофилом: случалось, что он заказывал два экземпляра одной и той же книги.

Круг его интересов был очень широк. Он старался не пропустить ни одной новинки: покупал все работы Лютера, Карлштадта, Меланхтона, книги античных писателей и произведения гуманистов. Он приобрел новое роскошное издание отцов церкви и фривольную книжку Апулея.

С книготорговцами он вел себя словно крез, а во всем остальном его неприязнительность граничила с аскетизмом.

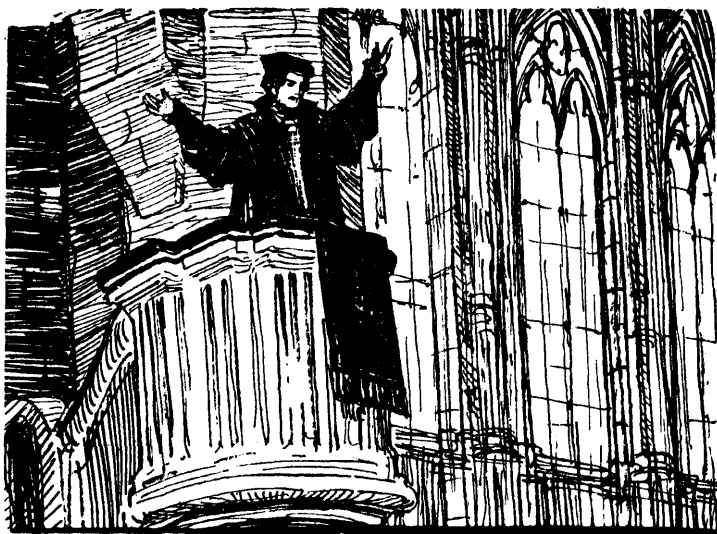
В середине апреля 1520 года Мюнцеру передали предложение занять должность проповедника в одной из церквей саксонского города Цвиккау. В Лейпциге Лютер познакомил Томаса со своим сторонником Иоганном Вильденауэром, который, следуя моде, звался на латинский лад Эграном. Эгран уезжал, и его место временно, до михайлова дня, оставалось свободным. У Лютера в магистрате были друзья, и он порекомендовал им Мюнцера.

Томас тут же ответил согласием.

ЖЕМЧУЖИНА САКСОНИИ

М

агистр Томас Мюнцер возбудил в Цвикау большое любопытство. На его первую проповедь явились почти все члены магистрата. Но из кварталов, заселенных беднотой, пришли немногие. Чего

ждать от нового проповедника, если он прибыл как заместитель Эгран, основная забота которого — угождать толстосумам?

На своих обычных местах сидят именитые бюргеры, их нарядные жены, холеные дети. Все с интересом разглядывают проповедника. Он не так приятен в обхождении, как его предшественник изысканно вежливый Эгран. Да и манера говорить

у него совершенно иная. Он не старается расположить к себе слушателей благозвучными фразами, красивыми жестами, снисходительной, всепрощающей улыбкой. Внешность Мюнцера не ласкает взора: средний рост, скуластое лицо, пронзительный взгляд темных быстрых глаз. Он не щеголяет образованностью, но говорит превосходно. Необыкновенной силой дышат слова. Они грубоваты и резки. Длинным разглагольствованиям Мюнцер предпочитает хлесткое сравнение, смелый эпитет, народную поговорку.

Вовсю достается священникам и монахам. Хороши пастыри, которые даже у смертного одра пекутся лишь о своей ненасытной жадности! Что будет с паствой, если у слепых овец слепые пастухи? Получив изрядную мзду, они творят заупокойные молитвы, словно могут помочь умершим!

Мюнцера не останавливает, что в церкви много людей, одетых в сутаны. Он бросает им в лицо: «У монахов чудовищная пасть — если отхватить от нее добрую половину, то и тогда у них останутся достаточно большие рты!»

Такого не услышать от Эграна! Он тоже позволял себе выпады против «нищенствующих» орденов, острил по их адресу, высмеивал невежество и пороки. Но дух его речей был совсем другим. В них не было этой непримиримости и страсти.

Ну и заместителя нашел себе Эгран! Едва появившись, он сразу же осмеливается на такие речи. В самом деле, чудовищны пасти у монахов, и было бы неплохо отхватить от них добрую половину!

«Жемчужиной своих владений» называл Цвикау курфюрст Саксонии. Город лежал на перекрестке древних торговых путей, среди широкой плодородной равнины, у подножья гор. Здесь шла дорога из Франконии в саксонские земли, Дрезден и дальше на славянский восток. Купцы Южной Германии спешили на ярмарку в Лейпциг, в Силезию или в ганзейские города. Отсюда рукой подать до Чехии.

С незапамятных времен в городе процветала торговля. Через Цвиккау проходили огромные массы зерна. Хлеботорговцы обязаны были три дня выставлять здесь на продажу свой товар. Дешевый ячмень породил множество пивоваров. На тридцать окрестных деревень распространил город свое право монопольной торговли пивом.

Цвиккау издавна славился своими сукнами — по качеству уступая только лондонским и нидерландским, они создали городу завидную славу. Но не добротные сукна принесли настоящее богатство. Уже несколько десятилетий как неподалеку, в районе Шнеберга, были найдены месторождения серебра. Оборотистые купцы и мастера суконщики стали вкладывать средства в новое дело. И не ошиблись. Серебро не успевали перечекивать в монету. Хозяева рудников делили между собой слитки.

Конец XV века прошел в серебряной лихорадке. Повсюду вырастали дома, лавки, склады. Толстосумы подзадоривали друг друга. Трехэтажные особняки поражали своим великолепием. Торговец сукнами Мартин Рёмер стал первым богачом Саксонии. С ним соперничал Ганс Федерангель, бывший сукнодел. Они ссужали своих князей баснословными суммами, покупали у них замки, должности, привилегии. Они щеголяли показной щедростью, украшали храмы, содержали священников. В городе на их деньги был вырыт красивый пруд. 1400 золотых гульденов отвалил Рёмер известнейшему нюрнбергскому живописцу Вольгемуту, учителю Альбрехта Дюрера, за большой алтарь в церкви св. Марии.

В рудниках надрывались и гибли горнорабочие. На нищенское жалованье жили впроголодь их семьи. А владельцы копей, у которых кладовые ломились от серебра, успокаивали свою совесть чем могли — покупали индульгенции, одаривали церкви, жалкие гроши тратили на бедняков. Как добродетельные христиане, они занимались благотворительностью: завели для бездомных ночлежку и по воскресеньям выдавали голодным порцию хлеба с мясом.

Из рудников Шнеберга в город постоянно текло серебро. Одним оно приносило неслыханные богатства, других ввергало в еще большую нищету. Зажиточные сукноделы, присосавшиеся к приискам, быстро и ловко использовали свои доходы, чтобы подчинить себе прежних собратьев по цеху, которые жили лишь за счет собственного труда. Неравенство росло с каждым днем. Мастера, еще недавно гордившиеся самостоятельностью, попадали в кабалу к крупным предпринимателям. В цехе ткачей-суконщиков, главном цехе города, количество мастеров резко сокращалось. Многие мастера, чьи отцы играли в городе видную роль, низводились до положения подмастерьев. Кое-кто из них уходил искать счастья на чужбине.

А что творилось в магистрате! Богачи уже не довольствовались тем, что прочно захватили кормило правления. Они сами освободили себя от городских налогов и переложили все бремя на бедняков. Поборов было хоть отбавляй: на нужды города, на курфюрста, на императора. Магистрат состоял почти сплошь из представителей богатейших фамилий. Финансовые дела держались в секрете. Под покровом тайны процветало лихоимство.

Приток серебра вел к дороговизне. Мешки со слитками вывозили из города, а с трудовым людом расплачивались порченной монетой. Ропотливых выставляли в три шеи. Хозяева могли себе это позволить. Серебряная лихорадка пригнала в Цвиккау массу народа — рабочих рук было больше чем достаточно.

Борьба никогда не прекращалась. Городские низы требовали улучшения своей доли. Иногда вспыхивали серьезные волнения. Но недовольные были разобщены, а у патрициата всегда находились наготове крепкие кнехты.

Через несколько дней после первой проповеди Мюнцер снова поднялся на кафедру. На этот раз церковь св. Марии была полна. Здесь были не толь-

ко ее прихожане: купцы, цеховые мастера, владельцы рудников, члены магистрата. Толпа все валила и валила... Шли люди из бедных кварталов: красильщики, шерстобиты, ткачи.

Когда Мюнцер начал проповедь, яблоку негде было упасть. Даже на улице, у входа, теснились люди.

Томас говорил о невыносимом положении в городе и округе. Конечно, Цвиккау — лакомый кусочек для разных духовных особ. Всем им прекрасно платят. А как они исполняют обязанности, которые налагает на них сан? Они не хотят ничего знать, кроме плотских утех. Для своей паствы они не желают делать даже самой малости. Они предпочитают по дешевке нанять заместителя, лишь бы тот мог кое-как вести службы, а сами уезжают проедать чужие денежки в расчудесный Нюрнберг! Слишком уж много разных бездельников понабралось в городе. Чего стоят одни францисканцы. «Нищенствующий» орден может поспорить богатствами с любым князем. Давным-давно забыли братья минориты свою «сестру бедность». Сколь долго же в Цвиккау будут терпеть этих тунеядцев, мириться с их привилегиями и безропотно сносить их злодеяния?

Церковь была набита до отказа, а народ все прибывал. Теснота увеличивалась еще и оттого, что в церкви шла перестройка и стояли леса. Люди напирали. Затрещали доски. Вдруг тяжелая балка, укрепленная под куполом, угрожающе накренилась. Поднялся отчаянный крик: «Спасайтесь!...» Началась давка. Леса затрещали еще грознее. Посыпались стекла: люди половчее выскакивали в окна.

— Образуемьтесь! — голос Мюнцера тонул в ужасном шуме.

Подпорки были сметены. Леса разъехались, и балка рухнула. К счастью, она зацепилась за поперечное бревно. В церкви уже почти никого не было. На полу валялись туфли, шляпы, береты, платки, чей-то оторванный воротник...

Мюнцер остался на кафедре. Худое, желтоватое лицо не выдавало волнения. Над его головой, чуть покачиваясь, висела огромная балка.

О происшествии в церкви было немало пересудов. Монахи тут же попытались использовать его против Мюнцера. Такой проповедник принесет городу одни несчастья. Перст божий указывает, что ждет людей, которые будут ему внимать. Пусть это послужит уроком — ныне господь в бескрайнем своем милосердии ограничился предостережением. Но горе тем, кто не одумается! В мастерских, среди куч шерсти и красильных чанов, много о нем говорили. Да, это не Эгран — тот бы первым бросился наутек прямо по головам своей паствы!

Ученейший магистр Томас не сторонился простых людей. Он много времени проводил в кварталах, где ютились бедняки, заходил в дома, посещал мастерские. Его излюбленным местом была Собачья улица — трущобы Цвиккау, нищая улица горемык. Не сразу стал он здесь своим человеком. Вначале к нему относились с недоверием. Но чем больше узнавали его люди, тем охотней раскрывали перед ним свои сердца. Чему тут удивляться? Магистр Томас не подлаживался к настроениям ткачей и не заигрывал с чесальщиками шерсти. Он не утешал их красивыми словами и не вселял пустых надежд. Просто их беды были его бедами, их гнев — его гневом.

Адом пугали людей. Но ад находился не где-то в потустороннем мире — здесь, на земле, жизнь большинства тружеников была сущим адом.

Отцы города не любили говорить о том, какой ценой доставались им богатства. Их лари были наполнены золотом, мокрым от крови и слез. Рабочий люд, выбивающийся из сил в рудниках и мастерских, платил за их роскошь всегдашним недоеданием, подорванным здоровьем, ранней старостью. Давно ушли в прошлое времена, когда человек, знающий ремесло, мог сравнительно легко кормить семью. Деньги, стекавшиеся в руки немногих, сломали прежние цеховые порядки. Расцвет сукноделия был неразрывно связан с расширением торговли. Производство лучших сукон требовало особенно хорошей шерсти. Ее приходилось везти издалека. Закупать

шерсть и продавать сукно в чужих краях было по средствам только состоятельным мастерам. Постепенно из их числа выделились предприниматели-сукноделы, которые стали хозяйничать в цехах. Они теперь не маются сами у станков. Они наделяют других работой и знай себе пересчитывают денежки.

Сколько тяжелого труда положат люди разных профессий, пока тюки шерсти превратятся в сукна! Шерсть надо перебрать, промыть, разделить по сортам, распушить и расчесать. Да и прясть ее нелегко. Намотай-ка пряжу на шпульки, — смотри не ошибись: шерсть, идущая на основу, наматывается одним способом, а приготовленная для утка другим. В зависимости от желательной длины, ширины и плотности ткани пряжу натягивают на соответствующий навой. Изнурителен труд ткача, но сукно еще не готово. Материю валяют, ворсуют, красят и затем окончательно отделывают, придавая гладкость и лоск.

Не позавидуешь судьбе подмастерья: четырнадцать, а то и шестнадцать часов в сутки он работает на хозяина. Начинает он со звоном колокола на городской башне. Зимой сигнал раздается в пять часов утра, а летом еще раньше. Цеховые статуты запрещают сверхурочную работу, но хозяин подчас не разрешает выпускать из рук инструменты, когда далеко за полночь. Правда, работу при свечах ограничивают, но думают не о людях — боятся пожара. Да и вообще в полутьме ничего не стоит перепутать краски и испортить дорогое сукно. Если есть срочные заказы, то не позволят отдохнуть и в праздник.

Тяжелая доля! Мальчишкой отдадут тебя в ученье. Мастер будет притеснять тебя как только захочет, а платить должен ему ты. Если нет денег — несколько лет будешь работать даром.

Как бы ты ни был искусен в ремесле, очень сложно получить права мастера. Изготовить шедевр — это еще не самое трудное. А где взять деньги? Хорошо, если ты сапожник, делающий деревянные башмаки, — у тебя дешевый материал и нехитрый инструмент. А если ты слесарь, скорняк или ткач? Откуда взять станок и дорогое сырье? Но пусть ты все это раздо-

был. Мастера стараются любыми путями затруднить доступ в цех. Они поставят кучу условий: ты должен иметь определенный стаж, столько-то прожить в одном месте, обладать имуществом. С тебя потребуют доказательств, что ты законнорожденный. Потом придется сделать взнос в пользу цеха и неоднократно устраивать для мастеров и их жен угощения с обильной выпивкой. Многие так и остаются на веки вечные в подмастерьях и мыкают горе то у одного хозяина, то у другого.

Каждый шаг подмастерья регламентирован цеховыми статутами. Он должен жить в доме мастера и быть холостым. С ним считаются не больше, чем с прислугой. Даже в свободное время он не имеет права располагать собой: он обязан возвращаться в дом не позже девяти часов зимой и десяти — летом. Ему запрещено посещать таверны, кабаки, увеселительные заведения, возбраняется пить в свое удовольствие и играть в азартные игры.

Подмастерье получает харчи и деньги. Хозяин старается, конечно, кормить похуже и всякими правдами и неправдами увеличивать ежедневный урок. Переменить хозяина по своей воле подмастерье не может. А мастер нередко, чтобы ничего не заплатить, придирами вынуждает его уходить до истечения срока.

За невыход на работу, за всякую провинность и недосмотр подмастерья подвергались штрафам или их на время лишали работы. Но особенно жестоко расправлялись с теми, кто становился на путь борьбы, кто создавал тайные союзы подмастерьев или участвовал в стачках. Таких людей исключали из цеха, и в городе им уже никогда не давали работы.

С подмастерьями почти не считались в городских делах. Их старались держать в узде. За ними не признавали человеческих прав. Им не разрешали жениться и позорили их за «дикие браки».

Правда, теперь после упорной борьбы кое-что изменилось: не так ограничивали их свободу, чаще разрешали подмастерьям жить собственным домом, заводить семью. В урожайные годы жалованья хва-

тало на сносное прокормление одного человека. Жить вдвоем уже значило влачить полуголодное существование. А если еще и дети! Разразится неурожай — а это случалось нередко — цены летели вверх, и тогда обычное жалованье становилось совсем нищенским.

Увечье постигло тебя на работе, или ты заболел от перенапряжения — не жди, что хозяин даст денег на лекаря или выплатит пособие. В лучшем случае ты сможешь получить только жалованье, полагающееся до конца срока найма. А дальше делай что хочешь — подымай с голоду или становись на паперти с протянутой рукой.

Люди жили в постоянном страхе за завтрашний день, в обстановке неуверенности, тревоги, ожидания еще больших бед. На что надеяться? На блаженство в загробном мире? На том свете, как и на этом, хорошо будет только богачам. Это они предусмотрительно закупают столько индульгенций, что им отпускаются все грехи: прошлые, настоящие и будущие. А что остается бедняку, если у него нет денег ни на свечи, ни на индульгенции?

Священники благословляли власть имущих, а те смотрели сквозь пальцы на вольности, которыми тешили себя пастыри душ человеческих. Скандальные истории, где были замешаны духовные лица, давно перестали кого-либо удивлять.

В бедных кварталах особенно люто ненавидели тунеядцев попов. В городе было много сектантов-анабаптистов. Вождем их был Николас Шторх, суконщик.

Погода стояла прекрасная, и Лев Х, отдыхая в своем любимом замке, частенько забавлялся охотой. Он с увлечением следил, как травили кабанов. Экк, которого вызвали из Германии доложить папе о виттенбергской ереси, превосходно уловил настроение его святейшества. Набросок подготовляемой против Лютера буллы Экк начал фразой: «Восстань, господь! Дикая вепрь замыслил опустошить твой виноградник!»

Лев X одобрил проект. Вскоре булла была напечатана. Все положения Лютера скопом подвергались проклятию, работы его велено было сжечь и никогда больше не публиковать. Если Лютер и его приверженцы за шестьдесят дней не отречутся от своих взглядов, то они будут отлучены от церкви.

Для обнародования буллы в Германию были посланы Иоганн Экк и библиотекарь папы Джироламо Алеандро.

Доминиканцы, францисканцы и госпитальеры Цвиккау быстро поняли, какой опасный враг появился у них в лице нового проповедника. Объединившись, они повели яростную борьбу. Любыми способами старались они восстановить против Мюнцера горожан, писали жалобы и требовали обуздать пришельца.

Из канцелярии епископа было доставлено в Цвиккау письмо: власти должны обратить внимание на проповеди Мюнцера. В ратуше голоса разделились. Монахи безобразно распоясались — не мешает их как следует осадить. Выступления Мюнцера очень кстати. Он прижмет монахов, а то они уже слишком своевольничают.

Среди членов совета было немало сторонников Лютера. Конечно, магистр Томас выражается решительней и прямей, чем виттенбержцы, но надо думать, что и сам Лютер займет скоро более воинственную позицию. Нет особой беды в том, что Мюнцер горяч. Его ведь рекомендовал доктор Мартин.

Монахи не унимались. Особенно усердствовали францисканцы. Они ходили из дома в дом, нашептывали, возмущались, причитали. Их публично поносит какой-то негодяй, человек без роду и племени. Он подкапывается под устои церкви. Если его речи и впредь будут находить слушателей, то им, братьям миноритам, не останется ничего иного, как умереть от голода.

Но, несмотря на все эти сетования и проклятия, множество народа стремилось послушать Томаса.

Даже в привычные представления Мюнцер вкладывал совсем иную суть. Люди поклоняются Христу. А что он такое и где он? Восседает на небесах и ждет второго пришествия? Нет, отвечал Мюнцер, Христос здесь, на земле. Он всегда пребывает в нас, наши постоянные страдания — это его страдания. Жизнь полна тягот и мучений. Но каждый, кто ищет правды, не должен бояться страданий. Тот, кому слишком легко живется, кто в тяжелую годину не несет креста лишений, тот не сможет отречься от мелких личных целей ради общей пользы. Настоящая вера — это не какая-то милость, ниспосланная потусторонним божеством, — это внутренняя сила человека. Он придавал очень большое значение нравственному совершенству людей. Тот, кто слишком привязан к преходящим утехам, не будет по-настоящему самоотвержен. От былой жизнерадостности Томаса не осталось и следа. Он жил в крайней нужде, мало ел, отказался от вина, почти все деньги отдавал беднякам. Он подавлял в себе и страсть к приобретению книг. Обладать ученостью может и злодей!

Проповеди Мюнцера имели небывалый успех. Клирики всполошились: если так будет продолжаться дальше, то им придется покинуть город. Борьбу против нового проповедника возглавил Тибурций. Он занимал видное положение в ордене миноритов. Целую четверть века он наставлял верующих в Цвиккау, и к его голосу обязательно прислушаются.

Церковь при францисканском монастыре стала местом самых ожесточенных нападков на Мюнцера. Он глубоко заблуждается, когда учит, что Христос постоянно находится в нас самих. «Христос однажды умер, чтобы не умирать в нас... Он ушел из этого мира и не пребывает в нем». Нельзя вечное блаженство называть «царством веры», которое будто бы заключается внутри человека.

Тибурций доказывал, что с богословской точки зрения призывы Мюнцера урезать доходы клириков очень вредны. Да избегнут жители Цвиккау дьявольских соблазнов и по-прежнему, как в добрые старые времена, не жалеют денег для матери церкви!

Так вот чего они страшатся! Если народ прозрит, то церковь лишится богатств, льгот, привилегий. «Нищенствующие» монахи, лицемерно восхваляющие бедность, вкривь и вкось толкуют евангельские тексты лишь бы отстоять свое право на жирный кусок. Они пуще черта боятся бедности.

«Если бы жизнь в бедности, — заявляет Тибурций, — соответствовала Евангелию, то тогда бы царям не дозволено было владеть сокровищами мира. Если истинный христианин обязан отказаться от всякого богатства, как этого требует Мюнцер, то ведь тогда все пастыри, и все верующие, и князья, и цари должны сделаться нищими!»

Теперь народ воочию убедится, за какие блага так цепко держатся попы! А что касается богословия, то, пожалуйста, Томас готов померяться силами с Тибурцием. Тот поклоняется маммоне, а не истине! Мюнцер вызывает его на диспут.

Предчувствуя поражение, Тибурций от спора отказался. Францисканцев провожали на улицах свистом. Взбешенный Тибурций захлебывался от угроз: Мюнцер, верно, забыл, что за спиной здешних миноритов стоит весь их могущественный орден. Орден беспощадно раздавит врага!

На угрозы Томас ответил насмешкой. Он не боится монахов — пусть их будет хоть целая толпа, разъяренных и диких, мечтающих схватить его, растерзать, изничтожить! Хоть целая толпа!

Бурным и жарким было лето. В пылу полемики Лютер провозгласил, что против врагов Германии надо применить силу: «Если паписты будут продолжать упорствовать в своем бешенстве, то, на мой взгляд, остается только одно — император, короли и князья должны обратить против этой чумы оружие и решить тяжбу не словами, а мечом. Воров мы караем виселицей, разбойников — плахой, еретиков — костром. Почему же нам тогда не расправиться силой оружия с этими апостолами разврата — с кардиналами, попами и всем римским Содомом, который губит

церковь господню, и не омыть нам наших рук в их крови!»

Наконец-то! Мюнцер всей душой радовался за Мартина. Время колебаний прошло — настало время действий. Тяжело Лютеру давалось решение, но теперь и он понял, что одной проповедью ничего не достигнешь. Царство Антихриста будет сокрушено, и не словом божьим, а руками людей!

В ратушу со всех сторон полетели тревожные сообщения: речи Мюнцера находят горячий отклик среди жителей предместий. Там поговаривают, что хватит спорить с папистами, пора гнать их в три шеи. Отцы города стали проявлять озабоченность. Не слишком ли далеко заходит магистр Томас в своих нападках на духовенство? Не перешагнул ли он черты, которая отделяет борьбу с недостойными клириками, позорящими свое звание, от борьбы с церковью вообще? Наиболее проникательные из членов магистрата заметили, что не одна только резкость выражений отличает Мюнцера от виттенбергских профессоров. Новый проповедник — человек беспокойный. Другое дело — Эгран! Как о нем не пожалеть! Ему послали письмо и напомнили, что он обещал вернуться. Но Эгран не торопился. Он нужен в Цвиккау? С Мюнцером уйма хлопот? Эгран выдвинул несколько условий. Он не хочет столоваться при церкви, но готов разделять трапезу с какой-нибудь приличной семьей. Из-за слабости здоровья ему в тягость подниматься зимой чуть свет. Он надеется также, что ему разрешат в будни по утрам не читать проповедей. Совет согласился на все, лишь бы Эгран приехал обратно.

Считая, что Мюнцер слишком крут с монахами, члены магистрата просили его умерить свой пыл. Если он будет продолжать в том же духе, то в городе возникнут беспорядки: наслушавшись Мюнцера, чернь примется громить монастыри. Разве этого требует новая вера? Разве этому учит доктор Мартин? Конечно, он не одобрит таких крайностей. Не одобрит? Мюнцер был уверен в обратном. Ну что же, если их интересуется мнение Лютера, он напишет ему.

Он подробно рассказывал о событиях в Цвиккау, говорил о Лютере с глубоким уважением, называл его «образцом и светочем друзей господних». Он, Мюнцер, готов и впредь вместе со своими товарищами, учителями Греческой школы, которые его поддерживают, как пером, так и словом сражаться против засилья монахов. Он до конца разоблачит их перед народом и найдет средства, чтобы они замолкли. Впереди нелегкий путь: «Тяжелые споры предстоят мне, но я твердо надеюсь, что бог решит каждый из них при помощи твоих советов и советов всех христиан».

С нетерпением ждал он ответа. Мартин теперь, разумеется, благословит самую решительную борьбу. Письмо Лютера его поразило. Ладно скроенные фразы, приправленные похвалами, не могли скрыть главного: Лютер призывал к умеренности.

Трудно было понять, что произошло с Мартином. Разве он сам всего несколько недель назад не призывал обратить оружие против папистов? Неужели ему изменило мужество?

Томас долго сидел над письмом в тягостных и горьких раздумьях.

ПРОРОК СОБАЧЬЕЙ УЛИЦЫ

Н

иклас Шторх, высокий, жилистый человек, был уже немолод. Он много повидал на своем веку. Уроженец Цвиккау, Шторх происходил из семьи потомственных сукноделов. Дед был даже членом магистрата

та, отец мастером, а самому ему не повезло. Люди, разбогатевшие на рудниках, оттеснили других мастеров. Семья Шторха утратила свое былое влияние. С ранних лет Никласу, умелому ткачу, пришлось работать на хозяина. Он долго бродил по Германии, жил в Чехии. Поговаривали, что именно там Шторх и набрался крамольных мыслей. Он люто ненавидел попов и уверял,

что нынешнее разложение клира на руку Антихристу и необходима новая вера. Среди рабочего люда Шторх пользовался огромным уважением. Он обладал редким красноречием.

— Давно пришла пора избавиться от монахов и попов. Скажите-ка, кому от них польза? Бездельники лишь проживают со своими мерзкими наложницами наше добро. Вечером они набивают брюхо яствами, упиваются вином и тешатся с любовницами, а утром, едва держась на ногах, читают проповеди и творят молитвы. Повсюду они ведут себя одинаково — как кудесники и фигляры. Разодетые, словно куклы, в шелк и бархат, они колдуют у алтарей. Они то бормочут себе под нос, то оглашают церковь ревом. Они кривляются, как обезьяны, бьют поклоны, простирают руки к небу. Каждый свой жест они сопровождают совершенной тарабарщиной. Во время службы употребляют только латынь. Люди не могут понять, что к чему. А попы извлекают из этого выгоду. Они постоянно требуют денег. И горе несчастному, если он не держит кошелек для них открытым. Тогда они грозятся, что его не впустят в царствие небесное. Они лгут, уверяя, что чем больше человек отдаст церкви, тем угодней он будет богу.

Всю жизнь вы обязаны думать о попах. Даже на смертном одре вы должны вспомнить о них и щедро одарить — коровой, свиньей, овцами — или завещать им добрую часть луга, поля, сада. Если вы бедны, не отчаивайтесь: «бескорыстные» пастыри не брезгуют ничем. Они охотно возьмут и женину юбку, и накидку, и застежки из серебра, и дешевые коралловые бусы.

Чего только они не требуют! Отстаивай службы и выкладывай денежки. Ставь свечи и тверди молитвы: сегодня деве Марии, завтра Петру, Павлу или Андрею. Мало того, отправляйся-ка на поклон святым местам, тащись за тридевять земель в Регенсбург или Аахен, в Испанию или в Рим. Молись об отпущении грехов, старательно посещай церковь, запасись терпением, жди, пока попы проделают все свои обезьяньи штуки и вдоволь наголосятся.

Шторх говорил, что человеку нет нужды ходить в церковь. Там нет божьего слова, а один лишь обман. Люди без всяких попов могут принимать доброе и отвергать злое. Мир нуждается в обновлении. Страстные речи против власть имущих Никлас пересыпал примерами из священного писания. Библию он знал вдоль и поперек.

Когда Томас впервые услышал, как учил Шторх людей, он был удивлен и обрадован. Этот пожилой ткач лучше, чем все богословы Цвиккау, понимает истинный дух священного писания.

Мюнцер не побоялся объявить об этом прямо с церковной кафедры. Вот у кого, у ткача, надо учиться вере!

Они собирались в подвалах, в сараях или в домах при закрытых ставнях. Они избегали незнакомых людей. Иногда их встречи проходили под видом цеховых собраний. Власти косо смотрели на эти сборища. Попы уверяли, что это сходки еретиков. Но стоило сунуться туда какому-нибудь городскому чину, как дюжие подмастерья окружали его со всех сторон. Разве не дозволено им читать вслух священное писание? Они потрясали над его головой библией. И слово божье теперь под запретом?!

Когда ткачи по-настоящему узнали Мюнцера, ему разрешили посещать эти сходки. Да, на них читали библию, но еще больше ее толковали. Люди, изверившись в учения церкви, жадно искали правды. Неужели суждено им вечно мучиться и страдать?

Анабаптисты, «перекрещенцы», были убеждены, что крестить надо не младенцев, а взрослых, когда те способны воспринимать слово божье. Они постоянно ссылались на библию. Цитаты из Апокалипсиса были у них на устах. Они охотно говорили о вещих снах и видениях. Близится день Страшного суда! Ненависть к угнетателям причудливым образом переплеталась с проповедью смирения.

Они верили в грядущее тысячелетнее царство справедливости. Томаса радовало, что среди них были лю-

ди, которые не только жаждали правды, но и готовы были за нее бороться. Однако среди перекрещенцев было немало тихих, богобоязненных людей. Зло может быть побеждено лишь нравственным совершенством, но отнюдь не силой! В воззрениях анабаптистов было много путаного и противоречивого. Но Мюнцер сразу увидел главное — они отвергали церковные догмы и не хотели мириться с существующими порядками. В основе их исканий лежало упрямое неприятие действительности. Надо было направить эти устремления по правильному руслу и добиться, чтобы в кругу анабаптистов восторжествовала мысль о необходимости борьбы — настоящей борьбы и словом и делом!

Тесная спаянность перекрещенцев, умение соблюдать тайну и вербовать сторонников, их широкие связи — все это облегчало превращение замкнутой секты в один из отрядов боевого союза.

Похвалы Шторху, произнесенные Мюнцером во всеуслышание, передавались из уст в уста. Новый выпад против церкви! Поощрять мирян — ткачей, сукновалов и горнорабочих — к толкованию библии — это значит проповедовать ересь и множить число отступников. Даже в кругу близких Мюнцеру людей, местных гуманистов, его дерзкое заявление вызвало недовольство. Письмо Лютера, призывавшее сторониться крайностей, было воспринято как догма. Умеренность была у них в крови. Они мечтали о разумных реформах, а не о жестоких сражениях.

Мюнцер знал, что надеяться на их поддержку можно только до определенной поры. Многие из гуманистов, как и их кумир Эразм Роттердамский, подвергая критике духовенство, стремились лишь к религиозной реформе в рамках существующей церкви. Чего же от них ждать!

Народ они часто называют чернью. Собственные фамилии переименовывают на латинский лад, чтобы и именем не походить на простых немцев. Даже внешним обликом хотят они подчеркнуть свою исключи-

тельность: носят черные, особого покроя одежды. Латынь им в сто крат дороже родного языка. Они презрительно говорят о толпе.

Ученые мужи из Греческой школы стали заметно охладевать к Мюнцеру. Они недоумевающе пожимали плечами. Поразительно ведет себя магистр Томас! Он все меньше уделяет внимания древней словесности и назидательным спорам об эпистолярном искусстве. Все чаще пропадает он в бедных кварталах. Странный человек! Он связался с перекрещенцами и дошел до того, что осмелился публично расхваливать Шторха. Хорошо, когда о священном писании рассуждает Эразм или кто-нибудь из его последователей. Но что будет, если каждый мастеровой примется толковать Библию!

Новую книгу Лютера — «К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния» — вырывали у книготорговцев из рук. Меньше чем в три недели разошлись четыре тысячи экземпляров — тираж по тем временам огромный.

Это была яркая, разящая книга. Ее написал человек, который очень остро переживал бедственное положение родной страны. Он ненавидел Рим. Разбивая в пух и прах богословские учения папистов, Лютер показывал, что за ними кроются безмерная жажда власти и неутолимая алчность.

Никакие турки не могли бы так разорить Италию, как это сделали кардиналы. Теперь они принялись за Германию. Отрезвев, дикари немцы поймут, как их провели, но будет поздно, у них не останется ни одного пфеннига.

Лютер с большим знанием дела писал о многочисленных уловках, с помощью которых папа римский выкачивает из Германии колоссальные суммы. «Как дошли мы, немцы, до того, что вынуждены терпеть от папы такой разбой?.. В Рим ежегодно уходит из Германии более трехсот тысяч гульденов совершенно бесполезно и напрасно; и взамен мы не получаем ничего, кроме насмешек и презрения; и мы еще

удивляемся, что князья, дворянство, города, монастыри, страна и люди беднеют. Да мы должны удивляться, как еще у нас есть чем питаться!»

Надо лишить Рим тех источников дохода, которые он незаконно присвоил. Не в мирском великолепии и пороках должен пребывать римский первосвященник, а в молитвах о своей пастве. Он должен быть примером всяческого смирения. Если оставить одну сотую папского двора, то и того вполне достаточно. Лютер настойчиво повторял, что всем политическим поползновениям римского престола должен быть положен конец. Папа поглощен мирскими делами больше, чем любой император или король, а ведь его поприще проповедь и молитвы. Пусть он занимается своими обязанностями и предоставит светским властителям управлять странами и народами. В мирских вопросах и папа и любой священник должны подчиняться светской власти. Если поступки папы противоречат библии, то следует собрать собор и наказать виновного.

Нельзя дольше терпеть положения, в котором очутилась страна. Необходима серьезная реформация различных областей жизни. Лютер предлагал целый ряд изменений: он всеми силами старался поднять престиж светской власти, высказывался за уничтожение паломничества в Рим, за ликвидацию нищенствующих орденов, отмену множества церковных праздников, упрощение месс, отмену интердикта. Он считал, что священник имеет право вступить в брак. Папа разрешает клирику для ведения хозяйства держать в доме прислужницу: мужчину и женщину оставляют вместе, лицемерно запрещая впасть в грех. «Совсем, как если положить вместе солому и огонь и пытаться запретить им дымить и гореть!» Он не видел ничего предосудительного в том, чтобы не блюсти постов. «Сами они в Риме издеваются над постами, а нас заставляют жрать постное масло, которым они даже обувь не дали бы себе смазать. Потом они за деньги продают нам разрешение есть коровье масло и все прочее». А ведь бог раздает свои милости безвозмездно. «Знай твердо одно прави-

ло: то, что ты вынужден у папы покупать, не есть благо и не исходит от бога».

Надо уничтожить нищенство, изгнать продавцов индульгенций, реформировать университеты. Он осуждал роскошь, требовал, чтобы было сокращено потребление иноземных товаров. Своих земляков он попрекал обжорством и пьянством. Он ратовал за уничтожение публичных домов. Сколько добрых дел может совершить светская власть!

Книга была написана очень остро. Страницы, на которых римская курия подвергалась критике, так и пытели ненавистью. «Время молчания прошло, и время говорить настало...» Только говорить? Не на крестьянские цепа и не на мечи дворян вроде Гуттена надеется Лютер. Он не зовет к истребительной войне с папистами и не хочет, чтобы страну огласили звуки набата и жаркие возгласы «К оружию!». Он предупреждает, что надо отказаться от применения силы и браться за дело лишь в смиренном уповании на бога. Все свои надежды он возлагает на правителей Германии: они могут и должны провести разумную реформу. Лютер испугался своей недавней смелости. Красноречивый призыв обратить оружие против папистов оказался пустой фразой. Он очень скорообразил, что открытая война всколыхнет широкие массы. А если поднимется чернь — мысль о восставшем народе была для Лютера кошмаром! — то народный гнев обрушится не только на прислужников Рима. Доктор Мартин пошел на попятную. Упаси вас бог понимать буквально выражение «омоем наши руки в их крови»! Это всего лишь слова библейского псалма. Их ни в коем случае нельзя понимать как призыв к кровопролитию. Враги умышленно подхватили эту фразу, чтобы доказать, будто виттенбергский ересиарх подстрекает к убийству папы и кардиналов. Лютер неоднократно протестовал против подобного толкования.

Эта книга Лютера пользовалась огромным успехом. Но Томас Мюнцер не был среди тех людей, которые ее приняли с восхищением. Лютеру нельзя было отказать ни в остром уме, ни в великих знаниях, ни

в редком литературном таланте. Его сочный и образный язык, близкий к народной речи, был превосходен, а страстность, с которой он писал о бедах Немецкой земли, подкупающе искренней.

Мюнцер во многом не соглашался с Лютером. Теперь эти расхождения стали еще явственней и заметней. Как часто Мартин не договаривает до конца, останавливается на полумерах и видит зло не там, где оно действительно есть! Он рассуждает об отношении к чехам, зовет вернуться к единству. Чехи повинны в несдержанности, но гораздо большая вина лежит на папе и его присных. Немцы должны уступить и согласиться, что Гус сожжен незаконно. Однако Лютер избегает высказываться о сути учения Гуса, хотя и признает, что не нашел в нем ничего ложного. Он делает основной упор на другое: каким бы страшным еретиком ни был Гус, охранную грамоту нельзя было нарушать. И тут же оговаривается: «Я вовсе не хочу делать Яна Гуса святым и мучеником, как поступают некоторые чехи». Не хочет делать мучеником! А кто же тогда Гус?! Для Мюнцера Гус был святым борцом за правду, человеком, который во имя своих идей не побоялся пойти на мученическую смерть. Мюнцер считал, что чехи, безусловно, правы, когда причащаются под обоими видами, и сам в Цвикау тайно причащал прихожан из чаши. А Лютер уходил от прямого ответа: причастие под обоими видами «нельзя назвать ни христианским, ни еретическим».

Обличая римскую курию, Лютер пылок и неужим. Что же выходит: одни только паписты и виноваты в тех бедах, которые терзают Немецкую землю? Ему вдруг изменило его обычное красноречие: он ни словом не обмолвился о тех, кто в самой Германии делает жизнь невыносимой для простого народа, — о князьях и живодерах дворянах. Правда, он снова сыплет слова осуждения, когда говорит о торговцах шелком и бархатом — они хуже разбойников. Но величайшее несчастье — это ростовщичество. Лютер храбро поносит купцов и ростовщиков и молчит о главных виновниках всякой несправедливо-

сти — о господах, которые захватили все на свете. Как же, таких важных птиц очень опасно трогать. Здесь нет ничего удивительного: императору и князьям адресовал Лютер свои призывы. Эти «благородные князья и господа» осуществляют необходимые преобразования — именно они, носители законной власти.

Ждать милостей от тиранов? Нет, не об этом мечтал Мюнцер. Тяжело было сознавать, что Мартин не допускает и мысли о восстании. Он стремится не к перевороту, а к постепенному «улучшению». Куда только заведет его эта стежка?..

Разногласия еще не привели к разрыву. Может быть, сама жизнь заставит Мартина понять, что лишь насильственный переворот обеспечит торжество справедливости. Одно знает Томас твердо: вместе с Лютером или против него, но по собственному пути, каким бы тернистым он ни был.

Эгран должен был вернуться со дня на день. Он очень любил храм св. Марии, где теперь находился Мюнцер. Не будут же они проповедовать с одной и той же кафедры! А что, если перевести Мюнцера в другой приход? Томас согласился: церковь, которую ему предложили, посещали главным образом бедняки суконщики да всякая голь.

Два члена магистрата, церковные старосты прихода св. Екатерины, резко высказались против нового назначения Мюнцера. Их квартал и так подобен пороховой бочке — зачем еще совать туда горящий факел! Они предупреждали о возможных беспорядках и открещивались от Мюнцера руками и ногами. Пусть он просидит до михайлова дня на старом месте, а потом отправляется на все четыре стороны.

Они слишком все преувеличивают! В магистрате не вняли их предостережениям. Тогда оба они в знак протеста отказались исполнять свои обязанности. Они не могут находиться под одной крышей с таким смутьяном.

Проповеди Мюнцера в церкви св. Екатерины собирали толпы народа. Но еще большим успехом

пользовались его выступления на цеховых сходках, в домах анабаптистов, на тайных собраниях ткачей и крестьян, пришедших в город. Он не хотел, чтобы его звали магистром — он всем им брат. От одной учености нет никакого прока — надо в душе своей услышать голос бога! Мюнцер часто говорил о «внутреннем слове».

Вот стоит простой человек и не знает, что ему делать. Жизнь его стала невыносимой. Всем своим существом чувствует он, что с ним обходятся гнусно, что право на его стороне. Но как поступать, чтобы не противиться воле господней? Горькая забота о хлебе насущном не оставила ему времени для учения. Где ему, темному, разобраться в слове божьем! Так что же, выходит, только славные мужи в своих красных и коричневых беретах, те, что читают красивые книги, одни знают слово божье? А им, неученым, оно навсегда закрыто?

Лживые басни! Выдумки корыстолюбцев, которые, вцепившись в писание, никого не подпускают к нему близко, потому что хотят по-прежнему продавать евангельские притчи за золотые гульденy. Мюнцер не жалеет злых, язвительных слов. Он не боится ни грубости, ни соленой поговорки. Он терпеть не может недомолвок. Главное, чтоб его поняли — нет, не господа из университетов, а вот все эти сидящие вокруг люди, подмастерья и мужики. Ибо от них зависят судьбы Германии и всего света.

Он говорит о своем понимании реформации как великой борьбы народа за освобождение от всех тягот. Он повторяет, что истинной верой обладают только люди, которые на собственной шкуре испытали весь ужас безысходной нужды, произвола, бесправия. Этот «крест» раскрывает разум больше, чем тысячи библий. Слово божье у самого страдающего, угнетенного народа. Чтобы найти его, простому человеку не обязательно знать грамоту и рыться в книгах. Правда — в его собственном сердце. Пусть только он настойчиво захочет ее услышать, и внутренний голос объявит ему волю бога. А бог повелевает, чтобы люди всегда и во всем блюли общую пользу.

Л. Кранах. Мартин Лютер, 1521.

Андреас Карлштадт.

К Мюнцеру шли по разнообразным поводам: один искал наставлений в вере, другой жаловался на барина, третий просил помощи в тяжбе с монастырем. Томасу чуждо было евангельское смирение. К слову «смирение» он присовокуплял эпитеты, не отличающиеся благопристойностью. Он никогда не советовал подставлять другую щеку, если ударили по одной. Он всем своим существом ненавидел покорность, которая делает людей рабами. Бьют тебя — обороняйся, отвечай ударами, нет достаточно сил — ищи товарищей! Ты не должен безропотно сносить издевательства господ. Твой долг — теснить притеснителей. Пусть кровопийцы упыются собственной кровью. На земле нет более святого дела, чем истребление тиранов.

Счастье, что они узнали Томаса! Какой он прозорливый! От его речей мужеством и уверенностью наполнялись сердца. То, о чем он говорит, осуществится на земле. Все в этом мире принадлежит народу. Но у него, единственного законного владельца, обманом и силой отняли его достояние. Поэтому награбленное надо отобрать у богачей. Счастливой собственностью будет покончено. Каждый получит от общины все, в чем он нуждается: из пекарен хлеб, башмаки из сапожных, платье от портных — и все без денег; даром. Существующие правители, светские и духовные, будут уничтожены. Если князья и прочие господа не откажутся от власти добровольно, то надо, не задумываясь, пустить в ход меч.

Так что же делать, брат Томас? Он отвечал без колебаний: чтобы свергнуть тиранов, необходимо объединяться, создавать повсюду тайные союзы и готовить восстание.

Десятки людей, подняв руку, клялись, не жалея жизни, стоять за божье дело.

В Цвиккау возник «Союз избранных».

Постепенно Томас подчинил и Шторха своему влиянию. Учение о перевороте было Никласу по душе, но он, как и прежде, мог днем и ночью говорить о крещении. «Взрослых надо, — с жаром твердил он, —

крестить вторично!» Детей не следует носить в церковь и кропить водицей, которая совершенно не отличается от той, что бежит у нас под ногами. Можно и собаку окунуть в воду — толк будет такой же. На младенцах нет греха. От орла рождается орел, от коршуна — коршун, от праведного человека — праведное дитя.

Вопрос о крещении не очень волновал Мюнцера. Он соглашался, что крестить детей бесполезно, но не видел необходимости совершать этот обряд над взрослыми. Куда серьезней были другие расхождения: Никлас, хотя и любил в меру выпить, не возражал, когда Мюнцер призывал ограничивать себя в пище и носить скромную одежду. За наружностью Шторх не следил. Он ходил в старом, заплатавшем кафтане и широкополой шляпе. Однако под неказистой внешностью скрывалась горячая натура. На улице он провожал молодых женщин пристальными взглядами. Шторх не признавал брачных уз. Он был за полную свободу: каждый может вступать с женщиной в любовную связь — для этого не надо ничего, кроме ее согласия, ни поповского благословения, ни свадебных обрядов.

Они жестоко спорили. Мюнцер старался переубедить Шторха. Проповедовать подобное — только вкладывать оружие в руки врагов. Сколько разных пакоостей распространяют церковники о людях, которых клеймят еретиками! Ведь они приписывают сектантам собственную разнузданность.

Взгляды Шторха на брак были Мюнцеру чужды. Томас часто говорил о великой ответственности родителей за воспитание детей. Он не хотел терпеть никаких ссылок на человеческие слабости. Если ты даже десять лет назад обручился с девушкой, ничто тебя не освободит от обета, и ты должен на ней жениться!

Поняв из писем, что власти заинтересованы в его скорейшем возвращении, Эгран не упустил случая и выставил новые требования. Он попытался еще сузить круг обязанностей, которые представлялись ему обре-

менительными, выговорил ряд льгот и, безобразно торгуясь, настаивал, чтобы ему, помимо содержания, выплачивали двадцать гульденов карманных денег. Магистрат согласился. Эгран снаряжился в дорогу и в конце октября прибыл в Цвиккау.

Его встречали с помпой. Мюнцер насторожился: видимо, неспроста толстосумы так носятся с Эграном.

Мюнцер знал о недостойном торге, который вел Эгран. Да, он превосходно владеет латынью, пишет стихи и сочиняет изящные послания. Однако он, как последний скряга, вымогал каждый лишний грош. Он до тех пор не возвращался, пока не приняли его условий. Из двадцати гульденов обещанных в год карманных денег он потребовал за первое полугодие — ну и арифметика! — тринадцать с половиной, да и то вперед. Поистине утонченнейший человек и бескорыстный сеятель правды!

В Виттенберге хорошо знали и Эграна и Мюнцера. Эгран еще только вернулся в Цвиккау, а Томасу уже писали: он должен хотя бы на людях поддерживать с Эграном добрые отношения и не допускать враждебных выпадов.

Все растущее влияние Мюнцера раздражало Эграна. Раньше он не уклонялся от диспутов. Здесь помнили, как блестяще побивал он противников в споре о том, сколько — единожды или трижды — выходила замуж святая Анна. Но одно дело — борьба с кафедры, отточенные речи, остроумные реплики, а совсем другое — сходки мастеровых и лютая ненависть к власти имущим, которая ежечасно может вылиться в бунт.

Если бы он знал, что все так переменилось, то не стал бы сюда торопиться. Когда он оставлял Цвиккау, тоже шла борьба. Но какая? Сторонники реформации скрещивали словесное оружие с монахами, верными папе. Споры были жаркими, однако никто не имел и в мыслях будоражить чернь. Миновало полгода, а город не узнать. И виной тому Мюнцер.

Человек не особенно воинственный, Эгран любил пожить в свое удовольствие. Зачем ему теперь изме-

нять давним привычкам? Он умел ладить с властями и быть в почете у именитых бюргеров. Баталиям он предпочитал общество хорошеньких женщин, был мастер говорить им приятные вещи, ценил доброе вино и толково продуманный ужин. С досадой наблюдал он, каким великим успехом пользовался Мюнцер среди ремесленного люда. Вначале Эгран хотел остаться подальше от возможной свалки. Только изредка, в частных разговорах, позволял он себе презрительно посмеяться над пророком Собачьей улицы и глупцами суконщиками из его свиты. Но когда до него дошли слухи, что Мюнцер сколачивает какой-то союз, Эгран дал волю сарказму. О эти новоявленные апостолы! Их двенадцать. Мюнцер среди них, конечно, главный. Семьдесят два ученика, поклявшись в верности, бродят за ним по пятам.

Пробыв полтора месяца в Цвиккау, Эгран решил, что лучше уехать. Он подал просьбу об отставке. Ему отказали. Разве он недоволен взятым вперед жалованьем, что хочет покинуть город? Он остался. Однако мысль об отъезде настойчиво его преследовала. Тем более что поблизости, в чешских землях, были открыты значительные месторождения серебра. Город Яхимов богател не по дням, а по часам. Думы о хмурых рудокопах и неотесанных парнях из лесов заставляли Эгрana морщиться. Но серебро! Он замыслил при первой же возможности перебраться в Яхимов.

А пока он считал своим долгом предупредить единомышленников о той угрозе, какую являет собой Мюнцер. Эгран не скрывал своих опасений. В Виттенберг то и дело приходили письма с жалобами.

Во исполнение папской буллы на площадях разожгли костры из книг Лютера. Зрелище это должно было устроить всех его сторонников.

Испуганные лица, растерянные взгляды, низко опущенные головы. Нунций Джироламо Алеандро с нескрываемым торжеством доносил в Рим: «Подобные зрелища служат исправлению народа».

Но ловкие ребята, которым до смерти надоел римский Содом, сыграли с нунцием жестокую шутку. Алеандро радовался кострам. Он видел сумрачных и запуганных людей, но не заметил, что в толпе многие, низко опуская голову, прячут зазорные улыбки или надвигают на лоб шляпу, чтобы прикрыть смеющиеся глаза. Долго не знал Алеандро, как его провели. Среди вороха книг, которые в Лувене студенты всучили палачу для сожжения, было больше сочинений папистов, чем работ Лютера. А в Кельне эта история повторилась лишь с той разницей, что здесь в огонь не попало ни одной страницы виттенбергского еретика — горели книги его противников.

В первый числа декабря Спалатин навестил Лютера. Несколько дней назад доктору Мартину сообщили о кострах в Лувене и Кельне. Он весь кипел от гнева. Проклятые паписты! Сами они еретики! Раз так, то он ответит им тем же и публично швырнет в огонь их лживые книги! Да и буллу Антихриста он превратит в пепел!

Спалатин тут же написал курфюрсту. При всем своем гнѳе Лютер не очень торопился исполнять угрозу. Он ждал, как отнесется к этому Фридрих. Курфюрст не счел нужным его отговаривать.

Утром 10 декабря 1520 года недалеко от ворот Виттенберга, на пустыре, где обычно живодер делал свое дело, Лютер, молясь и дрожа, бросил в огонь сочинения по каноническому праву, этот «коран Антихриста», и папскую буллу.

На рождество в церкви св. Екатерины было особенно многолюдно. Томас говорил с великим воодушевлением. Царство справедливости будет создано здесь, на земле, самим народом.

Вдруг зоркий взгляд Мюнцера упал на человека, притаившегося в задних рядах. Никак, Гофер собственной персоной? Что разнюхивает здесь этот гнусный папист? Мюнцер обращается прямо к нему. Пусть-ка он вылезает на свет. Нечего ему прятаться за чужие спины. Раз он пришел без злого умысла, то вправе сидеть на виду у всех.

Гофер начал спешно протискиваться к дверям. Почему он бежит? Знать, недоброе у него на уме. Сogleдатаем явился он сюда, выскивая ересь. Гофер пускается наутек. Парни-подмастерья выскакивают из церкви. Сейчас они навсегда отобьют у него охоту шпионить. Подобрал полу сутаны, Гофер бежит со всех ног. За ним с гиком и свистом несется толпа. Женщины не отстают от парней. Позор ябеднику! В него летят комья глины, камни, палки, осколки черепицы.

Его гнали через замок, потом вокруг крепостного рва. Он уже думал, что смерть близка, когда чудом пришло спасение. Он нырнул в какой-то дом, пробежал по саду, пролез через пролом в стене и избавился от преследователей. С перепугу он долго не мог прийти в себя.

БРАДЕНАЯ ВЕРА

И

стория с Гофером не у каждого вызывала смех. Сегодня гонят камнями духовное лицо, а завтра, смотришь, настанет очередь именитых горожан, которых так ненавидят в кварталах бедноты!

В ратуше горячо спорили, стоит ли защищать магистра Томаса. Гофер обвинял своего врага в ереси. Епископ потребовал Мюнцера к себе, но тот отказался ехать. Должен ли магистрат свалить вину на Гофера или, напротив, поддержать его? В Цвиккау ненависть к римской церкви была очень сильной. Заправила города находили, что церковь обходится

слишком дорого — ее надо так реформировать, чтобы она стала и послушней и дешевле. Невелика беда, если Мюнцер и хватил через край — толпу-то ведь он натравливает на папистов. И разве плохо, что в них, и только в них, народ будет видеть корень всех несчастий? Люди, считавшие нового проповедника очень опасным, остались в меньшинстве. Магистрат встал на сторону Мюнцера, направил к епископу посольство, обвинений Гофера не подтвердил. Не был ли этот шаг ошибкой?

Еще не зная, улажено ли его дело, Мюнцер продолжал ожесточенные нападки на духовенство. Разве таких проходимцев, как Гофер, мало? Чем лучше пастыри соседних приходо́в? Он называл имя за именем. Народ должен знать своих врагов. Плохо им будет, коль не внемлют они рассудку. Он велит их вышвырнуть вон, если кто из них осмелится сунуть нос в Цвиккау.

Его слушали с затаенным дыханием. Толпа провожала его до дому. Среди приветственных возгласов он все чаще слышал слова, полные грозной решимости: брат Томас не должен сомневаться, что сердца мастеровых, жаждущие борьбы, и их мозолистые руки всегда с ним. Но он видел, что и ряды врагов множились очень быстро. В дом ему были подброшены анонимные пасквили. Какой-то грамотей зло издевался над пророком Собачьей улицы. Почерк был Мюнцеру незнаком. Казалось, он принадлежал чело́веку, малоискушенному в письме. Однако содержание говорило о другом. Уж не приложил ли к ним руки многому́рый Эгран?

Посольство, направленное к епископу, увенчалось успехом. Один из его участников особенно старался выгородить Мюнцера. Но когда он вернулся в Цвиккау, ему вдруг посоветовали уехать из города. Члены магистрата разводили руками. Они тут ни при чем — это наместник курфюрста. Он велел вы́платить слишком удачливому посланцу десять гульденов отступных, лишь бы тот поскорей убрался.

Фраза, которую бросил Мюнцер, когда узнал об этом, даже его сторонников в магистрате заставила

поежитья. «Я отомщу за коварство! — вне себя от гнева воскликнул он. — И пусть потом псы слизывают кровь с мостовых!»

Вот тебе и лютеров проповедник! Кое-кто пытался его оправдывать. Да, Мюнцер не отличается выдержкой, но руководят им самые возвышенные чувства — страстное, как у ветхозаветных пророков, стремление служить господу и слепящая ярость против его врагов.

Только стремление служить господу?

Пора повнимательней прислушаться к его проповедям и как следует разведать, чему он поучает своих приверженцев. Ведь не о древних евреях идет речь, когда он толкует библию. Уж очень остро звучат притчи об иудейских царях и иерусалимских мытарях.

В конце января подмастерья-суконщики предъявили магистрату ряд требований. В своем ли они уме?! Ссылаясь на Евангелие, они говорили о справедливом разделе богатств, о равенстве всех перед богом, о необходимости помогать ближнему не утешением, а делом. Они считали, что общность имущества соответствует истинной вере. Магистрат решительно осадил подмастерьев и согласился на единственную уступку: им разрешается устроить кассу, из которой в случае болезни они получали бы помощь. И все!

Кто подбивал их на эту опаснейшую крамолу? Мюнцер. Вот когда начали всходить его посеы! Правы люди, давно говорившие, что ему нельзя оказывать никакой поддержки. Простаки думали, что новый проповедник ограничится нападками на духовенство и поможет поприжать обнаглевших монахов. Так пусть теперь они пеняют на самих себя! Мюнцер знает, куда гнет, — он подстрекает рабочий люд к бунту.

Растущее с каждым днем влияние Мюнцера не на шутку испугало отцов города. «Брат Томас» постоянно окружен народом. Когда он проповедует, церковь набита битком. Неужели нет средств отвадить толпу от этого смутьяна? Что смотрит Эгран? Почему он не оправдывает возложенных на него надежд? Он не должен отсиживаться в сторонке —

ведь столь ученый человек может доказать, что Мюнцер толкает людей в пучину ереси.

Эгран не заставил себя упрашивать. До чего только не договорился Мюнцер!

Какая это еще новая, «выстраданная» вера? Вера есть только одна — та, что изложена в священных книгах. Если согласиться с Мюнцером, выходит, что любой человек, ткач или рудокоп, который перенес на своем веку множество страданий и опьянен идеями равенства, обладает верой куда более истинной, чем богословы, всю жизнь изучающие писание. Зловреднейшая крамола!

Буква библии прежде всего! Никаких пересказов и домыслов, никаких ссылок на «дух Христов», который якобы помогает неучам постигать скрытый смысл священного писания! Зло издевался Эгран над этим «духом». Мюнцер и его приверженцы уверяют, что обладают им? Пусть они это докажут. Пусть-ка они, например, вяют чудо и изгонят из одержимых нечистую силу!

Мюнцер повсюду громил Эграна: в церкви, в харчевнях, на цеховых сходках. В чем суть эграновых проповедей? Народ сам не может постичь божьего слова. Он должен во всем слушаться своих мудрых учителей и ничего не предпринимать без их совета. Для спасения души необходима лишь милость гоподня. Борьба за общее благо излишня. Верьте в загробную жизнь и довольствуйтесь существующим!

Мир стоит накануне величайшего переворота. Совершить его может только народ, который начинает пробуждаться и сознавать свою силу. К каждому святому делу всегда примазываются корыстолюбцы, ищущие личной выгоды. Озлобленность против церкви они намерены использовать в собственных интересах. Они не хотят коренных перемен и готовы всеми силами прислуживать правителям, лишь бы занять богатые приходы и тепленькие места.

Они во что бы то ни стало желают сидеть наверху и ради этого прибегают к обману. Тычут пальцами

в толстые книги: здесь, мол, вся правда, и только они одни ее знают, а простому человеку она закрыта. Так книжники присваивают слово божье, крадут его у своих ближних.

Давно уже Томас заметил, что среди сторонников Лютера немало людей, которые лишь прикрываются проповедью Евангелия. Они, не жалея красноречия, обличают стяжательство папистов, а сами только и думают о своем кармане. Народу ведь не станет легче, если на его шею вместо жрецов в шелковых ризах воссядут ученые ослы в докторских беретах!

Всякий, кто твердит, что вера заключена в священных книгах и недоступна простому человеку, обманщик и вор. Подобных наставников надо гнать прочь. Хорошего от них не дождешься. Они всегда защищают сильных мира сего! Ничем они не лучше прежних книжников и фарисеев, лицемерие которых обличал Христос! Новоявленные книжники, те, что носят со своей пергаментной библией, опасней папистов, ибо народ еще не понял всей зловредности их учений. Они, эти жадные до денег плуты, швыряют пастве, словно собакам обглоданную кость, мертвые библейские тексты и высмеивают людей, которые обладают настоящей, не краденой, а выстраданной верой. Они ловко обращаются с писанием и выставляют себя знатоками божьего слова. Но недолго продлится их обман: народ увидит, чьими слугами стали книжники.

Город разделился на два лагеря. Чем больше обострялась ссора Мюнцера с Эграном, тем резче размежевывались враждующие партии. Низы поддерживали Мюнцера. Состоятельные горожане и их послушная челядь стояли на стороне Эграна. Чувствовалось, что дело не ограничится только взаимными нападками.

В великий пост, ночью, неизвестные выбили камнями окна в доме, где жил Мюнцер. Кое-кто потешался: «Сквознячок, наверное, помешал магистру Томасу спокойно беседовать с богом!»

Подмастерья все чаще собирались на тайные сходки. Советники магистрата вынуждены были признать, что выступления Эграна цели своей не достигли. Число приверженцев Мюнцера увеличилось.

Как бы не запрыгали по крышам «красные пехи»!

16 февраля Мюнцера и Эграна пригласили в ратушу и велели прекратить распрю. Томас негодуя отверг мысль о соглашении с Эграном. Он, Мюнцер, защищает истину, и ничто не вынудит его молчать! Ну, вот и видно, каков этот любимый чернью проповедник. Раз магистрат настаивает на примирении, Эгран готов простить нанесенные ему обиды — им движут истинно христианские чувства. Он пишет Мюнцеру письмо. Кто теперь скажет, что Эгран не старался покончить с ссорой? Письмо, лицемерное и двусмысленное, казалось на первый взгляд миролюбивым. Но сколько в нем было иронии и насмешки!..

«То, что ты возле замка прошлую субботу так гнусно меня отделал и обыкновенно на цеховых сходках так плохо обо мне говоришь, равно, как и то, что ты меня с церковной кафедры объявляешь дьяволом, — все это я должен терпеливо сносить. Вероятно, это внушено тебе твоим духом, которым ты хвастаешься...»

В приписке Эгран не удержался, чтобы лишний раз не уколоть противника: «Я умышленно писал по-немецки, ибо чувствую, что дух твой презирает искусство и всякую ученость».

Уравновешенным человеком Лютер не был. Вспыльчивый и нетерпимый, он мог в порыве гнева наговорить лишнего. Остыв, он нередко сожалел о происшедшем. Иногда своим поведением он напоминал дядюшку Ганса, известного буяна и драчуна, который лез очертя голову в любую свалку. А иногда он проявлял поразительную осторожность. О, если бы он, богобоязненный монах, мог поступать по своему желанию, то не высовывал бы и носа из своей кельи! Враги вынуждают его сражаться. Неумная гордыня

напяливала на себя тесноватое рубище скромности. Задор уживался бок о бок с благоразумием.

Лютер много писал. Виттенбергские печатники не знали отдыха. Он по-прежнему уверял, что папская булла — это затея Антихриста. По-латыни и по-немецки доказывал он свою правоту. В Вормсе собрался рейхстаг, который решит и его судьбу. Апостолический нунций прилагал великие усилия, чтобы молодой император помог ему примерно наказать еретика.

Прошлым летом Лютер высказал мысль, что одолеть папистов должны князья. Теперь он писал о другом: не сейчас погибнет Антихрист, а при конце света, и уничтожат его не руки людей, а слово божье. Поэтому с Антихристом и его прислужниками следует бороться не мечами, а только словом, ибо слово — единственное оружие, которое действительно против них. Горячие головы вроде Гуттена, призывающие к войне с папами, жестоко заблуждаются. Такая война была бы не чем иным, как сплошным убийством. Лютер осуждал ее: воевать со священниками — это то же, что воевать с женщинами и детьми.

Он не поощрял крайностей. Распря, вспыхнувшая в Цвиккау, была совершенно некстати. Она могла ухудшить его собственное, весьма сложное, положение. Из Виттенберга шли предостерегающие письма: Томас должен быть умеренным и не обострять ситуации. Когда вторичное обращение к Мюнцеру одного из ближайших сподвижников Лютера оказалось бесплодным, вмешался сам Мартин. Если среди его сторонников возникают разногласия, то это лишь на руку врагам. Чего стоят настойчивые отмежевания от решительных мер, если Мюнцер, видный деятель его лагеря, становится подлинным воплощением мятежного духа? Всеми силами Лютер добивался прекращения ссоры и очень хвалил Эграна. Томас возмутился. Желая во что бы то ни стало достичь примирения, Мартин берет под защиту Эграна, этого вредного, тщеславного человека! Мюнцер отказался пойти на мировую. Он был непоколебим как стена. Мартин встал на сторону Эграна. Видно, среди книжников ищет он родственные души!

Эгран, несмотря на минимум обязанностей и кучу льгот, испытывал все возрастающее чувство тревоги. Добрый город Цвиккау перестал быть милым его сердцу. Он часто подумывал, что следует уехать. Но желание получить вперед деньги за вторую половину года удерживало его.

Люто ненавидел он своего бывшего заместителя. Даже внешность Мюнцера вызывала неприязнь. Томас не слыл красавцем, а теперь черты его стали еще резче. Сумрачная физиономия, пронзительный взгляд, порывистые движения — все претило Эграну. А посмотрите, кто окружает Мюнцера, этого пророка Собачьей улицы: грязные подмастерья, оборванцы, гулящие девки, изменившие под его влиянием своему ремеслу. Они называют друг друга «братьями» и «сестрами» и носятся с бредовой мечтой о царстве справедливости на земле. Мюнцер, видите ли, возвещает им правду. Они смотрят ему в рот и ждут откровений. Его власть над ними огромна. Они готовы броситься ради него в огонь и воду. Страшные дни наступят в Цвиккау, когда дело дойдет до резни. Не только мастеровые схватятся за ножи и пики — их жены, сестры, дочери, все эти фурии, одержимые духом разрушения, выскочат на улицы с вилами и топорами.

Нет, Эгран хочет быть подальше от всего этого. Он снова объявил, что намерен в скором времени перебраться в Яхимов, и настойчиво просил подыскать ему замену. О том, чтобы его место занял Мюнцер, не могло быть и речи. Решили пригласить проповедника из соседнего города, человека взглядов весьма умеренных. Его кандидатуру, как говорили, горячо поддерживал сам Лютер.

Слухи о каком-то тайном сообществе, которое создает Мюнцер, становились все настойчивей. В начале марта магистрат объявил, что всякий, кто учинит волнения, будет беспощадно наказан. Священников тоже следует оставить в покое. В городе должны воцариться мир и согласие. Никто не имеет права вер-

бовать сообщников и сколачивать партии. Ослушавшихся ждет смертная казнь и конфискация имущества.

Нередко Мюнцера, презрев все запреты, сопровождали вооруженные подмастерья. При мысли о суровом проповеднике, который целыми днями пропадал среди рабочего люда, многие именитые граждане теряли покой. Пора уже было от него избавиться.

Он, не отрываясь, долго писал. Нетронутой стояла еда. Любимый пес вылез из-под скамейки и заскулил. Томас бросил ему кусок со стола. Пес вдруг начал кататься по полу в страшных корчах. Вскоре он сдох.

Императорский герольд передал Лютеру официальный вызов на рейхстаг. Ему было приказано ехать в Вормс.

Он не должен подчиняться этому приказу! Не по добру зовут его в Вормс. Паписты вертят императором как хотят. Никто не будет разбирать учения Лютера или вступать с ним в споры. Судьба его решена: если он не отречется от своих взглядов, его немедленно осудят. Охранная грамота ничего не стоит. Такая грамота была и у Гуса, но она не спасла его от костра. Он не должен ехать. В Виттенберге он в относительной безопасности, а мало ли что может случиться с ним по дороге — его убьют из засады или уморят в какой-нибудь харчевне.

Со всех сторон советовали ему отказаться от поездки. Безумие отправляться чудовищу прямо в пасть! Он слышал не только озабоченные голоса друзей. Кое-кто нарочно преувеличивал опасности, которые подстерегают его по пути. Коль он ослушается, паписты возликуют — Лютера немедленно подвергнут опале: его не защитят ни представители сословий, ни курфюрст. Для нунция это было бы лучшим выходом — покончить с еретиком, не разбирая его дела на рейхстаге.

Решение далось Лютеру не легко. Он лучше других понимал, что ему грозит. Не поехать? Скрыться? Бежать? Сколько на него возлагали надежд! Он создавал всю тяжесть ответственности, которая на нем лежала. Его называли «немецким Гераклом», им гордились. Так неужели же он струсит и погубит начатое им дело?

Временами смертельный страх сжимал его сердце. Он чувствовал себя совсем больным. Но он твердо решил ехать. 2 апреля 1521 года небольшая крытая повозка, миновав городские ворота Виттенберга, покатила по дороге на Лейпциг.

Попытка отравить Мюнцера еще теснее сплотила его сторонников. Власти призывали к миру, а сами и не помышляли об этом. От них можно было ждать всего.

В среду 10 апреля, в три часа утра, возле дома, где жил Мюнцер, раздался истошный крик: «Пожар! Пожар!» Томас бросился к окну. Его вовремя остановили. Не открывать ставен! Враги, вероятно, рассчитывают убить его выстрелом из-за угла.

Крики повторились несколько раз и смолкли, как только на улицу выскочили полуодетые, испуганные люди. Никакого пожара не было. Человек, поднявший тревогу, скрылся. Его никто не видел. Утром по городу поползли слухи, что это Мюнцер, одержимый кровавым кошмаром, мечтающий спалить всех и вся, на рассвете сам кричал из своего дома. Кому, как не ему, творящему черное дело, на руку беспорядки, смятение и всеобщий страх?

Повозка Лютера катилась по направлению к Вормсу. Дни были наполнены тревогой и волнениями. Встречать его выходили и стар и млад. Приветственные крики сменялись невеселыми советами. Пусть он остерегается пустынных лесных дорог и не ест ничего в харчевнях — как бы там не подмешали в пищу яда. Доброжелатели то и дело твердили об осторожности. Одни верили, что он посрамит врагов. Другие не сом-

невались в обратном: раз на рейхстаге собралось столько кардиналов и епископов, то они мигом обратят Лютера в горсть пепла, как это совершили с Гусом в Констанце.

Не хотят ли его запугать? По дороге ему подарили портрет сожженного Савонаролы. Призыв мужественно сражаться за правду или напоминание о судьбе непокорного флорентийца?

Во многих местах Лютера встречали очень торжественно. Апостолический нунций был вне себя от ярости: поездка еретика превращалась в триумфальное шествие. Вся ненависть к римской церкви выливалась в приеме, оказываемом Лютеру в городах, через которые он проезжал. Симпатии народа были на его стороне. Это придавало ему мужества. Позже он говорил, что даже если враги развели бы между Вормсом и Виттенбергом огромный костер, который достигал неба, он все равно не отказался бы от поездки.

Он подбадривал своих спутников и самого себя. Он старался подавить страх. Состояние его было незавидным. Почти всю дорогу он хворал, у него внезапно начались острые приступы какой-то желудочной болезни. Ему пускали кровь и давали вина. Будущего он боялся, но ехал вперед.

Вдруг из Вормса, от Спалатина, прискакал гонец. Курфюрст советует не приезжать. Дела обстоят очень плохо. Он не сможет его защитить. Лютер уже осужден. Ему нельзя появляться на рейхстаге!

Курфюрст, единственно надежный покровитель, и тот отказывал в помощи. Куда бежать? Что делать?

Пасквиль был написан в стихах. Пророка Собачьей улицы не пощадили: забористые словечки чередовались с оскорблениями, издевка и клевета — с хвастливыми угрозами. От злейших еретиков, свихнувшихся на общности имущества, понабрался Мюнцер вздорных мыслей. Он, желтолицый злодей, исчадие ада, — причина всех смут. Ему советовали убраться из города, пока еще не поздно.

Томас был уверен, что пасквиль написан Эграном. Он, правда, изменил своему пристрастию к изящной словесности и сыпал непристойной руганью. Ненависть заставила его забыть о хорошем стиле. Неистойвой злобой пронизана каждая строчка. Эграна стоило хорошенько проучить. Пусть он не думает, что Томас и его друзья не ответят на вирши хлесткими стихами, соленой прибауткой и крепким ругательством. Подмастерья не изучали латинской грамматики, но не им лезть за словом в карман. Они так отделают пройдоху Эграна, что он не захочет больше острить!

Стихи сочиняли сообща. Спесь и зависть распирают Эграна. Он, как бочка с вином, наполнен до краев безмерной жадностью. Строит он из себя святошу, а сам не дурак пображничать и великий охотник до смазливых бабенок. Плевал он на простой народ — для него главное быть в милости у важных птиц. Проповедь Евангелия лишь предлог загрести побольше денег. Он раб толстого пфеннига. Теперь страсть к наживе тянет его в Яхимов. Там он снова сможет заняться продажей индulgенций и прочей мерзостью. Но Эгран свое получит раньше, чем успеет покинуть мостовые Цвиккау.

Памфлет был старательно переписан в пяти экземплярах. И когда в воскресенье город проснулся, на самых видных местах — на дверях церквей — были прибиты листы с убийственно язвительными стихами.

Страсти разгорелись еще больше. Покровители Эграна уверяли, что пришла пора вооруженной рукой задавить дерзкую чернь. Мастеровой люд, осознав собственную силу, ведет себя слишком вызывающе. Его надо загнать обратно в подвалы, к красильным чанам и тюкам шерсти. Чего еще ждать? История с памфлетом — прекрасный повод расправиться с Мюнцером. Ему, как и всей общине, известен приказ о том, что действия, могущие повлечь за собой беспорядки, будут караться самым жестоким образом. Он нарушил этот приказ и должен понести наказание.

Пока магистрат обсуждал ситуацию, вмешался наместник курфюрста. Ему надоело наблюдать, как в городе зреет бунт. Мюнцер занимается не теологией.

Сборища, которые он устраивает в частных домах и мастерских, далеки от евангельского смирения. Он сеет повсюду семена раздора. Дальнейшее его пребывание в городе грозит страшной бедой. Он, наместник, не теряет времени зря, и у него наготове добрые молодцы, кнехты и рейтары. Возню с Мюнцером пора кончать.

Отцы города согласились: 16 апреля Мюнцера вызовут в ратушу и схватят. План этот, к счастью, не остался тайной. Весть о коварном замысле мгновенно разнеслась по городу. На Собачьей улице побросали работу. Толстосумы задумали недоброе против любимого народом брата Томаса. Суконщики побежали вытаскивать припрятанное оружие. На улицу высыпали женщины. В богатых кварталах хлопали ставни, двери запирались на засов. Не бросится ли голытьба к ратуше? Наместник послал за подкреплениями.

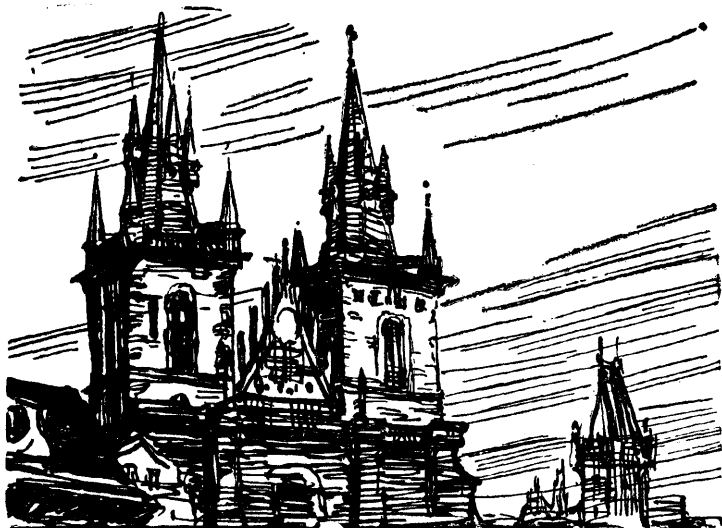
Что делает Мюнцер? Он, докладывали соглядатаи, о чем-то совещается со своими ближайшими единомышленниками, но не подстрекает толпу и не надевает кольчугу.

Вечером магистрату доносят: главарь бунтарей как ни в чем не бывало велел истопить баню и, захватив веник, пошел мыться.

„НА ТОМ СТОЮ, И НЕ МОГУ ИНАЧЕ!“

Он был в бане, когда ворвался один из его людей с ошеломляющей новостью. Кнехты наместника внезапно совершили нападение. В доме городского писца, на углу Крепостной улицы, они захватили

группу вооруженных подмастерьев, в другом месте они окружили ткачей и сукновалов. Их вяжут и тащат в подвал. С минуты на минуту может начаться отчаянная резня. Рейтары лишь ищут повода пустить в ход клинки. Наместник отдал приказ изловить Мюнцера. Медлить нельзя.

Что думает Томас? «Избранные» ждут его ре-

шения. Пусть он только скажет, и обнаглевших наемников возьмут в такой оборот, что они забудут собственные имена.

Нет, он, Мюнцер, по-прежнему настаивает на своем. «Союз избранных» в Цвиккау создан. И это главное. Сейчас надо предотвратить бессмысленную резню. Он не должен ценой кровопролития оставаться в городе. Пусть его братья думают не о нем, а о высоких целях союза.

В ночь на 16 апреля 1521 года Томас выбрался за пределы Цвиккау. Далеко он не уходил: ждал, как развернутся события. Вероятно, наместник не потеряет окончательно головы и уймет своих кнехтов. Теперь, когда Мюнцер покинул город, магистрат не имел причин держать мастеровых под замком. Не велико преступление, если они хотели обеспечить любимому проповеднику безопасность и взялись за пики, чтобы его защитить.

Он знал обо всем, что творилось в городе. Арестовано было пятьдесят шесть человек. До вооруженных схваток дело не дошло. Однако подмастерья были полны решимости перейти в наступление. Если господа не одумаются, то не спасет их стража, в ближайшую же ночь все члены совета будут перебиты. Мюнцер поддерживал боевой дух. Надо дать магистрату почувствовать силу людей с Собачьей улицы! Воздерживаться от кровопролития не значит признаваться в слабости. Пусть это хорошенько поймут отцы города, а то улицы огласятся стонами поверженных и лязгом оружия. Посаженные в подвал все до единого человека непременно должны быть на свободе!

К вечеру все арестованные были освобождены. Потребовать, чтобы и Мюнцеру разрешили вернуться в город? Он отговорил друзей. У него были иные замыслы.

Утром 16 апреля Лютер въехал в Вормс на открытой повозке. Трубач возвестил с башни о его приезде. Народ повалил на улицы. Вот он, прослав-

лённый доктор Мартин! Из толпы неслись приветственные крики. Многим его скромная повозка казалась колесницей триумфатора. Не рано ли? Скептики пожимали плечами. Ведь приговоренных везут к эшафоту тоже на тележке.

В шинках бились об заклад. Отречется ли Лютер от своих взглядов, или будет упорствовать в ереси?

Апостолический нунций склонил императора к решению, которое его устраивало: диспута с Лютером не вести, а просто потребовать от него отречения. Его вызвали в зал, где заседал рейхстаг. На видном месте лежала стопка книг. Лютера спросили, признает ли он сочинения, выпущенные под его именем, своими и намерен ли он полностью или частично от них отречься. Он попросил, чтобы ему прочли названия этих книг, и подтвердил, что они написаны им. Лютер говорил тихим, упавшим голосом. Он совсем не производил впечатление смельчака. Приверженцы Алеандро насмешливо переглядывались: виттенбергский ересиарх был чуть жив от страха.

Император не понимал ни слова и должен был ждать, пока ему переведут. Чего, собственно, крутит этот монах? Отрекается он или нет? Лютер сказал, что вопрос этот очень сложен, дело идет о слове божьем, и с его стороны было бы величайшей дерзостью, если бы он сразу дал ответ. Он просил отсрочки, чтобы подумать. Будто у него раньше не было времени. Ну, что же, пусть поразмыслит до завтра.

На следующий день рейхстаг собрался в шесть часов вечера. В переполненной зале было темно. Зажгли факелы. Народу было так много, что даже кое-кому из князей пришлось стоять. Лютера снова спросили, согласен ли он отречься. Он заявил, что не может этого сделать, пока его взгляды не опровергнуты доводами библии. Именно об этом молит он императора и князей. Если будет доказано, что он заблуждается, он тут же отречется и собственными руками бросит свои книги в огонь. Его перебили.

Пусть он не ждет, что с ним будут вести диспут, а отвечает, намерен ли отречься.

Лютер очень волновался. Его темные глаза горели. Но он повторил упрямо и твердо: его неправоту надо доказать библейскими свидетельствами. Он не верит — какая наглость! — ни папе, ни соборам, ибо они часто заблуждались и сами себе противоречили. Он убежден, что его взгляды полностью соответствуют библии. Поэтому он не может и не хочет приносить отречения. Делать что-либо против совести гибельно и опасно.

— На том стою и не могу иначе!

В зале не хватало воздуха. Жара была страшной. О чем еще спорить? Все ясно: еретик настаивает на своем. Когда император дал приказ увести Лютера, поднялся невероятный шум. Не тащат ли его уже в тюрьму? Немецкие дворяне, сторонники Лютера, готовы были защищать его мечами.

На улице, дожидаясь господ, стояли у лошадей испанцы-коноводы. Они встретили Лютера криками: «В костер его! В костер!» Свалки не произошло только потому, что немцы не понимали по-испански.

Давно уже Мюнцер считал, что чехи, потомки Гуса и таборитов, сыграют очень важную роль в борьбе с папистами. Надо только снова пробудить в народе идеи, вдохновлявшие их дедов. Выступления чехов могут послужить примером для всей Германии.

Жители Цвикау нередко ездили по делам в расположенный неподалеку чешский город Жатец. Мюнцеру посоветовали остановиться у молодого учителя Микулаша Чернобыла, который недавно вернулся из Виттенберга.

Вести о событиях, разыгравшихся в Вормсе, приходили в Жатец с большим опозданием. Иногда выдавались за правду ложные слухи. Но одно было несомненно: Лютер не отрекся от своих убеждений. Из уст в уста передавались его гордые слова: «На том стою и не могу иначе!»

Как теперь сложится его судьба? Если император сдержит слово, то он даст ему возможность беспрепятственно вернуться в Виттенберг. А дальше что? Лютеру предстоит выбор: осмелится ли он, как летом прошлого года, заговорить о применении оружия против папистов, или снова станет сравнивать войну с попами с войною против женщин и уверять, что Антихрист может быть побежден только словом? Хватит ли у него мужества встать на путь настоящей борьбы, когда не боятся ни лязга мечей, ни грохота пушек, или он предпочтет отойти в сторону, притаиться, спрятаться?

Повсюду говорили об охранных грамотах императора. Часто вспоминали Гуса — его они не спасли. Не случится ли что-нибудь подобное и с Лютером?

Император был недоволен и сердит. Лютер произвел на него плохое впечатление. Какой-то ученый из нового университета имел дерзость настаивать на своем. От него хотели только одного, чтобы он отрекся, ему предлагали сносные условия, его убеждали. И все тщетно. Карл злился. Эти немцы связывают с делом Лютера кучу разных замыслов. Но он им не пособник. Он не намерен ссориться с папой, когда ему предстоит война с французским королем. Он так и объявил курфюрстам: император Священной Римской империи будет всеми силами защищать католическую церковь. Он сожалеет, что не выступил раньше против ереси Лютера. Да, он сдержит слово — даст, как обещал, Лютеру на три недели охранную грамоту и позволит ему уехать из Вормса. Однако в ближайшее же время он подпишет эдикт, которым поставит Лютера вне закона. Он будет считаться в опале: никто не посмеет предоставлять проклятому еретику кров, пищу и питье. Первый встречный должен схватить его и выдать властям.

Из Вормса Лютер в сопровождении нескольких друзей выехал беспрепятственно. Первые дни прошли без особых приключений. Путники благополучно

добрались до Эйзенаха. Здесь кто-то тайком передал Лютеру записку: чтобы избежать опасности, он должен свернуть с тракта и двигаться на Готу по тихой проселочной дороге. Лютер внял совету. По пути он навестил своего дядюшку и переночевал у него.

По обе стороны от дороги темнел лес. Едва родичи Лютера, провожавшие гостей, скрылись из виду, как вдруг из чащи вынырнула группа всадников. Они поскакали прямо к повозке, на которой ехали виттенбержцы. Один из спутников Лютера, недолго думая, бросился в кусты. Всадники круто осадили лошадей. Арбалеты угрожающе целили прямо в кучера.

— Кто здесь Лютер?

Перепуганный насмерть возница тут же выдал его. Рейтары схватили Лютера и с бранью потащили за собой. С ним не церемонились: его гнали, словно зайца, через кочки и ямы между коней, трусивших быстрой рысью. Все было проделано очень ловко. Лютера похитили. Кто? Неизвестно. Всадники были в масках.

Весть о похищении Лютера разнеслась по Германии с поразительной быстротой. Никто не знал ничего толком. Слухи были противоречивы. Проклятые паписты побоялись осудить Лютера и отправить на костер. Они подло украли его и где-то в темном лесу, среди бурелома, или в каменном мешке подземелья втихомолку его прикончили. Повсюду говорили об убийстве. Одни радовались смерти еретика, другие оплакивали его как человека, погибшего за веру. Альбрехт Дюрер, путешествовавший по Нидерландам, записал в своем дневнике: «Боже мой, Лютер умер! Кто же теперь так ясно будет излагать нам святое Евангелие?»

В Жатце Томас, конечно, не мог разузнать ничего определенного о судьбе Мартина. Однако он был убежден, что Германия стоит перед грозными событиями. Это заставило его на время отказаться от

задуманной поездки в Прагу и спешно вернуться в Саксонию.

На родине Мюнцера ждала неожиданность. Ему под большим секретом сообщили радостную весть. Мартин жив! Он нашел убежище в надежном месте. Вся история с похищением была умело разыгранной хитростью. Всякому, кто помогал находящемуся в опале, грозили страшные кары. Фридрих Саксонский пожелал остаться в стороне. Он знать ничего не знает о Лютере! Он делал вид, что поражен похищением, а в это время его люди стерегли Лютера в Вартбурге, одном из замков курфюрста.

Мартин жив! Радостное чувство было отравлено крупицей горечи. Лютер сам участвовал в маскараде. Нет, он скрывался не среди простого народа, как Иосс Фриц, в деревенской харчевне или где-нибудь среди ремесленного люда. Он предпочел покровительство курфюрста. Это был тревожный признак. Неспроста, вероятно, Фридрих опекает Лютера. Не получилось бы так, как в пословице: «Кто платит, тот и заказывает музыку».

Приверженцы Лютера не жалели слов, чтобы прославлять его мужество на Вормсском рейхстаге. Да и Мартин был не прочь прихвастнуть. Когда самое страшное позади, он стал и себе казаться куда большим героем, чем был на деле. Уповая лишь на бога, он прямо направился чудовищу в пасть. «Если бы в Вормсе было столько же чертей, сколько черепиц на крыше, я все равно поехал бы туда!» Иногда из его рассказов выходило, что он чуть ли не один противостоял несметной толпе врагов. Он говорил, что ему придавало сил слово божье, и умалчивал о массе горластых и нетерпеливых немецких дворян, которые готовы были обнажить за него мечи.

Томас привык смотреть в корень вещей. Лютер был не так беззащитен, как любил говорить. Даже когда он въезжал в Вормс, его сопровождало больше сотни саксонских дворян. Он знал, что его не

дадут в обиду. Выступая первый раз на рейхстаге, он говорил упавшим голосом, а на следующий день был куда храбрее. Неизвестно, как бы еще все это обернулось, если бы он не чувствовал за собой поддержки. Он похвально своей смелостью, а ведь должен благодарить дворян. Он им славно помазал медом по устам, вот они и вообразили, что именно Лютер наградит их «богемскими подарками» — поможет им по примеру чехов прибрать к рукам церковные земли. Сейчас он строит из себя героя, но ведь каждому ясно, что в Вормсе дворяне скорее бы его закололи, чем позволили ему отступить.

Мюнцера возмущало, что Лютер пустился на такую хитрость. Это по его совету было подстроено похищение. А теперь он делает невинный вид. Но его до конца раскусят!

То, что Лютер прятался в одном из замков курфюрста, еще больше укрепило Мюнцера в мысли о необходимости ехать в Чехию. Раньше, когда поездка эта была делом будущего, многие высказывали охоту принять в ней участие. Мюнцер послал в Цвиккау несколько писем. Один из его друзей, который знал чешский язык и был бы очень полезен, вежливо отказался: он бы с радостью сопровождал Томаса, но, к сожалению, сейчас не может этого сделать. Шторх где-то запропастился, и от него не было никаких вестей. Ждать дольше Томас не мог. Он решил, что поедет вдвоем с Марком Штюбнером.

Их связывала давняя дружба. Ближайший родственник Мюнцера дядюшка Мориц, у которого он нередко гостил, жил в Эльстерберге, где отец Марка держал банное заведение. Марк выделялся среди студентов Виттенбергского университета. Он был ярким спорщиком и часто даже самого Меланхтона ставил в тупик.

Сборы в дорогу совпали с тяжелым событием. Внезапно скончался любимый дядюшка Мориц. Покойный оставил Мюнцеру кое-какое наследство. Томас не хотел этим заниматься. Он поручил Марку побыстрее уладить все дела в Эльстерберге. Томас знал, с какими опасностями сопряжена поездка

в Прагу. Готовясь к худшему, он составил завещание, а рукописи отдал надежному человеку.

Путь их проходил через Яхимов. Здесь, по слухам, обосновался старый знакомец Эгран. В Цвиккау он задержался ровно столько, чтобы получить вперед жалованье за второе полугодие, и сразу перебрался в Яхимов. Рудокопы — народ решительный, и им бы пришлось не по вкусу проповеди, которые нравились толстосумам Цвиккау. Эгран желал угодить своей новой пастве. Ну и мошенник! Он быстро меняет личину, коль чувствует выгоду. Сейчас он не развивает прежних взглядов. Он не хочет, чтобы и здесь увидели, как он близок к папистам.

Напрасные ухищрения! Проповедуя в Яхимове, Томас вывел Эгрana на чистую воду. А потом еще прибил на дверях церкви «Положения», которые тот, борясь с Мюнцером, защищал в Цвиккау. Тезисы Томас снабдил припиской: их, мол, Эгран готов отстаивать перед кем угодно, а особенно перед «ослом Томасом Мюнцером».

Возмущенные рудокопы так разбушевались, что Эграну пришлось бежать из города. Магистрат потратил много усилий и времени, чтобы успокоить горняков и добиться возвращения Эгрana.

Ситуация была щекотливой. Друзья, у которых Мюнцер останавливался в Жатце, устроили ему официальное приглашение в Прагу. Его предупредили, что он может рассчитывать на радушный прием как один из видных сторонников Лютера. У городских ворот почетного гостя встретят представители магистрата и профессора. По обычаю он должен заранее написать тезисы своих публичных выступлений.

Здесь было над чем подумать. Приглашали ведь человека, который будет излагать учение Лютера, а не оспаривать его.

Главное — проникнуть в Прагу. Неважно, как будет обставлена первая встреча. Набросать какие-нибудь мысли, родственные виттенбергским книжникам? Он не хотел делать даже этого. Где выход?

Ну что же, раз от него требуют тезисы, он готов их дать. Мюнцер собственноручно переписал тезисы Меланхтона, которые тот защищал еще в 1519 году, добиваясь степени бакалавра богословия. Вы ждете истинно лютеровских положений — милости просим! Для пущей убедительности он подписался: «Томас Мюнцер, соревнователь Мартина перед лицом господа».

Его встречали торжественно и почтительно. В Прагу прибыл ученый посланец Виттенберга! Дома именитых пражан были для него открыты, но он предпочел остановиться при университете, где его содержали на казенный счет.

23 июня он уже выступал с большой проповедью. Его речь переводили на чешский язык. Потом он проповедовал по-латыни в Вифлеемской часовне. Он выступал с особым волнением: здесь все было связано с Яном Гусом.

Первые же проповеди Мюнцера принесли ему успех. С огромным уважением говорил он о Гусе, который не пожалел жизни ради торжества правды. Возлюбленный Ян Гус, учитель и борец!

Слова эти, произнесенные немцем, восхитили многих пражан. Оказывается, в Германии есть люди, куда более дорожащие идеями Гуса, чем многие чехи, которые ради своих корыстных интересов лебезят перед папским престолом и изменяют святому делу.

Кое-кто из состоятельных пражан, считавших себя сторонниками реформации, был очень удивлен, когда Мюнцер после проповеди в Тынской церкви стал раздавать причастие под обоими видами. Что же это такое? Так поступали Гус, чашники, но ведь это никогда не делал Лютер.

Ученые мужи недоумевали. Чего еще ждать от Мюнцера? Казалось, он будет проповедовать в духе умеренного лютеранства и выступать с тезисами вроде тех, которые он представил. Не тут-то было! С каждым днем в его речах все явственней слышались столь знакомые таборитские мотивы. Этого только не хватало, чтобы из Германии в Прагу

заявился человек, который начал бы ворошить и раздувать с таким трудом погашенный костер народного возмущения!

Вот вам и «соревнователь Мартина»! Смотрите, с кем он водится? С порядочными людьми, гордостью Пражского университета, он не очень-то ищет близости. Его куда больше занимает Ян Мируш, старый еретик, известный противник церковных служб, человек, которому любовь ремесленного люда дороже, чем уважение его ученых коллег. Поразительно быстро нашел Мируш общий язык с этим пришельцем!

Знакомства Мюнцера настораживали добропорядочных людей. Он общался с Матвеем Поустевником, бывшим скорняком из Жатца, который помешался на идеях таборитов и уже два года с неизменным успехом проповедовал в бедных кварталах Праги. Сошелся Мюнцер и с проповедником Тынской церкви Вацлавом, не терпевшим иконопочитания.

Магистр Томас и его спутник вели себя совсем не так, как подобает ученым богословам. Они довольно равнодушно отнеслись к сокровищам университетской библиотеки и не сидели над древнейшими рукописями.

Их часто видели среди сектантов. Неслыханная вещь! Да и вообще место ли таким людям в стенах университета, или им больше подходит дешевый трактир и ночлежка на окраине?

День 6 июля навсегда остался в памяти чешского народа. В этот день был сожжен Ян Гус. Больше ста лет прошло после его казни, но народ не забывал этой даты. В годовщину мученической смерти Гуса чехи с особенной ненавистью проклинали папистов. Именно в этот день в разных концах страны происходили выступления, направленные против Рима. Томас и Марк были свидетелями таких выступлений в Праге. Толпа врывалась в монастыри, била статуи и ломала иконы. Стража не смогла помешать бесчинству. Университетские профессора были напуганы и

возмущены дикими выходками черни. Надо надеяться, магистр Томас осуждает вместе с ними подобные крайности? Осуждает? Целый день они с Марком были на ногах. Они хотели сами все видеть. Когда же, наконец, и из немецких церквей народ начнет вышвыривать на улицу иконы? Возбужденный, с пылающим лицом, он носился по Праге. Он всем сердцем был с «погромщиками» и не скрывал этого.

Такой человек не может находиться под кровом университета. Ему предложили немедленно подыскать себе другое жилье.

Он нашел пристанище в доме Буриана Собека, городского писца. Собек учился в Виттенберге и вернулся на родину убежденным сторонником реформации. Он содействовал переводу и печатанию в Праге нескольких работ Лютера, выпущенных анонимно. В доме Собека Мюнцер встречался с образованными людьми, которым нравился Лютер. Но не с ними связывал Мюнцер осуществление своих планов. В народе живут идеи таборитов. Народ должен понять, в чем состоит истинная вера. Ну и ловко же Мюнцер расправляется с католическими попами! Священники-чашники относились вполне одобрительно к выступлениям Мюнцера. Но это продолжалось недолго. Мюнцер, которого встретили как одного из видных приверженцев Лютера, не побоялся в Праге открыто проявлять свою ненависть к новым «книжникам». Было ясно, что метит он в виттенбергских реформаторов, носящихся с буквой библии.

— Бог не чернилами на пергаменте, а перстом своим в сердце человека начертал святое писание. Не «внешняя» библия наставляет на правильный путь, а живая речь бога, который как отец с сыном разговаривает в сердце человека. И такое писание могут читать все «избранные», коль разум их открыт.

— Пастыри с их краденой верой похожи на аистов, которые ловят по лугам и болотам лягушек, а потом изрыгают их в гнезда птенцам. Попы наглотаются мертвых слов писания, а потом такую книжную, ложную веру, по сравнению с которой и вошь ценность, изрыгают бедному человеку!

— Чего тут удивляться, что мы стали посмешищем в глазах всего рода людского? Другие народы не без оснований называют нашу веру обезьяньей игрой. Какой бы вопрос нам ни задали, мы тотчас же гордо тащим преогромные книги, сверху донизу измаранные всякой всячиной. Мы ссылаемся на наш закон: здесь написано одно, здесь другое, эти слова произнес Христос, эти написал Павел, об этом в публичном доме высказалась мать святая церковь, а это заповедал нам святейший римский папа! Так попы — сам дьявол их посвящал! — с большим шумом и объясняют нашу веру.

— Разве нет у людей ума в голове, чтобы они поверили только ссылкам на книги? А что, если те, кто их составлял, наврали? Чем можно подтвердить правильность написанного? Турок и евреев этим не убедишь, они хотят услышать доводы посильней. Им отвечают одним: кто верит и крещен, тот спасется. И все тут! Только глупцы могут так излагать свою веру.

— Настоящая вера одинаково понятна всем людям: и язычникам и евреям. Каждый человек, если разум его открыт, может проникнуться духом святым и подняться на борьбу с нечестивыми. Пора «избранным» самим возвещать слово божье!

Незнание чешского языка очень мешало Мюнцеру. С учеными людьми он разговаривал по-латыни или по-немецки. Но не ради таких бесед приехал он в Прагу. Он хотел, чтобы его понял народ. Два толмача переводили его слова. Но Мюнцер чувствовал, что переводчики не всегда сами его понимали. Его страстные, полные огня речи многое теряли в чужих устах.

В проповедях Мюнцера красной нитью проходила мысль о близком перевороте и о необходимости точить для наступающей жатвы серпы. Он часто упоминал славное имя Гуса. Разве потомки окажутся недостойными этого великого борца?

Ему под разными предложениями стали чинить препятствия. Ведь это так сложно проповедовать, не зная языка! Зачем же магистру Томасу выступать в церквях при огромном стечении народа, когда ему проще излагать свое учение в частных домах, беседуя со сведущими людьми, которые по достоинству оценят и обширность его теологических познаний и мужественный стиль его выразительной латинской речи? Он отверг эти советы. Ну и гордец! Он ведет себя в чужом городе, словно в собственном приходе. И когда в следующий раз Мюнцер хотел говорить с церковной кафедры, ему не позволили. Разгневанный, он ушел и стал выступать прямо на улице. Их с Марком окружила большая толпа. Но разве мало в Праге бродячих проповедников, чтобы еще какие-то пришельцы мutilи народ?

Пребывание в Праге с каждым днем становилось все более тяжелым. Чашники, распознав в Мюнцере человека совершенно иного образа мыслей, чем они первоначально предполагали, повели против него настоящую войну. В конце октября они добились, что Мюнцеру вообще запретили проповедовать. Они хотят заткнуть ему рот? Думают, что он смирится с их кознями и, убоявшись кары, быстренько уберется восвояси? Плохо они еще его знают! Он обратится прямо к пражской общине, напишет воззвание и вывесит его в самых видных местах.

«Я, Томас Мюнцер, уроженец Штольберга, находясь в Праге, городе дорогого и святого борца Яна Гуса, обращаюсь к «избранным», обращаюсь ко всему свету, ко всем тем, до кого дойдут эти строки. Имеющий уши да слышит! Бог нанял меня для жатвы. Я наточил свой серп, потому что все мои помыслы принадлежат правде! Всем своим существом проклинаю я нечестивых. Чтобы одолеть их, я и прибыл в вашу страну, возлюбленнейшие мои чехи. Я требую от вас только одного — учитесь сами слышать живое слово божье, и вы поймете, как низко весь свет обманут глухими попами. Помогите мне

бороться против могущественных врагов веры, и вы станете свидетелями их позора. В вашей стране возникнет новая апостольская церковь, а потом распространится повсюду. В недалеком будущем власть на веки вечные перейдет к народу!»

Марк был крайне возбужден. Враги ни перед чем не остановятся, чтобы заткнуть им глотки. Он плевал на запрещение выступать перед народом и сегодня снова говорил на площади. Но все это обернулось плохо. Попы приготовили для него неожиданность: они понабрали где-то всякого сброду и натравили на «еретика немца». Если бы люди, слушавшие Марка, не вступились бы за него, то ему вообще несдобровать — его прямо там забили бы камнями. Он еле унес ноги, и счастье, что он отделался лишь ушибами. Похоже, что новоявленных пророков из Неметчины велено бить смертным боем.

Глаза Мюнцера потемнели от гнева. Такими штуками его не испугать! Отправляясь в Чехию, они с Марком знали, чем рискуют. Если бы они искали покойной жизни, то сидели бы себе где-нибудь в Эрфурте на обильных профессорских харчах или тешились бы мальвазией в веселой эльстербергской бане!

Несмотря ни на запрещение выступать публично, ни на град камней, которым проводили Марка, Мюнцер продолжал собирать вокруг себя народ. Кое-кто из доброжелателей пытался его образумить. Хорошо, что он не боится камней и палок. Но неужели он не понимает, что теперь, когда издан монарший эдикт против смутьянов, его могут схватить и выдать на расправу имперскому правительству? Он отмахивался: мученичества он не ищет и всегда предпочтет вовремя скрыться, чтобы в другом месте продолжать борьбу, чем добровольно отдаться в руки врагов, но ничто: ни лютые пытки, ни угрозы казни — не заставит его изменить своему делу.

Замыслы его были огромны. Прага, эта колыбель гуситов, должна возглавить новое освободительное движение. Он торопил переводчика. Своему «Воззванию» он придавал большое значение. Но обнаружить его не удалось.

Слухи о том, что власти намерены арестовать «еретиков немцев», оправдались самым неожиданным образом. Мюнцер и Штюбнер были в своей комнатухе, когда услышали внизу громкие голоса. Возмутился хозяин: его не выпускали на улицу. Приказ был строг: чтоб ни одна душа не выходила из дому. Четыре стражника стояли в дверях.

Раздумывать не приходилось. Внизу, у единственного выхода, — стражники, высоко над мощным двором — маленькое окошко, рядом — почти гладкая стена и безумно крутая крыша с предательски ветхой черепицей.

Мюнцер запихнул в дорожный мешок все свои рукописи.

Ночи в конце ноября в Праге темны и дождливы. Ветер гасит фонари. Стража клянет судьбу и непогоду.

„ЛЕТО УЖЕ НА ПОРОГЕ!“

Уютная вартбургская обитель не вернула Лютеру покоя. То, чего он боялся, началось. Отовсюду шли слухи о брожениях. Люди слишком склонны плотски воспринимать даже самые возвышенные мысли.

Они не довольствуются светом христианской истины, а требуют решительных перемен. Подмастерья хватаются за алебарды. На улицах вдогонку клирикам летят улюлюканья и комья навоза. Народ собирается на тайные сходки. И не только в Цвиккау. Одни зарятся на богатые церковные угодья, хотят уничтожить монастыри, а другие не забывают показать и на замки господ.

Ему неприятно вспоминать недавние события. Даже в Виттенберге, этой цитадели благоразумия, не обошлось без крайностей. Горластые студенты вломилась в монастырь и разбили алтарь: лучше, мол, употребить строительный материал для возведения виселицы и лобного места. В сто крат почетней быть палачом, чем треклятым папистом! Под плащами школяров были обнаженные кинжалы.

Давно уже Лютера мучила мысль, что начатое им движение помимо его воли превратится во всеобщий мятеж. Теперь, в декабре 1521 года, он особенно ясно это понял. Разгневанный народ, поднявшись, не захочет остановиться на полдороге. Что преградит путь лавине, если она уже тронулась? Дух мятежа надо подавить в самом зародыше. Он отложил в сторону рукописи переводов и взялся за перо. Новую свою работу он считал очень важной. Она называлась «Верное предостережение всем христианам беречься мятежа и возмущения».

Можно опасаться, писал Лютер, что дело дойдет до восстания. Попы, монахи и епископы будут перебиты или изгнаны, если они сами не осуществят серьезных и значительных улучшений. Простой человек, возмущенный злом, которое ему причиняют, не захочет больше терпеть и пустит в ход цепа и дубины. Опасность восстания велика, но Лютер все-таки убежден, что оно не произойдет. Папистам уготовлена свыше доля куда более худшая, чем телесная смерть: Христос убьет их духом уст своих. В день Страшного суда папа Антихрист и присные его будут наказаны вечным проклятием, которого нет страшней. Толкуя пророка Даниила, Лютер утверждал, что царство Антихриста сгинет без содействия рук.

«Простой же люд надо успокоить и указать ему, чтоб он воздерживался от мятежных речей и помыслов и ничего бы не предпринимал без повеления властей или помимо их». Мятеж безумен. Когда поднимается чернь, то уже не различают доброго и злого. Удары сыплются как попало.

Власти обязаны предотвращать восстания — для этого они и наделены мечом. Только законная власть имеет право применять силу. Высший же долг христианина в смиреннии. Народ должен помогать властям. Упаси боже забегать вперед! «Пока правители не берутся за дело, до тех пор и ты держи в узде свои руки, свои уста и сердце свое и ничего не предпринимай. Если начальство не захочет выступать, то и ты не должен хотеть. Если же настаиваешь на своем, то ты хуже врага».

Он, Лютер, никогда не будет заодно с бунтовщиками. Человек, вступивший на путь мятежа, сразу становится несправедливым и творит еще большее зло, чем его противники. «Я всегда буду с теми, кто страдает от бунта, хотя бы они были и не правы. Всегда я буду против тех, кто поднимает бунт, каким бы праведным ни было само дело, ибо мятеж не может обойтись без невинной крови и великого вреда. Восставать запрещено богом. Тот, кто хорошо разобрался в моем учении, никогда не примкнет к мятежу».

В насильственном образе действий со стороны народа Лютер видит гибель идеи реформации. «Ты спросишь, что же делать, если власти не хотят начинать? Прежде всего следует осознать, что владычество папы ниспослано нам богом, как кара за наши собственные грехи, осознать это и избавиться от них». Надо продолжать бороться с Антихристом. Когда словом божьим он будет изгнан из сердец человеческих, он и будет уничтожен. Так его легче одолеть, чем с помощью сотни восстаний.

Даже ссылки на пророка Даниила потребовались Лютеру лишь для того, чтобы отвергнуть всякую мысль о восстании. Бунты — это сатанинские происки. Остерегайтесь их! Царство Антихриста падет и без содействия рук человеческих!

* Возвратившись на родину, Марк и Томас встретились со Шторхом. Никлас рассказал, что в Цвиккау значительная часть жителей открыто издевается

над духовенством. Магистрат не смог справиться с еретиками и просил о помощи герцога Иоганна. Шторху пришлось покинуть город, но советники не без оснований жалуются, что там по-прежнему царит мятежный дух.

Не то еще впереди! Поездка в Чехию не была бесплодной. Среди простых чехов сильны таборитские настроения, но власти умело их подавляют. Однако и во враждебной Риму верхушке чешского общества ошибочно видеть союзников решительной реформации, которая не ограничится лишь упорядочением церковных дел. Настоящую, народную, реформу могут осуществить только бедные люди городов и сел! Повсюду надо создавать «Союзы избранных»!

Мюнцер намерен в ближайшие месяцы побывать во многих местах. Они условились, через кого пересылать письма. Никлас и Марк пошли на север Саксонии.

Перед рождеством внезапно, как налетевший ураган, Штюбнер и Шторх появились в Виттенберге. Они словно нарочно выбрали время: в городе все громче звучали нетерпеливые голоса недовольных. Если папа — Антихрист, а его слуги — подручные сатаны, то почему до сих пор сохраняются старые обряды и не разбиты алтари?

Очень быстро о пришельцах заговорил весь город. Да и не мудрено. Их речи всполошили народ. Пришла пора приниматься за дело. Долго ли еще университетские мужи будут морочить людям голову и прикрывать библией, как фиговым листком, срам нечестивых? Простому человеку не нужны хитроумные толкования книжников. Он в собственной душе услышит голос бога и будет знать, как правильно поступать. Если народ жаждет перемен, то он должен расправить плечи и взяться за папистов, не дожидаясь, пока, наконец, осмелеют ученые книжники. Пора покончить и с латинским богослужением, и с идолопоклонством, и с произволом властей!

Шторх пропада́л в до́мах реме́сленнико́в, а Штюбнер искал слушателей среди преподавателей университета и студентов. С Карлштадтом и Меланхтоном он был знаком и надеялся перетянуть их на свою сторону. Карлштадт давно уже высказывался за реформу богослужения, но, отличаясь осторожностью, призывать к этому в проповедях не рисковал. Долго ли он еще будет колебаться?

Речи Никласа и Марка падали на благодатную почву. В рождественскую ночь ремесленники и студенты бесчинствовали всюду: издевались над службой, грозили попу продырявить его пулями, побили лампы и горланили разухабистую песню «Потеряла девка башмачок». В другой церкви озорники, чтобы заглушить молитвы, подражали волчьему вою.

Карлштадт решил отказаться от латинской мессы. Он вышел к алтарю в мирском платье. Он говорил по-немецки и во время службы раздавал причастие под обоими видами.

Он окончательно порывал с римской церковью, отказался от обета безбрачия и на второй день рождества обручился с молоденькой девушкой. Но это было только начало. Марк и Никлас, одобряя и новшества Карлштадта и иконоборчество, отнюдь не думали этим ограничиться. Они проповедовали, что в ближайшее время в Германии произойдут великие перемены.

Многим в Виттенберге вдруг стало ясно, что люди, в которых одни видели экзальтированных чудачков, помешанных на перекрещении, а другие «пророков», запросто разговаривающих с богом, на самом деле — опаснейшие бунтовщики. Да они и не скрывали этого. Правда, что в Цвиккау не обошлось без раздоров, кое-кого посадили в тюрьму, а они вынуждены были покинуть город. Это только временная неудача. Скоро, очень скоро все нечестивые будут перебиты руками праведных!

Когда Штюбнер и Шторх выложили все это Меланхтону, тот пришел в неопишемое волнение. Он понял, что и вопрос о крещении, и вещие сны, и «живой» голос бога — не главное. Главное — учение

о насильственном перевороте. Он пытался возражать, ссылаясь на Библию, уверял, что смирением, а не мятежным духом должен преисполниться христианин, но напрасно. Штюбнер был поразительно сведущ в Библии и на каждый довод Меланхтона отвечал десятком куда более убедительных и веских аргументов. Меланхтон растерялся. Бунтовщики превращают Евангелие в политическую программу, направленную против всех существующих порядков. Он чувствовал собственное бессилие. Даже ему, ближайшему сподвижнику и любимцу Лютера, многое в речах Марка казалось правильным. Штюбнер забивал его своими доводами. О, если бы здесь был Мартин! Только он может разобраться во всех этих проклятых вопросах. Одно было для Меланхтона несомненно: если Штюбнер и Шторх будут продолжать проповедовать свои взгляды, то и в Виттенберге дело дойдет до мятежа.

Охваченный страхом, Меланхтон обратился с письмом к курфюрсту. Здесь разыгрываются события величайшей важности и всеобщий мир находится под угрозой. Необходимо, чтобы Лютер тотчас же возвращался.

К письму Меланхтона Фридрих отнесся весьма внимательно, но вмешательство Лютера нашел несвоевременным.

Узнав от Меланхтона о «пророках», Лютер вначале не высказал желания приезжать в Виттенберг. Нет, ради них он и не подумает возвращаться. Но пренебрежительные фразы не помогли избавиться от чувства тревоги. Посланцы Мюнцера находили в Виттенберге много сторонников. Даже члены магистрата стали уступать их натиску: завели общественную кассу для бедняков, закрыли публичные дома и разогнали девок. Сегодня они соглашаются на новшества в церковных службах, а завтра вообще окажутся бессильными перед шайкой бунтарей. Из храмов выносят и жгут иконы. Карлштадт все сильнее подпадает под влияние идей Мюнцера. Мастерские рассуждают об Евангелии и поговаривают, что не одни паписты виноваты в бедах Немецкой земли.

И все это в Виттенберге, его Виттенберге! Лютер понимал, насколько серьезным было положение. Он, конечно, может и дальше отсиживаться в вартбургском замке, но не рискует ли он навсегда утратить роль духовного вождя? Вправе ли он допустить, чтобы в начатом им движении решительно возобладали сторонники крайних мер? «Верное предостережение всем христианам беречься мятежа и возмущения» оказалось недостаточно действенным. Бунтарский дух все больше овладевал народом.

Мучительно думал Лютер о том, как ослабить и ввести в «законное» русло грозный поток народного возмущения. Он всем своим существом был против бунта. Однако это не мешало герцогу Георгу во всех бесчинствах, творящихся в Виттенберге, обвинять перед императорским двором именно Лютера. Правительство требовало от курфюрста, чтобы он положил конец преступным новшествам и восстановил обычное богослужение.

Лютер колебался до тех пор, пока не получил письма от Фридриха. Курфюрст был дипломатом: он не приказывал Лютеру вернуться — напротив, предупреждал об опасности. Только в крайней нужде, да и то на свой страх и риск может он покинуть Вартбург. Смысл этого обращения был Лютеру ясен: курфюрст просил помощи.

На следующий же день Лютер спешно выехал в Виттенберг.

Доктор Мартин так прямо и объявил: виттенбергские беспорядки — дело рук самого сатаны. Лютер собрал все свое красноречие, чтобы искоренить опасный дух непокорности. Истинный христианин не допускает и мысли о применении силы. Глубоко заблуждается тот, кто думает, что для спасения души необходимо разбивать иконы, причащаться под обоими видами или побуждать священников к женитьбе. Если бы от этого зависело спасение, то тогда и свинью можно было бы сделать христианкой. Он сурово порицал людей, которые настаивали на новшествах,

Таким путем они не достигнут царствия божьего. Спасает человека лишь вера!

Казалось, Лютер превзошел самого себя. Даже камни, говорил один из его слушателей, не могли бы остаться равнодушными к его речам: тот, кто однажды внимал им, хотел снова и снова слушать виттенбергского соловья.

Нелегкий это труд — вырывать укоренившиеся заблуждения. Лютер выступал восемь дней подряд. Лицемерно рассуждая о «снисхождении к слабым», которые преданы старому культу, он решительно осудил опасные новшества. Толстосумы вздохнули с облегчением. Магистрат от имени города послал Лютеру пива, вина и отрез сукна на новую рясу.

Мартовские проповеди Лютера полностью согласовывались с его «Верным предостережением». Неужели Мартин окончательно превратился в княжьего холопа? Может быть, еще не поздно — Лютер одумается. К его голосу прислушивается весь немецкий народ. Многие видят в нем героя, Геракла Германии. Неужели он предпочтет незавидную роль княжьего угодника?

Необходимо, чтобы Томас встретился с Лютером и попытался его переубедить. Марк настаивал. Но Мюнцер не соглашался. Поздно! В «Верном предостережении» Лютер высказался с достаточной ясностью. Возомнив себя новым папой, он зашел слишком далеко и не свернет уже со своей стежки. Если Штюбнер хочет, то пусть снова сам едет в Виттенберг.

Охоты толковать с Марком Лютер не проявил. Он намеренно избегал его и оттягивал встречу. Штюбнер не отступал. Беседа, которая, наконец, состоялась в келье Лютера, была острой. Чем дальше они спорили, тем явственней становилось, сколь непримиримы их взгляды.

Лютер тщетно призывал Марка к умеренности. Почему он, отбросив теологию, так заостряет их разногласия, что они становятся сплошной полити-

кой? Штюбнер не хотел прикрываться учёными фразами. Он изложил точку зрения сторонников Мюнцера. Доктор Мартин, разумеется, не хуже других видит, что реформационное движение находится на перепутье. Остановиться или идти дальше? Ограничиться только церковной реформой? Виттенбергские профессора лишь об этом и мечтают. В борьбе с папой они рассчитывают на поддержку князей, которых надеются задобрить монастырскими землями. Но ради этих жалких целей не стоило ничего и затевать.

Разглагольствовать о справедливости и оставить почти все по-старому — князей-тиранов, живодеров дворян? И пусть простой человек по-прежнему безропотно сносит все, что творят над ним господа? Не этого хочет народ! Чтобы добиться полного освобождения от всех тягот, надо пустить в ход меч!

Лютер изменился в лице. Значит, Мюнцер и его сторонники намереваются свергнуть существующих правителей и захватить власть?!

Они хорошо поняли друг друга. Имейте мужество, доктор Мартин, смотреть вперед. С кем вы? С народом? Или вы снова укроетесь где-нибудь в Вартбурге и будете выглядывать из-за спины грузного бородача курфюрста?

Захват власти? От одной этой мысли Лютеру становилось страшно. Вот к чему приводит учение Мюнцера. Нет, он не разделяет подобных взглядов. Ведь Христос сказал перед Пилатом, что царство его не от мира сего. Христос наставлял своих учеников, чтобы они не уподоблялись светским князьям. Лютер прятался за цитаты из Евангелия, как за стену. Нельзя идеи христианской свободы понимать так плотски. Вера, и только вера, может спасти человека!

А что касается пророчеств о грядущем перевороте, уничтожении нечестивых и царстве божьем на земле, то все это сплошное фантазерство и витание в облаках.

Лютер все время ссылался на библию. Они жестоко спорили, кричали, стучали кулаками по сто-

лу. У Лютера был убийственный аргумент: если пророки и фантасты, бредящие близким переворотом, хотя бы убедить его в своей правоте, то пусть явят чудо.

Штюбнер оборвал его. Зря Лютер так горячится. Он, Марк, знает, о чем сейчас думает Лютер: он думает, что люди, которых он язвительно называет фантазерами, правы. Разве это не так?

Растерянно молчал Лютер. Марк добивался ответа. Лютер отвечать не захотел. О чем еще спорить? В тот же день Марк ушел из Виттенберга. На следующее утро, несколько остыв, он сделал еще одну попытку переубедить Лютера. Тот на его письмо ответил насмешливо и зло: «Прощай, любезнейший!»

Ну, кто прав! Он так и знал, что из затей Штюбнера ничего путного не выйдет. Теперь еще Шторх собирается в Виттенберг. Напрасная трата слов! К каким бы сильным аргументам они ни прибегали, все тщетно. Мартин крепко вцепился в Библию. Он от своего не откажется. Ему с его талантами ничего не стоит вывернуться из любого положения. Сколь бы тяжкими для него ни были эти споры в его келье, он никогда не признает поражения и все равно будет хвастаться, что дал своим противникам по носу.

Его уже не переубедить. Лютер вернулся из Вартбурга как верный прислужник курфюрста. В этом была своя логика. Отказываясь от мысли о народном восстании, он неминуемо должен был искать поддержки властителей. Или с народом против князей, или с князьями против народа.

Глубоко возмущенный Томас писать Лютеру сейчас не мог. Он адресовал письмо Меланхтону. Нельзя ограничиваться только книжным пониманием веры. В таком случае вся теология не стоит и облом! Прикрываясь словами о снисхождении к слабым, Лютер на деле выполняет волю курфюрста. Близятся решающие дни. Скоро придет время братья за серпы, чтобы отделить добрую пшеницу от злых пле-

вел. Не угодничайте перед правителями вашими. Лето уже на пороге!

На Вормсском рейхстаге, отказываясь отречься от своих взглядов, Лютер бросил фразу, которая стала крылатой: «На том стою, и не могу иначе». Завершая письмо Меланхтону, Мюнцер в латинский текст включил немецкие слова. Они звучали иронически: «О изнеженные книжники, не гневайтесь, я не могу иначе!»

Как все меняется! Человек, который долго казался источником всяких смут, выступал словно уполномоченный имперского правительства. Советники Карла вдруг узрели в Лютере «мощный элемент порядка». Первейший еретик и исчадие ада взял на себя — насмешка судьбы! — роль пособника папистов.

Теперь основную опасность своему делу Лютер видел не в кознях римской курии и не в позиции императорского двора. Весь свой пыл, всю свою страстность, свой исключительный дар полемиста и проповедника он обратил против людей, еще недавно считавших его духовным вождем и соратником. Нет, нет, он и знать ничего не хочет о новых пророках. Они начинают с похвалы, что лично беседуют с богом, а кончают призывами к мятежу и кровопролитию. Он передергивал, как только мог, — изо всех сил старался представить Мюнцера и его сторонников юродствующими фанатиками. Руками и ногами отрещивался он от тех, кто носится с замыслами восстания. Недаром еще в «Верном предостережении» он подчеркивал, что никогда не будет поощрять бунта. Если есть склонные к мятежу люди, которых считают его последователями, то тут он ни при чем. Многие ведь творят и паписты именем Христовым.

Возвратившись в Виттенберг, Лютер обрушился на преступные новшества фанатиков. Он судил всякое проявление бунтарского духа. Даже реформа церковных служб преждевременна и должна быть отменена. Он восстановил старые обряды — сделал

именно то, что требовало от курфюрста имперское правительство. Иконы, которые не были разбиты и сожжены, водворены на прежние места.

Доктор Мартин любил рассуждать о праве человека свободно излагать свои мнения. Но чего стоила провозглашенная им свобода! Инакомыслящим Лютер не давал открыть и рта. Действуя исподтишка, он добился, что курфюрст запретил Карлштадту выступать с проповедями. Он яростно нападал на идеи, которые находил вредными. Все, с чем он был не согласен, он объявил лжеучениями, дьявольскими выдумками, фанатичным бредом. Каждого, кто хотел идти дальше его, Лютера, он стал поносить как опаснейших фанатиков, вредных мечтателей и бесноватых фантастов.

В конце апреля Лютер вместе с епископом мейсенским и еще одним видным папистом-профессором — подходящая компания — отправился в поездку по стране. Он помогал восстанавливать католические обряды и искоренял в душах верующих ростки крамолы и непокорности. Неспроста он несколько дней подряд выступал в Цвиккау с проповедями. Он весьма старался, но не был уверен в успехе. Ему пришлось признать, что жители города очень сильно заражены пагубными идеями Мюнцера.

Тяжелый это был год. Бесконечные дороги, постоянные опасности, лишения, горькая нужда. Но Томас не жаловался: святое дело требует самоотверженности. Он не жил подолгу в одном и том же городе. Иногда он уходил сам — широка Германия, и везде нужны слова правды! — но чаще ему приходилось убираться не по собственной воле. Среди сотен людей, которых он хотел приобщить к борьбе, нередко встречались доносчики и соглядатаи.

Летом он обосновался в городке Нордхаузен, но пробыл там недолго и уже в сентябре был вынужден его покинуть. Он ходил по Тюрингии и Саксонии и распространял идеи народной реформации. Его всегда окружали слушатели.

В чем настоящая вера? Книжники твердят, что в духовном царстве все христиане равны и свободны, а на земле каждый должен довольствоваться существующим. Для спасения души неважно, кто ты — раб или властитель. Крепостной, если он истинно верующий, уже свободен. Поэтому надо в этом мире терпеливо сносить и неравенство и несвободу.

Но разве этого ждет народ? Бедные люди городов и сел, сверх всякой меры обремененные различными тяготами, хотят добиться подлинной свободы. Они только еще начинают этого требовать, а Лютер с толпою верных мудрецов уж тут как тут. Они тычут пальцем в толстые книги и вопят на всю Немецкую землю, что грех смешивать духовное с мирским и обосновывать Евангелием законность перемен. Без передышки они увещевают, вразумляют, предостерегают: сам дьявол глаголет устами тех, кто уверяет, будто господь повелел людям и на земле быть равными и свободными.

Лютеровы книжники помогают тиранам оставаться на старом пути. Нет, настоящая вера в ином — в том, чтобы полностью освободиться и все сделать общим. Это поймет и турок.

Ветер гнал по дорогам желтые листья. Ночи стояли холодные. Зима была не за горами, когда Томасу сообщили, что в Галле, в церкви, принадлежащей женскому монастырю, освободилось место душеприказчика. Прежний священник махнул рукой на обет безбрачия, женился и уехал. Аббатиса не возражала, чтобы его заменил Мюнцер, лишь бы он не обходился слишком дорого.

С волнением приехал он в Галле. Все здесь было ему знакомо: и величественная Красная башня на рыночной площади и городские закоулки. То тут, то там он натыкался на груды камня и штабеля досок. Теперешний владыка, кардинал-архиепископ Альбрехт, много строил. Он хотел, чтобы его город, красивый и могущественный, стал в противовес Вит-

тенбергу духовным центром страны, оплотом старой веры.

Много воспоминаний было у Мюнцера связано с Галле. Именно здесь десять лет тому назад, совсем еще молодым человеком, он составил заговор против архиепископа Эрнста. Здесь впервые попытался он создать свой тайный союз. Его постигла неудача, и ему пришлось бежать. Правда, Эрнст вскоре умер, но Томас не рискнул тогда возвращаться.

Обязанности Мюнцера были невелики и оставляли ему много свободного времени. Все его помыслы принадлежали борьбе: он восстанавливал старые знакомства и терпеливо работал над созданием «Союза избранных».

Никого из ученых Виттенберга Мюнцер не ценил так высоко, как Андреаса Карлштадта. Томас не закрывал глаза на серьезность разделявших их разногласий, но был убежден, что их удастся преодолеть. Карлштадт воспринял кое-что из его идей. Да, он не против по-новому толковать немецких мистиков, бороться с идолопоклонством папистов и прислушиваться к «живому слову» бога. Но и Карлштадта отпугивало, что в устах Мюнцера библейские тексты превращаются в опасную политическую программу. Богу — божье, а кесарю — кесарево! Карлштадт был теологом до корней волос. Его волновали догматы веры и этические учения. Он настойчиво искал пути к моральному совершенству.

Он поддерживал с Мюнцером переписку, но не особенно оживленную. Ему и так приходилось выслушивать упреки, что он заодно со смутьянами из Цвикау. Томас всегда отвечал на письма Карлштадта. Но тот такой аккуратностью похвастаться не мог. Мюнцер жаловался, что подолгу не знает, что с Карлштадтом, — жив он или мертв, носит по-прежнему духовное платье или стал мирянином.

В конце декабря Томас получил весточку от Карлштадта. Брат Андреас приглашал его к себе. У него под Виттенбергом сельский домик, там ждет

Мюнцера радушный прием. В письме были нотки, которые встревожили Томаса. Карлштадт слишком настойчиво советовал подавлять все бурные страсти, чтобы достичь благословенной отрешенности: здесь, на земле, человек не обретет внутреннего совершенства, о котором говорит Мюнцер.

«Мы обитаем в стране смерти, — писал Карлштадт, — и поэтому Христова справедливость не может в нас восторжествовать, пока длится жизнь во плоти...»

Откуда эта безысходность? Тяжко было думать о Карлштадте, этом живом человеке и яром спорщике, как о проповеднике бездеятельности и покоя. Уж не повлияла ли на него так сильно травля, которой его подвергли виттенбергские коллеги?

В домике Карлштадта на всем лежал отпечаток нарочитой простоты. Хозяин вырядился в потертый кафтан, а его жена отнюдь не походила на важную матрону — молодая некрасивая женщина в домо-тканом платье.

Томас, разумеется, ничего не имеет против скромности. Он тоже не терпит пышных нарядов и щегольства. Опрошение поможет обрести блаженство? Он не возражает. Но и отрешенность бывает разной. Одно дело отказываться от всего личного ради непримиримой борьбы за общее благо, другое — искать спасения души в бегстве от деятельной и целеустремленной жизни. Много ли будет крестьянам проку, если один из самых глубоких и честных умов Германии, для которого его поле — это окруженные народом кафедры и печатные станки типографий, станет, стремясь к внутренней гармонии, только ходить за плугом и подрезать виноградник?

Спорили они жарко и долго. Карлштадт во многом признавал правоту Мюнцера, но боялся его крайних выводов. Он согласен, что в свое время все нечестивые будут уничтожены. Однако это произойдет не сегодня и не завтра, не через несколько лет, как утверждает Мюнцер, а только в день Страшного суда.

В неприязни к книжникам они были единодушны. Карлштадт начинал от волнения заикаться, ко-

гда вспоминал, как поступил с ним Лютер. Жаловаться было на что: Мартин обошелся с ним самым подлым образом. Еще недавно он поздравлял Андреаса с женитьбой и обещал лично привезти свадебный подарок. Но, вернувшись в Виттенберг, он тут же напустился на Карлштадта и «пророков» из Цвиккау. Он объявил, что доктор Карлштадт одержим сатанинским духом. Лютер лицемерно ссылаясь на Христа — Христос, мол, заставит Карлштадта отступить, а сам мгновенно добился от курфюрста, чтобы Карлштадту воспретили публичные выступления. Андреас отдал свою книгу в типографию. Она была уже напечатана, когда вдруг по постановлению университета ее изъяли. Весь тираж вместе с рукописью был сожжен.

Доктор Мартин предпочитал оставаться в тени. На сцене орудовали бородач курфюрст и послушные Лютеру университетские колпаки. Он действовал исподтишка, как хитрый лис. Только связав Карлштадта по рукам и ногам, лишив его возможности выступать и печататься, этот Отче Пролаза принялся всеми средствами изничтожать ядовитейшие бредни бесноватых фантастов. К его услугам были кафедры и печатные станки.

Оба, Мюнцер и Карлштадт, по милости Лютера очутились в лагере фанатиков. Ожесточенно воюя с книжниками, Томас мог рассчитывать на помощь Карлштадта. Но Мюнцер думал о другом. Он хотел найти в Андреасе единомышленника, который не только разделял бы его ненависть к «пожирателям библии», но и отдал бы всего себя борьбе за освобождение народа.

Томас был уверен, что недалек час, когда Карлштадт станет всеми силами содействовать укреплению и расширению «Союза избранных». Они простились как братья.

На рождество Томас был уже снова в Галле. Он упорно продолжал свою работу. Не только «вечные» подмастерья были его слушателями. Среди них были

Мелкие торговцы, пономарь, трактирщик, учитель фехтования. Мюнцеру часто стоило большого труда себя сдерживать. Его раздражали надоедливые вопросы, связанные с толкованием различных мест библии. Разве недостаточно ясно, что все блага должны быть общими, что присваивающий богатства творит зло, что нечестивых следует уничтожить? Зачем твердить все время о священных текстах и спорить о речениях пророков?

О эти любители получать из книг «готового бога»! Они думают, что довольно знать назубок писание, чтобы быть истинно верующим. Мертва такая книжная вера. Зубрить библию бессмысленно. Ее можно даже всю целиком сожрать — пользы от этого не будет ровно никакой.

Он говорил о самом главном — о необходимости борьбы с угнетателями, о «Союзе избранных», о близком перевороте. Его засыпали вопросами. А как отнесется бог к такому союзу? И как об этом судили ветхозаветные пророки? Мюнцер доказывал, что искоренение носителей зла есть высший долг человека. Он не уставал по нескольку раз повторять одно и то же.

Но иногда, вспыхнув, он говорил страшные вещи. Его выводили из себя настойчивые ссылки на священное писание. Как рабски цеплялись люди за букву библии! Случилось, один из присутствовавших особенно упрямо стоял на своем: бог никогда не одобрит применения силы.

Томас потерял самообладание. Весь во власти гнева, он закричал:

— Я плевал, — он употребил более сильное выражение, — на твоего бога, на пророков и на библию!

САТАНА В АЛЬШТЕДТЕ

Е

ще не кончилась весенняя распутица, и на узеньких улицах была непролазная грязь. Лошади по брюхо проваливались в наполненные водой ямы. Пахло нечистотами и навозом.

Городок не мог похвалиться достатком. Старые серые дома, убогие лавки. Даже церковь св. Иоганна, гордость и красу города, нельзя было и сравнить с великолепными постройками Цвиккау. После Праги или Галле Альштедт производил жалкое впечатление.

Из Галле Томаса выслали. Кто-то донес о его речах.

У Мюнцера не было денег на самое необходимое. Аббатиса оказалась весьма скаредной. За всю зиму она заплатила ему только два гульдена, да и те он сразу же отдал, чтобы поубавить долги. Коротким было его пребывание в Галле, но он успел вовлечь в «Союз избранных» десятки людей.

Кое-кто из знакомых Мюнцера, прослышав, что он принял приглашение альшtedтцев, недоуменно пожимал плечами. Должно быть, магистра Томаса совсем доконала нужда, раз он согласился на столь незавидное местечко. Простак! Томас знал, что он делает и куда едет. Да, большинство жителей Альшtedта ничего не имеют за душой — у них только натруженные руки и сердца, ожесточенные лишениями. Разве этого недостаточно, чтобы остаться с ними? Но решающим было другое: неподалеку рудники с их склонным к бунту рабочим людом.

Ему отвели жилье в одной из городских башен. Альшtedтцы сразу заметили, что в окне его до поздней ночи горит свет. Новый проповедник много писал.

Альшtedт лежал во владениях саксонских князей, курфюрста Фридриха и его брата и соправителя герцога Иоганна. Главными должностными лицами в городе были шоссер, сборщик налогов, и шультейс, выполнявший судейские обязанности. Шоссер жил в замке с челядью и писарями. Его звали Ганс Цейс. Человек умный и образованный, он был знаком с Лютером. Томаса он встретил благожелательно: наконец-то и в Альшtedте появился ученый магистр. Он искал наставлений в вере. Мюнцер частенько беседовал с ним: было очень важно, чтобы столь влиятельный Цейс не чинил бы ему препятствий. Шоссеру Мюнцер положительно нравился.

После тяжелой зимы на долю Томаса выпала чудесная весна. Незадолго до его появления в Альшtedте здесь нашли убежище несколько монахинь. Они отказались от сана и захотели жить в миру трудом собственных рук. Одну из них звали Оттилия. Мюн-

цер сразу ее заметил: она отличалась редкой красотой. Что заставило ее пойти в монастырь? Родители? Нет, это была ее воля. Она всем сердцем стремилась к правде, горела желанием служить людям. Монастырская жизнь принесла ей горькие разочарования. Она искала святого бескорыстия, когда ближнего и впрямь любят больше, чем самого себя, а нашла лицемерие, ненасытную жадность, бесстыдный обман, тунеядство.

Проповеди Мюнцера потрясли ее до глубины души. Попы и книжники на самом деле превратили Христа в чучело, в намалеванного человечка, настоящую веру они заменили вымышленной, живой голос бога — мертвой буквой. Оттилия часто говорила с Мюнцером. Мир нуждается в перевороте! Только когда угнетатели и обманщики будут повержены, люди смогут так перестроить жизнь, что все будет подчинено общей пользе. Истинная вера и есть борьба за осуществление этой святой и великой цели.

Томас задумался не на шутку. Гонения, нужда, побеги, неприкаянность. Часто кровом ему служил стог сена, заброшенный овин или шалаш пастуха. Неделями на его башмаках серела пыль рискованных и длинных дорог. Власти быстро распознавали в нем смутьяна, совратителя, еретика. Но он любил эту жизнь, полную опасностей и тревог, и ни за что не променял бы ее на богатый приход, на обильные профессорские хлеба или придворную должность. Он был счастлив большим и суровым счастьем человека, который готов ради своего дела пожертвовать всем, даже жизнью.

Он мучительно размышлял об Оттилии. Разделить с ней свою судьбу? Он строго испытывал себя. Где границы разумного самоотречения? И что сейчас, когда соки бегут под корой деревьев, лишает его внутреннего покоя? Глубокая и чистая, как родник, любовь или коварное томление, которым полны весенние ночи? Он учит, что люди должны подавлять в себе страсти и во имя общего отречься от личного. Не готов ли он сам себя опровергнуть?

Трудную жизнь может он пообещать Оттилии. Но он не изменит себе. Он не похож на радостного жениха, забывшего обо всем на свете, кроме своей избранницы. Он придет к ней со своими муками, сомнениями, надеждами, со своей великой верой в нелегкую, но неминуемую победу.

Оттилия стала его женой. Книги, которые она читала вместе с Томасом, не мешали ей отлично вести хозяйство.

Позор, позор! Новая работа Лютера называлась «О светской власти, в какой мере люди обязаны ей повиноваться». Не недавние ли споры со Штубнером и Шторхом заставили Мартина еще раз изложить свою точку зрения? Или правда, что он выполнял лишь волю герцога? Но что это меняет? В Веймаре, при дворе, он произнес две проповеди. Затем издал их с посвящением герцогу. О Мартин, Мартин, продал ты свое первородство за чечевичную похлебку! Крепка у тебя вера, которой ты похваляешься, но годится она только на то, чтобы защищать угнетателей.

Доктор Лютер доказывал, что в мирских делах крайне необходимо слушаться законных правителей. Сейчас все громче раздаются голоса, требующие упразднения властей. Почему один христианин обязан подчиняться другому? Опаснейшие мысли! Если бы не было меча карающего, то рухнул бы весь миропорядок. Злодеи только и сдерживаются, что страхом наказания. Лютер не жалел мрачных красок: «Не будь этого, то ввиду всеобщей распространенности зла — среди тысячи найдется едва ли единственный христианин! — один пожирал бы другого и никто не мог бы обзавестись женой и детьми, не мог бы добывать себе пропитания и служить господу. Мир превратился бы в пустыню».

Рисуя подобные картины, Лютер намеренно искажал взгляды своих противников, которые требовали не уничтожения всякой власти вообще, а передачи ее народу.

«Светский меч, — поучал Лютер, — полезен и необходим всем людям для охраны мира, для кары за преступления и защиты от злых. Поэтому-то христианин и платит подати, почитает начальство, служит и помогает ему, делает все, что идет на пользу светской власти, дабы ее не забывали, чтили и боялись».

«Цени меч и светскую власть не менее супружества, земледелия, ремесла и прочих установлений бога. Если господу можно угодить в супружестве, земледельстве, ремесле, так можно угодить ему и в применении власти».

Строгость красит князя. Ему следует брать пример с хорошего возницы, который не дает лошадям воли, а крепко держит кнут в руках и никогда не дремлет. Народ обязан подчиняться властям, даже если они поступают несправедливо. «Начальству не должно противиться силой, а лишь сознанием правоты своей, и если оно обратит на это внимание свое — хорошо, а если нет, то ты невинен и терпишь напраслину ради господ».

Лютер поругивал князей, особенно за их вмешательство в духовные дела. Но, будучи невысокого мнения о народе, считал, что ему вполне подходят существующие правители: «Мир слишком испорчен. Он недостоин иметь много умных, благочестивых князей — на лягушек нужны аисты».

Постыдная книга! Геракл Германии стал угодливым прислужником князей! Жалкая роль!

Вот окружают Мюнцера люди и спрашивают: «Брат, ты говоришь, что наш долг сопротивляться злодеям господам? А ведь Лютер, славный своей мудростью, учит обратному. Так неужели твои слова сходятся с Евангелием?»

Что ему отвечать? Он побьет книжников их собственным оружием. Он берет ту же самую 13-ю главу «Послания к римлянам», которую Лютер положил в основу проповедей о повиновении властям: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены». Но эту главу Мюнцер толкует по-сво-

ему. Он делает упор на слова «начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых». Какой отсюда следует вывод? Единственный — слушаться властей должно лишь в том случае, если они рьяно выполняют свои обязанности по защите праведных и наказанию злых. Но власти пренебрегают своим долгом, значит — высшее право народа отобрать у них вверенный им меч и употребить его на погибель нечестивых!

Ссылками на Евангелие Лютер обосновывал необходимость покорности. А Мюнцер теми же текстами доказывал право народа на насильственный переворот, на восстание.

Вскоре по приезде в Альштедт Мюнцер переложил латинские псалмы на немецкий язык, сочинил несколько духовных песен, подобрал музыку. Он раздавал всем причастие под обоими видами — между духовным лицом и простым человеком нет никакого различия!

Богослужение Мюнцер тоже подчинил своим целям. К букве библии он не испытывал никакого почтения: на свой лад толковал он любые тексты, перекраивал речения пророков, вкладывал в их уста фразы, которых не было в писании. Он не связывал себя ритуалом, часто отступал от порядка службы, им же установленного. Полагалось читать один отрывок из библии, а он начинал говорить о другом. Весь он — вдохновение, порыв, страсть, но страсть, подчиненная воле. Жить по Евангелию — не значит уповать на загробное блаженство, здесь надо сделать всех равными и свободными. Этому мешают тираны — так пусть же их трупы рвут стервятники и терзают дикие звери.

Он отбрасывал главу, которую должен был читать во время вечера, и запевал по-немецки псалом, где мало осталось от подлинника. Все, кто был в церкви, подхватывали его слова, и многоголосый хор гремел: «Безбожных правителей господь повелел перебить!»

Широко разнеслась молва о брате Томасе. Послушать его стекались люди с разных сторон. Церковь всегда была переполнена. Пешком или на подводах добирались сюда не только крестьяне из соседних деревень, но и жители отдаленных сел и городов. Каждое воскресенье пришлых становилось все больше. Особенно радовало Томаса, что среди его слушателей было много милых его сердцу рудокопов. Эрнст, мансфельдский граф, с самого начала очень косо смотрел на то, что подвластные ему люди зачастили в Альштедт. Но горнорабочие по-прежнему приходили слушать Мюнцера. Он нашел среди них много верных друзей и единомышленников.

После проповеди они устраивали сходки на мельнице, где работал Петер Вармут, или в мастерской кожевника Бартеля Крумпа, среди дубильных чанов. Борьба будет долгой и жестокой. Бесконечная глупость надеяться, что бог мгновенно придет людям на помощь. Мюнцер требовал самоотречения и готовности на любые жертвы. Он предупреждал: впереди большие испытания. Скоро разразятся такие страшные бури, что человек потеряет охоту и жить. Бушующее море поглотит многих, кто думает, что уже достиг победы. Но не бежать надо от волны — в нее надо врезаться смело и ловко, как это делают опытные мореходы. Тот, кто не желает переносить страданий, сопряженных с борьбой, ничего не добьется.

Он учил самоотверженности и мужеству. В этом он видел залог победы.

Странное письмо! Миролюбивое по тону, оно насквозь пронизано притворством. Лютер не думает, что Томас вернется в стан виттенбергских книжников, но находит их встречу полезной. Мартин ставит ему в вину беспорядки в Цвиккау, распрю с Эграном, опасную склонность к мятежу. Пора уже по-настоящему разобрать взгляды, которых он держится.

Чувствуя подвох, Мюнцер не дает себя провести. Он отвечает уважительно и любезно, не жалеет ком-

плиментов, охотно рассуждает об откровении божьем, но сути разногласий не затрагивает.

А что касается Эграна, то его очень удивляет, почему Лютер берет под защиту этого зачумленного человека. Ведь Эгран, убоившись преследований, покаялся и вернулся в лоно католической церкви. Он распознал его сразу!

Долго ли будут повторять вздорные рассказы об участии Мюнцера в каких-то беспорядках? Все, кроме слепых главарей, превосходно знают, что во время волнений он находился в бане и ничего не подозревал. Его напрасно считают зачинщиком мятежа. Если бы он не помешал, то в ближайшую ночь все советники были бы перебиты.

Вспоминая свои ожесточенные схватки с Штюбнером и Шторхом, Лютер твердит, что они высказывали мысли Томаса. Незаслуженные упреки! Он, Мюнцер, и ведать не ведает, что они говорили или делали.

Простодушный Мартин становится в смиренную позу: порешим, мол, все наши споры, как и подобает ученым, в узком кругу сведущих людей. О, у тебя нет задних мыслей, ты стремишься только к правде, девственная вавилонская блудница!

Как все это ловко придумано: отступника приглашают в Виттенберг, там, за закрытыми дверьми, в закутке, устраивают разбор его учения и быстренько осуждают. А потом кричат на всю страну: остерегайтесь Мюнцера, не давайте ему проповедовать, ибо учение его, как доказал знаменитый университет, от самого сатаны!

Но этому не бывать! Покорных Лютеру книжников он не признает за судей. Отче Пролаза старается зря. На Мюнцера надо ставить капканы похитрей!

Доверху нагруженные хмелем фуры приезжали из Мюльхаузена. Томас не упускал случая расспросить возчиков о новостях.

Мюльхаузен, один из крупных городов Германии. Он в два раза больше Лейпцига или Дрездена. Но

расцвет его уже позади. Раньше Мюльхаузен, торгуя хлебом, был тесно связан с рынками Англии. Теперь его оттеснили конкуренты. Доходы упали.

Вокруг лежали тучные угодья. Купцы владели обширными виноградниками и большими стадами, а какой-нибудь прядильщик или ткач в свободную минуту трудился на своем клочке в поте лица ради нескольких мер зерна. Мюльхаузен славился огромным числом неимущих. Жители предместий были лишены всех прав горожан и терпели безысходную нужду. Подмастерья льноткацкого цеха, самого многочисленного цеха в городе, перебивались с хлеба на воду.

Патрициат правил жестоко и самовластно. В ратуше всегда заседали представители одних и тех же семейств. Какой толк, что статуты запрещали выбирать в магистрат людей, состоящих в близком родстве? Повелевали деньги. В статутах десятки красивых фраз о недопустимости злоупотреблений, обмана, взяток. Пустые слова! Озорники острят, что отцы города так же держатся этих запретов, «как собаки блюдут пост».

Предместья не имели в ратуше почти никакого веса. Пользуясь безраздельным господством, толстокумы вводили новые налоги и всячески притесняли бедняков. В вольном имперском городе вольными были только члены магистрата. Низы все сильнее сопротивлялись произволу. Подмастерья, особенно ткачи, были зачинщиками всех беспорядков. За их борьбой с патрициатом Мюнцер следил пристально и зорко.

В рассказах о Мюльхаузене часто повторялось имя Генриха Пфейфера. Он был из местных. В городе жила его мать, державшая маленькую лавку, и куча родственников. Юношей Генрих ушел в монастырь и снискал там дурную славу: он был слишком упрям, своеволен, горяч. Жизнь в обители пришлась ему не по нраву, и он бежал. Он служил ключником и поваром у одного рыцаря, но все силы отдавал борьбе с папистами. Чудом ему удалось избежать ареста. Его появление в родном городе было необычным.

Это случилось во время праздника. Подле церкви на огромном камне стоял торговец с бочонками и кружкой. Он бойко расхваливал свой товар и предлагал желающим отведать вина и пива. Какой-то человек в мирской одежде велел ему слезть:

— Слушайте, добрые люди, я возвещу вам о другом пиве!

Пфейфер обрушился на духовенство: все они, от римского папы до последнего монаха, живут за счет пота и крови бедняков.

Ну и речи! Но ведь все, что он говорит, — сущая правда. Люди плотным кольцом окружили Пфейфера. Здорово же он отделяет монахов!

Конечно, попы не любят местечек, где нечем поживиться. Зато в таких городах, как Мюльхаузен, ими хоть пруд пруди. Три монастыря, пятнадцать церквей и часовен — не слишком ли это много для одного города? Духовные лица не платят никаких налогов и смотрят на Мюльхаузен как на источник обогащения. Они стараются увеличить свои привилегии и доходы. Сколько грязных проделок было с индульгенциями! А чем добрым похвастаются здешние клирики? Строили новую колокольню. Священник ходил с чашей и собирал деньги. Он сколотил кругленькую сумму — и был таков! Другой поп нашел церковным деньгам подходящее применение: с их помощью он склонял женщин на любодейство. Однажды его застали с чужой женой и хорошенько вздули. Но и это не помогло. А недавно поймали францисканца, который ночью забрался в дом. Вот вам и пастыри! Один похищает вашу честь, другой — имущество.

Когда магистрат захотел выслать Пфейфера, у него было уже столько сторонников, что попытка потерпела провал. Пфейфера не дали в обиду. Теперь вокруг него собрались все недовольные засильем церкви и правлением богачей.

Жители предместий упорно добивались права участвовать в решении городских дел. Восемь выбранных — их так и называли «ахтманами» — потребовали именем общины покончить с произволом, уменьшить подати и одновременно обложить налогом дворян

и духовных лиц. Магистрат под разными предложениями тянул с ответом.

Тогда по условному сигналу, схватив оружие, подмастерья осадили ратушу. Застигнутые врасплох советники согласились на перемены, пообещали признать ахтманов и допустить их на заседания.

В предместьях торжествовали победу и всюду потешались над клириками. На дверях церквей и на рынке появились листки, высмеивающие духовенство. Любой скот при желании может не хуже попа порорать с амвона. Священнику, который держал нескольких ослов, объявили с издевкой: пусть-ка он прикажет своим ослам читать проповедь, если не хочет, чтоб ему под крышу пустили «красного петуха»!

Дома многих духовных лиц были разгромлены. Наказать виновных магистрат не мог. Он только просил вернуть растраченное добро прежним владельцам.

Возчики доставляли из Мюльхаузена не только хмель, но и добрые вести. Томас от души радовался успехам Пфейфера и ахтманов.

Мансфельдский граф Эрнст все лето препятствовал своим подданным посещать проповеди Мюнцера. Теперь он наотрез запретил им ходить в Альштедт. Он не допустит, чтоб его собственные люди впали в ересь.

Не много ли на себя берет этот живодер? Граф называет его еретиком? Томас срамил Эрнста перед всем народом. Пусть-ка он явится сюда и докажет, в чем его ересь. А если не сделает этого, то он последний плут и язычник. Ему не мешает быть поумней и сидеть себе тихонько в своем Хельдрунгене.

Несколько дней спустя Мюнцер предстал перед магистратом. Его уже неоднократно просили, говоря о господах, подбирать выражения помягче.

Что, собственно, так беспокоит достопочтенных советников? Мюнцер обвел взглядом присутствующих. Или они лучше знают, как проповедовать истинное слово божье?

Цейс развернул бумагу и прочел вслух грозное письмо Эрнста. Граф возмущался, что альштедтские

проповедники при попустительстве властей ругают его бранными словами. Если это не прекратится, то он примет меры, чтобы оградить свою честь и наказать обидчиков.

Советники растерянно смотрели на шоссера. Цейс тоже был в затруднении. Зря отцы города задумчиво поглаживают бороды и чешут затылки. Да, он, Мюнцер, выступал против Эрнста. Можно ли иначе назвать мансфельдского графа как живодером, если он устраивает гонения праведных людей и хочет, чтобы его боялись больше, чем самого бога? Не Мюнцера, а Эрнста надо считать еретиком! Ни шоссеру, ни магистрату не следует ввязываться в ссору. Они так и могут отписать Эрнсту — это, мол, не их дело.

Пожалуй, выход не плох — умыть руки и отойти в сторону. Цейс и советники ответили графу, что они не вправе принимать решений, касающихся духовных вопросов.

Одновременно в Хельдрунген было послано и письмо Мюнцера. «Если вы, свидетель тому бог, будете упорствовать в вашем неистовстве и настаивать на неразумном запрете, то я всегда, пока бьется мое сердце, буду вас поносить как злодея и тупицу. Я буду хулить вас не только перед всем христианским миром, но и перед турками, язычниками и евреями. Мои книги, направленные против вас, я дам перевести на различные языки... Вы должны знать, что в великом и правом деле я не боюсь и всего света!»

Он пригрозил Эрнсту, что может поступить с ним в сто тысяч раз суровей, чем Лютер с папой. Сидите себе спокойно — не то старый кафтан лопнет по всем швам! Подпись была выразительной: «Томас Мюнцер, искоренитель безбожных».

В Альштедт с несколькими товарищами приехал Пфейфер. То, что он рассказал, заставило Томаса помрачнеть. События в Мюльхаузене обернулись совсем не так, как он предполагал. Именитые бюргеры сумели разобщить тех, кто выступал против старого магистрата. Средним слоям они внушили страх: смот-

А. Дюрер. Фридрих Саксонский.

1526
VIVENTIS·POTVIT·DVRERIVS·ORA·PHILIPPI
MENTEM·NON·POTVIT·PINGERE·DOCTA
MANVS

AD

А. Дювер. Филипп Меланхтон.

рите, сегодня чернь грабит дома священников; завтра, если вовремя ее не взнудать, она наложит лапу и на ваше имущество. Они сыграли и на императорском эдикте об изгнании проповедников, сеющих смуту. Если не выполнить приказа императора, то на чью помощь надеяться, когда крикуны из предместий бросятся в очередные крайности?

Магистрату удалось выслать Пфейфера.

Уныния Томас не терпел. Каждая неудача должна укреплять решимость бороться еще настойчивей, еще беспощадней. Пфейфер видит, какое зло творят паписты в Немецкой земле, он видит лихоимство магнатов, но различает ли он новую опасность, опасность со стороны лютеровых книжников, которые всеми способами селятся удерживать народ в повиновении властям?

Ему навязывают диспут в закутке? А ведь он не из тех, кто легко отрекается от своих взглядов. На него яростно нападают и паписты и сторонники Лютера. У них много общего: они хотят во что бы то ни стало помешать простому человеку самому судить о вере. Народ мечтает избавиться от попов, а тут откуда ни возьмись протискиваются вперед хитроумные книжники со своей пергаментной библией. Они не в силах окончательно порвать с догматами папистов. Старую постройку, чуть подбеленную известью, выдают они за новый дом.

Человек полон сомнений. Он не знает, что делать. Его мучает совесть, терзает безверие. Он страдает от болезней, бедности, несчастий. Он обращается за советом к ученым мужам. Книжники — они ценят свои слова на вес золота — отвечают: «Верь! А не хочешь верить, так проваливай к черту!» Тогда говорит бедный человек: «О ученейший доктор, я бы охотно верил, но безверие подавляет меня целиком». Книжник ему в ответ: «Ах, любезный, ты не должен беспокоиться о высоких предметах. Просто верь и гони прочь подобные мысли. Все это сплошь фантазии. Иди к людям и радуйся. Так ты забудешь обо всех горестях!»

Старые, набившие оскомину утешения! Верь в бога, не размышляя. И не твое дело — думать. На это есть ученые мужи из университетов!

Он писал работу, которая называлась «Протестация, или Вызов Томаса Мюнцера». Свое понимание веры он будет отстаивать перед лицом любых противников, но он никогда не согласится, чтобы в закутке, без свидетелей, два или три книжника втихомолку осудили его взгляды. Он вызывал врагов на открытый диспут. Народ будет судьей. Он, Мюнцер, готов защищать свое учение перед всем светом!

На острове посреди Цюрихского озера нашел прибежище Ульрих фон Гуттен. К страданиям от тяжелого недуга прибавилась и горечь поражения.

Было время, он думал, что молодой император возглавит борьбу против Рима, но после Вормсского рейхстага Гуттен понял всю тщету этих надежд. Значит, рыцари должны на собственный страх и риск начать войну с папистами, им помогут города! Много сил и времени потратил Гуттен, чтобы вдохновить своими идеями могущественного Франца фон Зиккингена. В беседах о призвании немецкого рыцарства проходили долгие зимние вечера. Франц, человек крутой и воинственный, был очень честолюбив. Волевым лицом с тяжелой челюстью, огромные руки. Силу он считал единственным аргументом в спорах. Он был воплощением кулачного права. Угрожая городам осадой, он заставлял их платить ему выкуп. Гуттен умело разжигал его ненависть к духовным владыкам и всеильным князьям. Император назначил Зиккингена своим полководцем, но поход во Францию был неудачен, и Карл не скрывал досады. А Франц злился на императора за то, что он оставил его без обещанных денег.

Зиккинген создал союз швабских, рейнских и франконских дворян. В обновленной Германии, Германии без князей и без католических попов, рыцари станут играть главную роль! В сентябре 1522 года Зиккинген обратил оружие против своего давнего

врага, архиепископа трирского. Пятикратные попытки взять приступом Трир успехом не увенчались. Горожане и крестьяне, видевшие в рыцарях своих извечных врагов, не поддержали Зиккингена. И он вынужден был снять осаду.

Ожидая ответного нападения князей, Франц посоветовал больному Гуттену поискать себе более надежное убежище.

В мае при осаде своего замка был смертельно ранен Зиккинген. Рыцарский мятеж был подавлен.

На рыцарей возлагал Ульрих свои надежды. Он был уверен, что будущее за ними. Гуттен глубоко заблуждался — им принадлежало только прошлое.

Начиналась осень. В маленьком домике среди залитых солнцем лугов тяжело умирал одинокий Гуттен.

Дерзкое послание Мюнцера вывело графа из себя. Он тут же пожаловался курфюрсту. Фридрих недоумевал. Откуда взялся этот Мюнцер? Ведь как-никак его, курфюрста, обязаны были поставить в известность о новом проповеднике. Фридрих выразил городским властям свое недовольство. Он еще разберется в этом деле.

В ратуше Томаса крепко попрекали. Вот теперь приходится расхлебывать заваренную им кашу. Курфюрст намерен учинить расследование. Мюнцер должен дать клятву, что по первому вызову явится на допрос. Куда угодно! Томас принес присягу. Он немедленно напишет курфюрсту.

Излагая обстоятельства ссоры, он не оправдывался, а нападал. Именно такие люди, как Эрнст Мансфельдский, ожесточают народ, когда пытаются своими приказами мешать распространению правды.

Письмо к курфюрсту было вполне благопристойным. Мюнцер высказывал надежду, что Фридрих будет к нему справедлив. Но почтительные обращения не меняли сути. Мюнцер смело изложил курфюрсту свои, столь отличные от лютеровых, взгляды на власть. Он толковал все ту же 13-ю главу «Послания

к римлянам». Князья обязаны защищать своих подданных от притеснений, а если они этого не делают, то — Мюнцер так прямо и написал — «меч будет у них отнят и передан разгневанному народу».

Ревниво и подозрительно присматривался Лютер к тому, что творилось в Альштедте. Еще бы! Он сам много распространялся о необходимости сделать богослужение понятным народу. Говорить-то он говорил, а все время оглядывался на курфюрста и одергивал нетерпеливых. Перемены в службах следует предпринимать лишь с полного одобрения властей.

К сообщению, что в ряде городов обычные латинские мессы заменили богослужением на немецком языке, доктор Мартин вначале отнесся спокойно. Но как только ему стало известно, что именно Мюнцер составил эти службы, он тут же опять высказался против новшеств.

Свое сочинение «Немецкая церковная служба» Мюнцер хотел опубликовать в Виттенберге, но потерпел неудачу. Типографы, которых он давно знал, отказались его печатать. Долгое время он был в неведении, чем это объяснить. На помощь Лютера он не надеялся, но думал, что тот по крайней мере не станет чинить препятствий. Но все оказалось иначе. Лютер не пожалел сил, чтобы добиться запрещения печатать эту работу. И все исподтишка.

Ну что же, любезный Мартин, смотри не обожгись!

Типограф нашелся в самом Альштедте. «Немецкая церковная служба» вскоре вышла в свет. Отвечая на ожесточенные нападки, которым ее подвергали, Мюнцер выпустил «Немецкую евангелическую мессу» и готовил «Устав немецкого богослужения».

Что спорить об обрядах, когда его с Лютером разделяют непримиримые противоречия? Вера как разумная деятельность, направленная на переустройство мира, на достижение общей пользы, или вера как милость божья, которую приобретают «готовой»? Кто обладает настоящей верой — простой темный человек, испытавший все тяготы жизни, или ученый

муж, знающий назубок библию? Этому Мюнцер посвятил свое сочинение «О вымышленной вере».

Книжники ссылаются на священное писание, а сами, как воры, тащат из него отдельные куски. Истинной веры достичь нелегко, ее нельзя получить, читая книги или слушая попов. Как поле, не тронутое лемехом плуга, не может принести обильного урожая, так и человек не может считать себя христианином, если крест страданий прежде не сделал его способным воспринять слово божье.

Для книжников мертвая буква библии превышает всего. Другие люди мучаются, а они знай себе живут в собственное удовольствие и кичатся крепостью своей веры, которую они не выстрадали, а украли. Они проповедуют «сладкого» Христа и чураются «горького». Но так недолго и сдохнуть, обожравшись медом!

Больше всего, предупреждал Мюнцер, следует беречься книжников: они толкают на ложный путь. Они выдают себя за учителей, а пробавляются краденой, вымышленной верой. Человек сам способен различать дьявольское и божье. Если кто и может его наставлять, так только бог. Чтобы постичь правду, не надо никаких посредников: ни прежних попов, ни новоявленных книжников!

Томас радовался. Теперь он выступает не перед сотнями слушателей — типографский станок позволит ему заговорить на всю Германию!

Княжеский приказ застал его врасплох. Альштедтского печатника повелевалось немедленно выслать. Лютер был верен себе. Он любил бить врага после того, как его свяжут по рукам и ногам. Доктор Мартин, великий полемист, предпочитал опровергать противников, когда власти запретят им издавать их произведения.

Типография в Альштедте была закрыта.

„ОБАГРИМ РУКИ КРОВЬЮ ТИРАНОВ!“

Бес, орудующий в Альштедте, обязан предстать перед учеными судьями! Лютер спал и видел, как в узком кругу единомышленников добивается своего: учение Мюнцера объявляют бунтарским, дьявольским, ложным.

Да и вообще нельзя допускать, чтобы люди, подобные Мюнцеру, наставляли в вере народ. Это приведет только к смятению умов, распрям и мятежам. Перед священными текстами Мюнцер не испытывает ни трепета, ни благоговения. Он хвалится, что может сам, если надо, написать целую библию.

А как кощунственно обращается Мюнцер с писанием, жаловался доктор Лютер Спалатину, он, толкуя, придает ему обратный смысл. Дикие речи — словно произносит их пьяный или безумец!

Отказ Томаса приехать в Виттенберг на «диспут в закутке» разозлил Лютера. Если он не хочет явиться добровольно, то власти должны его заставить!

Не сам диспут с Альшtedтским бесом интересовал Лютера, а осуждение его взглядов. И это надо сделать как можно быстрее. Он писал письмо за письмом, уговаривал, предупреждал. Он обращался к своим высокопоставленным друзьям и заступникам, просил курпринца, наседали на Спалатина, побуждал Цейса — заставьте Мюнцера отправиться в Виттенберг и держать ответ за свое учение! Лжепророк должен быть разоблачен и повержен!

Сначала в Альштеде их было немного: около тридцати человек. Они хорошо поняли Мюнцера. Все должно стать общим! Тираны добровольно не поступятся и толикой своих привилегий. Они будут яростно защищать награбленные сокровища и собственную власть. Не зря они кормят отряды наемников и держат при себе пушкарей.

В один из весенних дней они собрались в старом городском рву, из которого только недавно ушла последняя вода. Они клялись, что не пожалеют жизни ради торжества Евангелия и истребления безбожных кровопийц. Они покончат со всеми поборами и подаями, разрушат монастыри, разгонят монахов.

Среди первых, кто принес клятву, были Бартель Крумп, Петер Вармут и стекольщик Бальтазар Штубенер. Ганс Рейхард переписал всех присягнувших. Списки взял на хранение Крумп.

Вскоре к ним присоединились люди и из других мест — мансфельдский рудокop Петер Бэр, Тиль Банзе, проповедник из Зангерхаузена и мюльхаузенцы Ганс Куле и Ганс Роде, скорняк. Они разошлись по домам и принялись за работу — «Союз избранных» будет повсюду! О своих успехах и затруднениях они

сообщали Мюнцеру. Его ответные послания были проникнуты воинственным духом. Время жатвы уже на пороге! Острие серпы и точите косы!

Замки и монастыри — оплот угнетения, церкви — притоны ложной веры. До тех пор, пока они существуют, народу не добиться освобождения. Не словом божьим — руками людей будет произведен переворот. Не бойтесь, братья, не бойтесь пускать в ход кулаки! Гнезда стервятников будут разорены!

«Союз избранных» рос и ширился. Скоро ли он даст о себе знать? Или жители захолустного городка способны только шуметь после проповедей и воинственно шептаться за закрытыми ставнями, когда на улице нет стражи?

В деревушке Маллербах, недалеко от ворот Альштедта, находилась часовня с чудотворной иконой. Монахини Наундорфа, которым она принадлежала, сделали из людской набожности выгодный промысел. Они без устали твердили, что образ богородицы исцеляет все недуги, избавляет от страданий и уберегает от бед. По старому обычаю, каждый, кому была ниспослана благодать, должен был, помимо щедрых даров, принести изображение, свидетельствующее о чуде. Если заступница богоматерь спасла дом от пожара, то рядом с алтарем ставился маленький домик из воска. Если в годину мора ваши молитвы были услышаны и скотина не сдохла, вы обязаны были принести фигурки коров. Часовня была набита восковыми ногами, скрюченными в судорогах, страшными масками с незаживающими язвами. В деревушку тянулись вереницы паломников.

Монастырь не довольствовался доходами с часовни, а еще брал с города подать. Вопиющее бесстыдство! До каких же пор послушные альштедтцы будут мириться с тем, что на их деньги, добываемые тяжким трудом, монахини, заплывшие жиром, дуют вино и пиво?

В своих проповедях Мюнцер несколько раз говорил о часовне. Веру в чудотворную икону он клеймил

как постыдное идолопоклонство. На невежестве и суевериях оборотистые монашки греют себе руки. Долго ли еще горожане намерены сносить этот позор?

Вот оно, капище дьявола, где под видом девы Марии молятся сатане! К горожанам, явившимся в Маллербах, присоединились крестьяне. Кто-то робко спросил: «Не покарает ли бог за кощунство?» Покарает? Весь честной народ увидит, что разрушители идолов останутся целыми и невредимыми. Ни столбняк на них не найдет, ни гром не разразит.

Старик скитник, охая и причитая, путался под ногами. Мюнцер прогнал его прочь. Громите сатанинскую обитель! Все полетело наземь: ризы, церковная утварь, фигурки из раскрашенного воска, лампы и покровы. Чудотворную икону разбили вдребезги. Под дружными ударами топоров рухнул алтарь. Часовню подожгли в нескольких местах. Буйно и весело затрещал огонь.

Ну, простаки, где кара господня? Десятилетиями вас дурачили, словно круглых болванов. Рухлядь, которой вы поклонялись, сгорела как солома. Что ж богородица не вступилась за святое дело? Насмешники отпускали крепкие словца. Даже мужики, известные своей набожностью, раздумчиво почесывали затылки. Похоже, что и впрямь монашки водили их за нос.

Возбужденные и решительные возвращались в Альштедт Мюнцер и его единомышленники. «Союз избранных» создан не для того, чтобы бездействовать. Маллербах — лишь начало.

Шоссер разорялся вовсю. Понимает ли Мюнцер, что он натворил? Кощунство, святотатство, мятеж! Как теперь оправдаться перед князьями? Цейса потянут к ответу: что смотрел он, когда злодеи палили часовню? Чем объяснить такое потворство еретикам? Страхом? А как он раньше проглядел, что в городе зреет бунт? Разве он знал, что магистр Томас, кото-

рый так любит говорить об истинной вере, способен подстрекать людей на поджоги?

Он дал Цейсу высказаться. Зря только уважаемый шоссер говорит о мятеже и кощунстве. В этом никто из альштедтцев не повинен. Разрушение идолов угодно богу. Не в нем, Мюнцере, причина возмущения, а в монахинях с их поборами и домогательствами. Его удивляют речи шоссера. Неужели после всех наставлений он так слаб в вере, что не отличает правых от виновных, мятеж от законного восстания, воли божьей от святотатства?

На лице шоссера появилось выражение беспомощности. Он, конечно, согласен, что любой притон дьявола должен быть уничтожен. Но поверит ли курфюрст, обожающий реликвии и святыни, что в Маллербахх поклонялись именно сатане? Выходит, что его собственный шоссер заодно с поджигателями.

Он, Мюнцер, думает, что шоссер поступит мудро, если возьмет под защиту праведных людей, поднявших руку на капище сатаны. Уничтожение идолопоклонства — долг каждого христианина. Томас засыпал Цейса библейскими текстами. Даже Моисей и тот разбивал алтари язычников.

Сокрушенно вздыхал шоссер. Душа его была полна сомнений.

Несмотря на высылку Пфейфера, магистрат Мюльхаузуна так и не смог вернуть себе прежнего влияния. Ему пришлось пойти на уступки жителям предместий. Число советников было уменьшено, выборные от общины получили доступ в казну и налоговую палату, ахтманы стали заседать в ратуше. Для них поставили отдельную скамью напротив кресла бургомистра.

Издавна повелось, что магистраты требовали не только особого к себе почтения, но и частых подарков. На великий пост город оделял духовенство и советников свежей рыбкой. Полагалось раздать триста двадцать три фунта карпов. Советники делили между собой дроздов, пойманных в округе, и доходы

от принадлежащих городу утиных садков. Не прочь были они поживиться и дичью: куропатками и зайцами, ловить которых обязаны были мужики. А в воскресенье после андреева дня каждому члену магистрата вручалась кругленькая сумма «пропойных денег».

Теперь все это кончилось. Ахтманы зорко следили, чтобы казенные денежки не оседали в карманах советников. Предместья почувствовали свою силу. Обстановка благоприятствовала возвращению Пфейфера. За три с лишним месяца, которые он отсутствовал, в его взглядах произошла разительная перемена. От увлечения Лютером не осталось и следа. Мюнцер, вот кто прав! Монастыри и замки надо разрушить, алтари сломать, попов и книжников гнать в три шеи! Всю зиму Пфейфер проповедовал необходимость силой избавляться от духовенства. На улицах ненавистным попам не давали проходу.

В тот самый день, когда была сожжена маллербахская часовня, в деревню Аммара пришли мюльхаузенцы. Вместе с крестьянами они заявили в церковь. Они привели с собой проповедника, беглого монаха, и хотели его послушать. Им надоели поповские бредни, и пусть с амвона говорит человек, разумеющий истину! Приходский священник стал протестовать. Тогда один из мужиков вырвал у него распятие и так его избил, что тот едва унес ноги. Негодующая толпа вломилась к нему в дом и разнесла все в пух и прах.

Маллербах и Аммара — не случайное совпадение. В Аммаре тоже действовали близкие Мюнцеру люди.

Великие преобразования, в которых нуждается мир, требуют, чтобы была изменена даже сама природа людей. Человеку следует отрешиться от всего личного, чтобы постоянно думать об общем благе.

На пасху у Оттилии родился сын. Жена шоссера, бывшая при родах, вбежала к Мюнцеру со счастливой вестью:

— Господин магистр, возблагодарите бога: он послал вам первенца!

Томас не выдал ни своего волнения, ни охватившей его радости, словно был глух и нем. Женщина, пораженная его молчанием, ушла. Непроницаемым было лицо Мюнцера. Надо умерщвлять все, что делает человека рабом его личных привязанностей. Целое неизмеримо важнее частного.

Сожжение маллербахской часовни вызвало настоящую бурю. Аббатиса подала курфюрсту жалобу. Обычно уравновешенный Фридрих вышел из себя. Наглые поджигатели уничтожили знаменитую святыню!

Он потребовал объяснений. Власти боялись и собственных сограждан и князей. На что решиться? Конечно, в городе для многих не составляло тайны, кто участвовал в набеге на Маллербах. Что же выходит? Магистрат и шоссер знают зачинщиков и оставляют их на свободе? Нет, нет, зачинщики им неизвестны. Один бог ведает, отчего сгорела часовня.

Послание курфюрсту составляли сообща. Тон задавал Мюнцер. Не обороняться — нападать! В беспорядках виноваты сами монахини. Если бы не их вызывающее поведение, то все было бы спокойно. А теперь они еще донимают курфюрста своими лицемерными жалобами.

«Мы должны ежедневно выслушивать от наших врагов, ненавидящих нас за верность Евангелию, что они хотят нас похватать, разорить, увести в полон, сжечь. Если каждый раз, как нам угрожают, мы бы обращались с жалобами, то ваша милость не имели бы покоя ни днем, ни ночью».

Ответ Фридриху не отличался особым смирением. Никто без причины не станет задевать монахинь и священников. Знали бы они только свое место. Однако им не терпится повсюду строить козни. Проповедь Евангелия они называют ересью. А этого праведные люди больше не могут сносить.

Хороши праведники, которые расшибают в куски

иконы! Курфюрст велел своему брату герцогу Иоганну вызвать в Веймар шоссера, шультейса и нескольких членов магистрата.

При дворе они оправдывались изо всех сил, твердили, что не знают преступников, учинивших кощунственное злодейство. Но герцог не принял никаких отговорок и строго-настрого приказал в две недели найти виновных и предать их суду.

Когда шоссер и его спутники возвратились в Альштедт, Томас при огромном стечении народа напустился на Фридриха. Тот желает во что бы то ни стало покарать смелых и честных людей. Не стесняясь в выражениях, Мюнцер дал курфюрсту основательную взбучку.

Город волновался. Повсюду собирались люди. Князья берут под защиту монастыри! Ворон ворону глаз не выклюет! Выдать зачинщиков? Как бы не так! Прав брат Томас, когда говорит, что всех тиранов надо свергнуть!

Один из последователей Мюнцера призывал избрать новую власть: «Вы, любезный народ, видите сами, что делают наши господа. Именно они с самого начала основывали монастыри и церкви, эти, точнее выражаясь, публичные дома и притоны разбойников. Именно они до сих пор сохраняют их и извлекают из этого пользу. Вы глупцы, раз признаете таких людей за господ. Выберите себе сами правителя и отвергните саксонских князей. Они лишь дерут с вас три шкуры. Но вы столь слепы, что считаете их за господ. Откажитесь от них, а если будете им писать, то пишите не «божьей милостью герцоги Саксонии», а «божьей немилостью герцоги Саксонии и не господа наши».

Попробуйте-ка связать поджигателей, когда кругом такие речи! Быстро пролетела неделя, а приказ оставался невыполненным. Шоссер, шультейс и магистрат обратились к Иоганну с просьбой продлить срок, назначенный для розыска злодеев. Действовать приходится очень осторожно: «Мы боимся схватить невинного вместо виновного. Из-за этого в нашей общине возникло бы великое возмущение!»

Истекла вторая неделя, подходила к концу и третья, а виновных так и не задержали. Шоссер чувствовал себя между молотом и наковальней. Герцог настаивал на исполнении приказа. Цейс не хотел впасть в опалу и умолял, чтобы Иоганн, помня о его прежних заслугах, простил бы ему проволочки. Не нерадивость тому причиной. Ведь за последние тридцать лет мало кто из должностных лиц умер в Альштедте собственной смертью. Они были застрелены или заколоты. Пусть милостивый государь примет во внимание страшнейшую опасность и подумает о судьбе своего верного слуги.

Но герцог был неумолим. Цейс не знал, что делать. Если он будет и дальше медлить, то его сочтут соумышленником злодеев. Наконец 4 июня он решился и велел страже схватить Килиакса Кнауца, одного из тех, о ком было известно, что он участвовал в сожжении часовни. Кнауца привели в замок и заперли в темницу.

Мюнцер бросился к Цейсу. Тот оправдывался: он бы никогда не посадил Кнауца, если бы не жесткий приказ. Почему никто не хочет войти в его, шоссера, положение? С превеликой радостью отпустит он узника, лишь бы не возражал герцог. Может быть, магистр Томас сумеет убедить Иоганна, что люди, спалившие часовню, вовсе и не злодеи?

Конечно! Послание начиналось с заверений, что альштедтцы не думают об ослушании. Маллербахские события отнюдь этому не противоречат. Часовню действительно уничтожили, но это не преступление, а справедливая борьба против идолопоклонства, к которой призывает и библия.

«Бедные люди по неведению почитали в Маллербахе под видом Марии дьявола и молились ему. И если теперь этот дьявол сокрушен благочестивыми людьми, как мы можем помогать, чтобы по сатанинскому наущению их хватили и сажали в темницу?!»

Альштедтцы не совершили ничего такого, что вредило бы общей пользе. И пусть герцог не думает, что они согласны и впредь поклоняться дьяволу в Маллербахе и приносить в жертву своих братьев.

Они так же хотят это делать, как стать подданными турок.

Письмо было по тону сдержанным, но твердым. Если против альшtedтцев будет применена сила, то весь свет узнает, за что они страдают.

Когда текст был готов, Мюнцер предложил шоссеру и шультейсу его подписать. Они схватились за головы. Так дерзко оправдывать поджигателей и святотатцев?! Они, разумеется, не могут поставить своих фамилий под таким посланием.

Ну, и не надо! Послание герцогу впервые было направлено от имени «магистрата и всей общины».

Винный погребок при ратуше такого не видывал еще никогда! Нет, не пьяные голоса и стук пивных кружек раздавались под его сводами. Народу было полным-полно. Люди стояли на лестнице, в дверях, на площади перед входом. Среди них было много крестьян и горнорабочих.

Столы были сдвинуты в сторону. Только за одним из них расположились несколько человек. Перед Гансом Рейхардом лежали листы бумаги. Рядом с ним сидел предводитель мансфельдских рудокопов Петер Бэр. Мюнцер был тут же.

Друг за другом подходили к столу люди. Рейхард вносил в список их имена. Подняв пальцы, они клялись всеми силами защищать истинное Евангелие. Прежде чем отойти, каждый присягнувший говорил, скольких «братьев» он завербует сам.

Больше пятисот человек были приняты одновременно в «Союз избранных». Списки, как и прежде, взял хранить Бартель Крумп. Выбранные военачальники вместе с Мюнцером держали совет.

Власти осмелились бросить Килиакса в темницу. Они замышляют и на других наложить цепи. Выход, повторял Мюнцер, один — «Союз избранных» должен охватить рабочий люд всей округи. Народ, разделенный на отряды, по первому же сигналу выступит в латах и с копьями. Князья или подчинятся справедливому порядку, или будут уничтожены!

В Альштедте почти вся община принесла присягу, а магистрат еще колеблется. Петер Вармут, один из ближайших друзей Мюнцера, настойчиво требовал, чтобы все, кто не примкнул к союзу, тотчас же убрался из города.

Угрозы мастеровых, сыпавшиеся на головы толстосумов, были не пустыми словами. Но еще более зловещей была сплоченность рудокопов, сумрачных, немногословных людей, привыкших сжимать в своих мускулистых руках тяжелые кирки. Несколько членов магистрата поклялись во всем поддерживать «Союз избранных».

Кто не с нами, тот против нас!

Это случилось 13 июня, когда крестьяне разошлись по домам, а горнорабочие вернулись на рудники. Стражник был бледен от волнения. Он хотел говорить непременно с Мюнцером. Он выпалил все залпом: шультейс и шоссер задумали чудовищное предательство! Находясь в замке, он случайно слышал, как Никель Рюккерт, шультейс, излагал шоссеру свой коварный замысел. Он упрекал Цейса в попустительстве злодеям и грозился донести герцогу. В подвал заперли одного Кнаута. А остальные преступники как ни в чем не бывало разгуливают на свободе. Конечно, в открытую непокорных уже не одолеть. Поможет хитрость. Все продумано до мелочей. Рюккерт и Цейс призовут на помощь деревенских парней. Их снабдят оружием. Одновременно члены магистрата будут потребованы в замок. Там шультейс и шоссер прикажут им немедленно схватить всех, кто на примете. Теперь они уже не смогут оправдываться своим бессилием — к их услугам куча дюжих парней, которые кому угодно свернут шею.

Мюнцер бросился к ближайшей церкви — предателям не удастся застигнуть их врасплох! — стремительно влез на колокольню и зазвонил в колокола. Тревожный гул набата всполошил весь город. К оружию! К оружию!..

На улицы высыпали люди. Голос Мюнцера гремел

над толпой. Поднимайтесь все! Женщины и девушки не должны отставать от своих братьев и мужей. Вилы, косы и цепа тоже оружие!

Никель Рюккерт, услышав набат, побежал к замку. У него перед носом захлопнули ворота. Куда он так торопится, любезный шультейс? На кого он покидает своих горожан?

Он пустился наутек. Его поймали на кладбище. Он испуганно пялил глаза. Чего от него хотят? Ему закричали в ответ: пусть он не крутит, а скажет коротко и ясно, будет ли противиться Евангелию, или согласен его защищать? О, если бы им попался еще и шоссер!

Рюккерт был ни жив ни мертв. Перед глазами у него целый лес рогатин и пик. Еще одно должностное лицо умрет в Альштедте насильственной смертью? От страха подкашивались ноги. Он готов был поклясться в чем угодно, лишь бы его отпустили. Уже кто-то потянул его за полу кафтана. Он взмолил о пощаде. Он совсем не враг Евангелия. Ему велели присягнуть. Он поднял пальцы и поклялся.

Внезапное нападение было теперь исключено. Однако кто знает, что замышляют враги? Может быть, Цейс ждет от герцога подкреплений?

Мюнцер тут же вспомнил о мансфельдских рудокопах. Петер Бэр с товарищами, не задумываясь, поспешат на подмогу.

Городок походил на военный лагерь. Женщины составили целый отряд. Их собрала Оттилия. В ушах Томаса все еще гудел набат. Охваченный волнением и жаждой борьбы, он писал мансфельдцам призыв о помощи: «Время пришло, не мешкайте, братья! Мы обогрим наши руки кровью тиранов!»

Вооруженные люди не расходились. Всю ночь на улицах горели костры.

ГЕРЦОГ, КУРФЮРСТ И ЗЛОДЕИ

Н

а рассвете в Альштедт пришли рудокопы. Кувалды и кирки в сильных руках были опасней алебард и мечей. Горняки никому не грозили. Петр Бэр, который их привел, сказал, усмехнувшись:

— Мы просто явились посмотреть, не напал ли кто на магистра Томаса и не причиняют ли альштедтцам вреда за верность Евангелию.

Цейс тут же сообразил, в сколь тяжелое положение он себя поставил. Мужики, собранные в замке, увидя рудокопов, стали осаждать его вопросами. О каких немногих смутьянах говорил он, когда под-

нялась вся округа? Зря шоссер их морочит — они все равно не будут подставлять шею под обушки горняков. Чего ради должны они уготовить своим бабам вдовью долю?

Надежда на крестьян была плоха. Но что, собственно, произошло? Ведь он, шоссер, не давал ни малейшего повода для тревоги. Крестьянам Цейс велел разойтись по домам, а сам послал в магистрат спросить, почему били в набат.

Видно, шоссер готов идти на попятную. Он отказался от мысли похватать всех «маллербахских злодеев», но этого мало — он должен освободить Кнау-та! Шоссеру обещали неприкосновенность и приглашали его в ратушу. Однако если это ему неудобно, то представители общины согласны прийти к нему. Цейс предпочел последнее.

На вопрос о причине тревоги шоссеру отвечали, что враги уже давно грозились напасть на город. А вчера невдалеке от ворот были замечены вооруженные всадники. Опасаясь внезапного налета, альшtedтцы ударили в набат. Похоже, что Цейс не доверяет магистрату, раз держит в тюрьме Килиакса Кнау-та, одного из его членов.

Советники не осмелились говорить с Цейсом начистоту. Это взял на себя Мюнцер. Ему известно, что замышляли шультейс и шоссер. Они хотели набить узниками подземелье. Не бывать этому! Пора перестать смотреть на альшtedтцев, как на смутьянов. Злодеи не они, а те, кто своим произволом вынуждает народ ради самообороны прибегать к силе. Союз, на верность которому они поклялись, преследует цели, согласные с библией, — он создан, чтобы защищать праведных от утеснений злых.

Шоссер должен понять, что гонения и кары только раздуют пожар. Соседи не покинут альшtedтцев в беде. Так неужели князя из-за сожженной часовни рискнут начать войну со своими подданными? На вертеп сатаны обрушилось законное возмездие. И удивительно, что Цейс надумал быть заодно с безбожными живодерами и плутами. Он не видит, к чему это приведет?

Шоссер признался, что вся затея с вызванными в замок мужиками — дело рук шультейса.

Но что делал сам шоссер? Если сейчас собственной властью он не отваживается освободить Кнаута, то должен добиться разрешения на это от герцога. Мюнцер из самых добрых чувств советует Цейсу отправиться в Веймар, убедить Иоганна, как несправедливо и опасно требовать наказания людей, ратующих за правое дело.

Совет был настойчивым, и Цейс вял ему. В Веймаре он Иоганна не застал и, напрасно прождав два дня, решил возвращаться. Превосходная отговорка, чтобы не брать на себя ответственность за освобождение Килиакса.

Но Мюнцер отказался ждать. Цейс не привез ответа? Тем лучше! Значит, он сам освободит пленника. Шоссер опять колеблется? Ему не мешает помнить, что мансфельдцы еще в городе. Сдержанный народ, но и они начинают терять терпение. Или шоссер хочет, чтобы его замок постигла судьба маллербахской часовни?

Цейс сдался. Он приказал отпереть подвал и выпустить узника. В воротах Кнаута встретили радостными возгласами. Брат Томас, как всегда, оказался прав. И вот Килиакс снова среди друзей.

В городе стало тихо. Мансфельдцы ушли домой, вилы и косы, схваченные, когда гудел набат, вернулись в сарай и хлева. Однако Цейс видел, что Мюнцер продолжает свое дело. В Альштедте то появлялись, то исчезали какие-то подозрительные люди: разбитные крестьянские парни, мелочные торговцы, книгоноши, скоморохи, бродячие проповедники. Дню они предпочитали ночь, светлым горницам — закрытые ставни, громким спорам — недолгие беседы с глазу на глаз. Они пробирались по задворкам, избегали встреч с властями и скрывались незаметно, словно призраки.

Три печатника было в Виттенберге, и они едва попевали за Лютером. Его произведения наводняли книжный рынок. Проповеди, поучения, памфлеты —

все было написано остро и талантливо. У него было множество читателей. Томас негодовал. Казалось, Лютера волновало только одно: как лучше и надежней отвлечь от господ, этих «Больших Гансов», нарастающий народный гнев. Верь, верь! — и в загробной жизни тебя ждет блаженство, а здесь, на земле, слушайся властей и помогай им — в этом тоже служение богу! Лютер взял на себя позорную роль защитника угнетателей.

Разве можно с этим мириться? Нет, настала пора разоблачить Лютера и его приспешников. Томас так и назвал свою работу «Разоблачение ложной веры». Он обращался прямо к народу.

Постыдные книги повсюду вносят смятение: одних людей они делают боязливыми и робкими, других возмущают. Простой человек должен быть сам учен, чтобы впредь его не обманывали!

Книжники хотят, чтобы о духе Христовом рассуждали только в университетах. Они желают сохранить за собой исключительное право судить о вере. Но теперь понимает каждый, что они добиваются лишь почестей и доходов. Они делают все, чтобы народ, которому так горько дается хлеб насущный, оставался бы темным. Достаточно, заявляют они, что ученые читают хорошие книги, а крестьянин обязан им только внимать. Книжники кричат, что без них и их краденого писания человек не может иметь веры. Хитрая уловка, чтобы на место прежних попов посадить еще худших мошенников!

«Брат Любитель сладко пожить» обожает мирские утехы и хочет вкусить их в полной мере. Он стремится сохранить и сладкое свое житье и все свои почести и, несмотря на это, иметь настоящую веру. Но нельзя поклоняться и богу и маммоне. А он, этот советчик властителей, пытается служить одновременно двум господам!

Миром правят тираны. Они всячески угнетают, мучают и убивают людей. Но недолго им еще царствовать: насильники будут низвергнуты. А Отче Проза уверяет, что можно исповедовать Евангелие и в то же время почитать даже безумных правителей.

С крайним бесстыдством поучает он, что народ должен позволять тиранам драть с него три шкуры. Видите ли, чтобы исполнить волю божью, надо им, любезным господам, быть во всем покорным.

Чему же тут удивляться, что ученые книжники и слышать не хотят о перевороте. Они твердят: это, мол, дело совершенно невозможное. А всех, кто верит, что с царством проклятых нечестивцев будет скоро покончено, они презрительно называют фантастами, витающими в облаках, а их замыслы — пустой и несбыточной мечтой. Да, крепка их вера, но годится лишь на то, чтобы защищать безбожных!

Чего стоят лицемеры, изображающие из себя охранителей веры? «Они проводят жизнь в скотском обжорстве и пьянстве. Выросшие в неге и холе, они с юных лет не пережили ни единого горестного дня, не желают ничем поступиться ради правды и не откажутся ни от одного геллера из своих доходов».

К несчастью, еще и сегодня многим кажется, что попы понимают толк в вере, потому что прочли уйму толстых книг. Вот простой человек и говорит: «Смотри на этих славных мужей в их красных и коричневых беретах. Кому, как не им, знать, что правильно и что ложно».

Из-за дурмана, который напустили книжники, народ не может прийти в себя и понять, что он без них прекрасно обойдется. Когда народ полагается на попов и книжников, этих ядовитейших людей, он знает о боге меньше, чем дубовая колода!

Лишь бы люди из народа осознали, что истинная вера внутри их, что они хозяева своей собственной судьбы, — тогда быстро бы кончилась власть сильных мира сего. О, если бы это знали бедные, забытые крестьяне, как бы им это пригодилось!

Мир должен быть очищен от безбожных властителей! Наступает жатва — все сорняки будут отделены от пшеницы и брошены в огонь. Сейчас со всех сторон раздаются вопли: еще, мол, не пора браться за серпы. Но это кричат сами плевелы и выдают себя с головой.

Нет сомнений, время жатвы уже пришло!

По просьбе Иоганна курфюрст вызвал шоссера к себе. С удовольствием бросил бы Цейс Альштедт и уехал подальше, если бы только знал, как выпутаться из истории, в которой оказался замешан. Он боялся угодить из огня да в полымя.

В Лохау его подробно расспрашивали об альштедтских событиях. Рассказать правду? Курфюрст обрушится на него с упреками, почему он так долго молчал. Он старался говорить уклончиво. Из его пространных ответов трудно было что-либо понять. Курфюрст выразил свое крайнее недовольство: он не только спокойно смотрит, как жгут святыни, но и не может толком объяснить, что вокруг творится.

Аудиенция кончилась плохо. Раздраженный курфюрст прогнал его прочь со своих глаз. Шоссер понял, что перестарался. В тот же день он написал Фридриху большое письмо. Монахини и аббатиса, конечно, виноваты, но и Мюнцер не без вины. Его проповеди разжигали страсти. Определить, что в учении Мюнцера от бога, а что от дьявола, — дело курфюрста и его профессоров. Но Мюнцер будет публично защищать свое учение. Если оно ложно, его надо опровергнуть, а если оно правильно, его следует держаться. У Мюнцера очень много сторонников, и с каждым днем их становится все больше. Власти должны сказать свое слово о его идеях. А то будет поздно. И так уже с Альштедтом куча забот. Если курфюрст не устроит разбор учения Мюнцера, то он, шоссер, будет покорнейше просить об отставке.

Фридрих и на этот раз не отступил от своего жизненного правила — не торопиться. Пусть-ка сперва выскажет свое мнение герцог Иоганн, любимый братец!

Саксонский курфюрст хорошо знал, что в сомнительных ситуациях никогда не следует самому выносить решений, особенно если это могут сделать другие.

Фридриха недаром прозвали «Мудрым».

Всякий повод годился Лютеру для того, чтобы восстанавливать князей против Мюнцера. Когда курпринц, сын герцога Иоганна, встревоженный опасным влиянием на отца его придворного проповедника, обратился к Лютеру за помощью, тот не замедлил ответить. Разделавшись с проповедником, доктор Мартин обрушился на Мюнцера. Да, именно от него исходят разные пагубные идеи. Пусть курпринц любыми средствами заставит Мюнцера явиться в Виттенберг и держать ответ за свое учение. Мюнцер воспользовался завоеванной Лютером свободой, чтобы бороться с ним. Доктор Мартин не скрывал вражды:

«Непорядочно, что он, пользуясь нашей защитой, нашими победами и всеми преимуществами, которых мы добились без его участия, обращает их против нас. Сидеть на нашем навозе и на нас лаять — это дурное дело. Пусть бы он, как я, отважился на поездку за пределы Саксонии и предстал бы перед лицом других князей, тогда мы увидели бы, хватило ли у него духу!»

Герцог Иоганн погрузился в тягостные раздумья. Неужели его любимец исповедует мысли, родственные учениям неистового Альштедтца?

Он желал, чтобы к нему обращались, как к простому крестьянину. Профессорскую мантию он спрятал в сундук — носил деревянную одежду и мужичьи башмаки. Сам работал на винограднике и ходил за плугом. В опрошении Карлштадт видел путь к евангельской истине. Его коробило от одной мысли о насилии. Он жаждал мира и тишины. Но Лютер не оставлял его в покое. Он мешал печатанию его работ и добивался, чтобы идеи Карлштадта были осуждены. Его вторично вызывали в Виттенберг. Он не поехал. Теперь Лютер интриговал при дворе и надеялся совсем выкурить его из Орламюнде. Неприятности сыпались со всех сторон.

И вдруг Карлштадт получил письмо от Мюнцера. Когда он его прочел, кровь застыла в жилах от ужа-

са. Мюнцер писал, что настала пора действовать, с каждым днем повсюду растет число людей, которые поклялись низвергнуть тиранов. Карлштадт пользуется большой любовью не только земляков. Пусть он употребит свое влияние и поможет создать «Союзы избранных» в Орламюнде и других местах. Мюнцер имел в виду пятнадцать различных городков и селений. Особенно он подчеркивал важность вовлечения в союз рудокопов Шнеберга.

О господи! Томас замахивается на законных властителей! Карлштадт разорвал письмо на мелкие кусочки. Он был страшно возволнован. Надежен ли гонец, который доставил письмо? А вдруг он его кому-нибудь показал или, того хуже, снял копию? Немедленно сжечь? Сделать вид, что он вообще никакого письма не получал? А если выдаст гонец? Как оправдается он перед князьями, когда потянут к ответу за крамольную связь с бунтовщиком? Он растерянно смотрел на клочки бумаги, оставшиеся от послания. Сможет ли он доказать, что призыв Мюнцера пробудил в нем ужас и отвращение? Кто это подтвердит, если он не покажет письма ни одной душе?

Он велел запрячь лошадь и поехал в соседнюю деревню, к своему другу магистру Бонифацию. Вместе они сложили разорванное письмо. Вот до чего обнаглел Томас: он думает, что добропорядочные орламюндцы станут поддерживать его преступные замыслы! Бонифаций разделял возмущение Карлштадта. Решимость Мюнцера обратить меч против нечестивых далеко его заведет. Нет, нет, только в непротивлении злу истинный дух христианства.

Никогда еще Карлштадт, виттенбергский профессор в поношенном крестьянском кафтане и неуклюжих башмаках, щуплый «земледелец» с жиденькой бородашкой на испуганном лице, не был таким маленьким человечком, как в этот раз.

Они нагрянули в Альштедт без всякого предупреждения: герцог Иоганн собственной персоной, курпринц, канцлер Брюкк и многочисленная свита.

Цели своего приезда они не скрывали: их больше всего интересует Мюнцер, они хотят здесь, на месте, послушать, чему он учит народ.

Злое лицо курпринца и насупленная физиономия герцога не предвещали ничего хорошего. Канцлер Брюкк говорил подчеркнуто холодно. Магистр Мюнцер до сих пор не утвержден в должности. Как стало известно, он подстрекает людей к непокорности.

Брюкк повторил, что герцог и курпринц желают присутствовать на проповеди, которая бы происходила, разумеется, не при закрытых дверях, — они хотят слушать Мюнцера вместе с алыштедтцами. Хитрецы! Они думают не остаться в накладе, даже если он, убоившись кары, обуздает свою воинственность и заговорит в миролюбивом тоне — пусть, мол, алыштедтцы увидят, что властитель их дум лицемер и жалкий трус.

Конечно, он может избрать для проповеди какую-нибудь безобидную тему и обойти все острые углы — он не заденет князей и не прогневит их. Но что скажут люди, которых он постоянно учит самоотверженности и мужеству?

Пробил час испытаний. Станет ли Мюнцер трусливо отрицать, что проповедует насильственный переворот, или наберется неслыханной дерзости и бросит прямо в лицо князьям требование низлагать и истреблять тиранов?

НОВЫЙ ДАНИИЛ

У

него было время хорошенько подумать. Герцог Иоганн объявил, что дела заставляют его торопиться в Хальберштадт и проповедь Мюнцера он послушает на обратном пути, через несколько дней.

Томас понимал, что если он просто умолчит о главном, то и тогда люди заслуженно упрекнут его в малодушии. Отрицать суть своих воззрений он не может и не хочет! Основа его учения — мысль о насильственном перевороте, который будет осуществлен самими людьми. Здесь корень его расхождений с Лютером. Именно этому он и посвятит свою проповедь.

Да, он призывает к низложению тиранов. Но он не отступает от духа библии: правителей, которые противятся божьей воле, следует уничтожать. Князьям предоставлен выбор. Если они не хотят быть сброшенными с престола, они должны помочь народу избавиться от притеснителей.

Он использует для своей проповеди вторую главу книги пророка Даниила. Он не случайно выбирает этот отрывок. Веские тому есть причины: Лютер часто ссылается на Даниила, который пророчествовал, что последнее земное царство, по мысли Лютера, современное общество, царство Антихриста, будет повержено без содействия рук.

Разве Мюнцер из тех, кого легко напугать? Он любит ветхозаветных пророков: они не страшились ни разверстой пасти кита, ни львов рыкающих, ни царей разъяренных. Неужели же он, новый Даниил, оробеет перед герцогом Иоганном, который не очень-то похож на грозного владыку вавилонского?

Зал альштедтского замка был полон. Впереди, на почетных местах, сидели герцог Иоганн, курпринц, канцлер Брюкк, их советники и приближенные, шоссер, шультейс, за ними члены магистрата, а еще дальше всегдашние слушатели Мюнцера — рядовые горожане.

Он начал с того, что прочел из библии и перевел на немецкий язык отрывок из Даниила. Навуходносору, царю вавилонскому, приснился сон. Никто из тайновидцев и гадателей не знал, что видел царь во сне. Разгневавшись, Навуходносор повелел было перебить всех мудрецов, когда в его чертоги явился пророк Даниил. Он рассказал и объяснил царю его сон: Навуходносор видел огромного истукана, который был сработан из различных металлов и глины. Но вот от горы без содействия рук оторвался камень и ударил по ногам истукана. «Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них: а камень, разбивший

истукан, сделался великою горою и наполнил всю землю». Отдельные части истукана, пророчествовал Даниил, означают царства, сменяющие друг друга. Одно лишь царство божие, которое начнется по разрушении всех остальных царств, будет вечным. Навуходоносор поклонился Даниилу и поставил его главным начальником над всеми мудрецами вавилонскими.

Голос Мюнцера наполнял весь зал, голос суровый и громкий. Мир находится в ужасающем состоянии. Церковь, бывшая при апостолах чистой девственницей, очень быстро стала распутнейшей прелюбодейкой. Книжники превратили Христа в идола, в чучело, в намалеванного человечка. Теперь он для всего света не больше, чем тряпье, о которое вытирают ноги. У турок, язычников и евреев есть все основания издеваться над нами и считать нас за глупцов, раз мы ничего и слышать не хотим о духе Христовом.

Вавилонские чародеи и гадалки, доказавшие свое бессилие, были подхалимами и льстецами. Они привыкли говорить только то, что нравится господам. Так и в наше время поступают книжники, которые при дворах правителей урывают самые жирные куски. А «Брат Любитель сладко пожить» еще находит этому оправдание! Томас не называл имени Лютера, но всем было ясно, в кого он метит.

Надвигается час великих перемен. Необходимо изменить весь уклад жизни! Близится конец пятого мирового царства, о котором говорил пророк. Томас по-своему толковал Даниила. Первым было вавилонское царство, вторым — царство мидян и персов, третьим — царство греков, четвертым — царство римлян. А пятое царство то, которое у нас перед глазами, — частично создано из железа, но оно на глиняных ногах — в нем процветает насилие и кишмя кишат притворщики. Повсюду лицемерие. А тех, кто не хочет обманывать и плутовать, считают круглыми дураками.

Томас не стесняется в выражениях. Нет, присутствие князей не вынудит его угодничать. Это он предоставит Мартину!

«Теперь прекрасно видно, — гремит его голос, — как угри и змеи сообща грешат в одной куче. Змеи — это попы и все злодеи клирики, а угри — это светские господа и правители!» Напрасно прислужники дьявола обмазали себя глиной, чтобы под христианской маской скрыть свое истинное лицо. Это им не поможет.

— Ах, любезные господа, как славно всевышний будет колотить эти старые горшки своей железной клюкой!

Томас смотрит на герцога. Иоганн то поднимал удивленно брови, то хмурился. Мину неудовольствия сменяло выражение беспомощности, досада уступала место сосредоточенному вниманию. Этот одержимый, словно ветхозаветный пророк, не страшась кары, бросает в лицо правителям, что старый мир доживает свои последние дни. А вдруг именно ему господь открыл истину? Иоганн в нерешительности. Все кругом так непрочное. Пришло время тревоги и неуверенности. Не стоит ли мир перед великими переменами, о которых твердят астрологи и вещуны? Со всех сторон идут слухи о небесных знаменьях, реки неожиданно-негаданно выходят из берегов, осенью вторично зацветают деревья, людей косит страшнейший мор. А сколько разных учений, сект! И каждый уверяет, что слово божье с ним. Все чаще раздаются голоса, будто господь хочет, чтобы власть была передана простому народу. Глупые побасенки? Но об этом говорят так упорно. Даже сам курфюрст в смятении. Он заявляет, что не будет противиться богу, скорее все бросит и, взяв посох, пойдет странствовать. Воистину, кто знает, что будет завтра?

Альшtedтцев упрекали, продолжает Мюнцер, что они сожгли маллербахскую часовню. Шума было много, и зря. Томас очень далек от того, чтобы приносить извинения или сожалеть о случившемся. Он оправдывает подобные поступки. Нет сомнения, что и Христос разбивал бы иконы. Книжники утверждают, что апостолы не разрушали языческих храмов. О эти буквоеды, опять они носятся со своей пергаментной библией! Если там чего и нет, то разве это

основание потворствовать злодеям? Исходить надо не из буквы, а из духа. Апостол Павел терпеть не мог идолов и наверняка не остановился бы перед разрушением капищ. Надо отказаться от одного из двух: от настоящей веры или от идолопоклонства.

Мюнцер возвращается к Даниилу. Книжники, ссылаясь на пророка, учат, что Антихрист будет уничтожен без содействия рук. За их наисладчайшими словесами кроется ложь! Людям остается только ждать и верить, крепко верить и терпеливо ждать. Низкий обман! Камень, о котором говорил Даниил, — это дух Христов. Им и преисполнены люди, чьими руками будут повержены все нечестивцы. Если земля обетованная и была завоевана не мечом, а силой господней, то ведь меч — средство, без которого не обойтись. Чтобы жить, необходимо пить и есть. Чтобы покончить с царством зла, необходимо применить насилие.

Настойчиво обращается Мюнцер к князьям:

— Не верьте подхалимам попам. Вы тоже можете помочь установлению истинно христианских порядков, а они хотят помешать. Да, камень, который уничтожит царство зла, оторвался от горы и неудержимо катится вниз. Бедные миряне и крестьяне видят это гораздо яснее, чем вы. Властители, ополчающиеся на защитников Евангелия, будут изгнаны собственным народом. Я это знаю наверняка!

— Народ разгневан. Если князья не хотят быть изгнаны, то должны действовать ему на пользу. Если вы желаете быть слугами бога, а не дьявола, то помните о своих обязанностях по отношению к народу и устраняйте его врагов.

— Но, любезные, не выкидывайте перед нами плоских трюков и не уверяйте, что сила господня совершит это и без вашего содействия мечом! — В голосе Мюнцера слышалась угроза: — Смотрите, так недолго и потерять власть! Книжники могут говорить вам что угодно, — Христос сказал достаточно ясно: «Дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь!» Поймите правильно это повеление. Если враги, которым будет предложено подчиниться,

не пожелают этого сделать, то их следует беспощадно истреблять. Не оставляйте дольше злодеев, в живых! Ибо люди, творящие зло, не имеют права жить!

Он весь горел. Иоганн поежился: «Помилуй, господи!»

— Безбожных правителей, и особенно попов и монахов, которые называют борьбу за подлинное Евангелие ересью и все же выдают себя за примерных христиан, надо убить!

Князя, коль они не на словах, а на деле признают Христа, должны способствовать искоренению нечестивых. Это не просьба — это требование. Если они ему не последуют, то лишатся власти — меч будет у них отобран!

Герцог сидел, опустив голову. Его подавленное настроение передалось и Брюкку. Курпринц зло покусывал губы. Когда Иоганн встал и обернулся, все заметили его растерянность.

Никто из присутствовавших в зале альштеттского замка не высказал Томасу ни слова осуждения. Он обратился к канцлеру с просьбой разрешить напечатать проповедь. Недавно магистрат, уступая Мюнцеру, постановил, что город нуждается в типографии, и выделил ссуду в сто гульденов печатнику Рейхарду.

Издать проповедь? Князя выслушали ее до конца и не выразили своего несогласия. Брюкк не стал возражать. Пусть печатает, но только он должен пообещать — и обязательно в письменной форме, — что впредь будет представлять все свои сочинения на цензуру в Веймар.

А что касается его учения, канцлер развел руками, то герцог не считает себя достаточно сведущим в богословии, чтобы судить, сколь соответствует евангельской истине призывы изничтожать безбожных. Поэтому он желает, чтобы магистр Мюнцер изложил свои взгляды в Виттенберге, перед профессорами теологии.

А. Дюрер. Крестьяне на рынке.

Ност Амман. Красильщик.

Перед этими заядлыми книжниками и только перед ними? Мюнцер решительно отказался. Опять ему навязывают диспут в закутке. Он, конечно, готов защищать свое учение, но лишь всенародно. Надо созвать на диспут и католиков, и турок, и язычников. Он ставит это непременным условием. Если Иоганн действительно жаждет выяснить правду, то пусть всех их соберет.

Он никогда не угодничал перед правителями. Даже обещание присылать свои работы на цензуру звучало не особенно смиренно: «Меня порадует, если вы позволите выходить моим книгам в свет, если же воспрепятствуете, то я препоручу это воле божьей».

Герцог Иоганн не задержался в Альштедте. Препротивнейший городишко! Дерзкие мастеровые, с великой неохотой снимающие шапки, и Мюнцер, то ли безумец, помешавшийся на борьбе с нечестивыми, то ли новый Даниил, которому открыто грядущее.

Вереница всадников проехала по узеньким улицам — разодетые герольды, важные советники, надменные рыцари, ленивые ландскнехты. Шоссер провожал герцога далеко за городские ворота.

В типографии Ганс Рейхард торопливо набирал «Проповедь перед князьями».

Вокруг Альштедта уже целый год продолжались гонения на людей, посещавших проповеди Мюнцера. Они усилились, когда стало известно об альштедтских беспорядках и о создании какого-то союза. Теперь от запретов и угроз власти перешли к крайним мерам: сторонников Мюнцера начали бросать в темницы, мучить, подвергать штрафам. От них требовали, чтобы они клялись не ходить больше на сатанинские сборища. Кое-кто заколебался: кому охота терять имущество и гнить в вонючих подвалах. Власти особенно свирепствовали в Зангерхаузене.

Мюнцера очень встревожили эти события. Надо было внушить людям мужество: они ведь не одиноки, повсюду множатся ряды «избранных». Он писал им, что создано уже больше тридцати союзов. Во всех кон-

цах страны скоро начнется игра! Нам ли падать духом? Это удел тиранов — они будут вырваны с корнем.

Властям Зангерхаузена Мюнцер послал письмо, полное угроз. Да, он говорил, что не даст спуска врагам, и намерен их перебить. Он не остановится, пока они не будут повержены, даже если они и очень важные птицы. «Говорю вам со всей серьезностью, если вы не одумаетесь, то я больше не стану удерживать людей, которые хотят взять вас в работу».

В Альштедте появились жители Зангерхаузена, бежавшие от преследований. Они рассказали, что темница переполнена. Не все проявляют достаточную стойкость. Одни упрямо отказываются вносить штраф, а другие готовы подчиниться. Сейчас начальники пошли на хитрость; многим они предлагают свободу при условии, что те, заплатив штраф, поклянутся никогда больше не слушать еретиков. Узники спрашивают брата Томаса, как им поступать. Можно ли платить штраф и давать требуемое обещание?

Его глубоко взволновали беды гонимых братьев, отвечал Мюнцер, но он гордится теми, кто предпочитает быть в оковах, чем пресмыкаться перед безумствующими властителями. Если вы хотите сохранить незапятнанной вашу совесть, то научитесь бояться одного лишь бога — тогда вы устоите перед любым испытанием и одержите победу.

Он учил бесстрашию. Если человек осознал свою правоту, его ничто не напугает. Раз князьям не довольно налогов и они еще выжимают из вас штрафы, платите, платите черту все, что он хочет, но сохраните свободной вашу совесть. Ни в коем случае не подчиняйтесь приказам, запрещающим вам слушать правдивое слово, и никогда не давайте клятв, что отрекаетесь от него.

Кровопролития не избежать, и оно недалеко. Если кто не хочет отказаться от своего имущества во имя бога, то потеряет его ради дьявола. Князья, дворяне, попы и монахи поклоняются сатане. Тому, кто желает сражаться с турком, не надобно ходить далеко — враг здесь, в стране!

Говорите смело вашим господам: слово божье

нельзя запрещать! Говорите это им прямо в глаза, ничего не бойтесь, не лицемерьте. Если вам причинят обиды, вы будете отмщены. Но если вы начнете притворяться и угодничать, то погубите себя. Расплата не за горами!

Письмо Мюнцера было тайком переправлено узникам зангерхаузенской тюрьмы.

В Альштедт приходили десятки людей, вынужденных покинуть родные места. Одни были изгнаны своими господами, другие спасались от преследований. Окружной начальник Зангерхаузена мог крутостью нрава потягаться с мансфельдским графом. Но обоих превзошел досель малоизвестный рыцарь Фридрих Вицлебен, владетель деревни Шеневерда, что лежала в трех часах ходьбы от Альштедта. Он решительно запретил своим людям шляться в город на проповеди и набираться бунтарского духа. Его приказу не подчинились. Тогда он, разъяренный непослушанием, задумал как следует проучить непокорных.

...Стоял погожий июльский день. Жители деревни занимались своими обычными делами: кто работал в поле, кто сидел за ткацким станком, кто хлопотал по хозяйству. Вдруг у околицы раздались выстрелы и тревожные крики. Война? Вторжение неприятеля? Набег разбойной шайки? Или выходки загулявших ландскнехтов?

По улице с обнаженными мечами бежали пехотинцы, а за ними на рослых лошадях трусили рейтары с пиками наперевес. Деревня была окружена. У крестьян вырвался вздох облегчения, когда человек в латах, отдававший команды, поднял забрало и они узнали в нем своего господина. Фридрих Вицлебен обожал военные потехи. Но что творится? Кнехты врываются в дома, избивают жителей, взламывают сундуки и лари. Вицлебен поклялся отменно наказывать непослушных: он раз и навсегда отобьет у них охоту посещать сборища еретиков!

Ударами и пинками людей сгоняли в кучу. Доб-

лестный рыцарь брал в полон собственных подданных. Правда, ландскнехты были так поглощены грабежом, что кое-кому из крестьян удалось уйти огородами и добраться до леса. Не довольствуясь добычей, захваченной в избах, Вицлебен, враг еретиков и пылкий защитник веры, утащил и из церкви все наличные деньги.

Убежавшие побоялись возвращаться домой. Они ходили из деревни в деревню и проклинали своего господина, который обошелся с ними, как грабитель с большой дороги. Повсюду среди крестьян они находили сочувствие. Ненавистные дворяне превратили страну в сплошной разбойничий вертеп. Нет простому человеку нигде защиты.

Беглецы направились в Альштедт. Там Мюнцер, он не даст их в обиду — ведь и пострадали они оттого, что остались ему верны.

На улице, недалеко от типографии, Томаса окружила толпа беженцев. Они были очень взволнованы. Перебивая друг друга, они напустились на Мюнцера с упреками:

— Что это за справедливость, если людей, которые готовы ради веры принять любые муки, совершенно безжалостно посылают под нож мясникам?

Томас опешил. Разве он когда-нибудь давал повод для таких обвинений? С трудом понял Мюнцер, что произошло. По городу разнесся слух, что все чужаки будут в ближайшие дни выданы своим господам. Встревоженные люди обратились к Рейхарду. Тот только что был в замке и должен все знать. А Рейхард разговаривал с ними надменно и грубо, словно княжий прихвостень. Томас был поражен: нет, он ничего не слышал!

Увидя Мюнцера среди обступивших его людей, Рейхард вышел из печатни. Томас встретил его гневным окриком:

— Так-то вы утешаете братьев, покинувших родные места ради верности Евангелию?! Неужели вы не можете понять, к чему все это приведет?

Рейхард оправдывался как только мог. Он не хотел никого обидеть. Он ничего не выдумал. Он лишь сослался на приказ шоссера. Если, велел Цейс, окружной старшина из Зангерхаузена будет настаивать на выдаче своих людей, то следует удовлетворить это требование. Мюнцер вспыхнул:

— Это было бы справедливо, если бы наши властители не выступали против истинной веры. Но теперь они действуют не только вопреки вере, но и вопреки естественному праву.

Толпа ответила Томасу гулом одобрения. Он продолжал резко и пылко:

— Следует заставить власти повсюду открыто признать, что их собрат из Шеневерды первым нарушил мир и стал грабителем собственных подданных!

Мюнцер едва владел собой:

— Раз господа поступают так, их надо передумать, как бешеных собак!

Шоссер отсиживался в замке и не высовывал на улицу носа. В один день Мюнцер направил ему два письма. Он подробно рассказал о случившемся и советовал, чтобы тот серьезно взвесил, какие последствия повлечет за собой враждебное отношение к беженцам. Их число растет и будет расти. Неужели он хочет заслужить благосклонность тиранов за счет стенаний и воплей этих горемык? Хватит угождать разным начальникам. «Их власти приходит конец, в скором времени власть будет передана простому народу!»

Немедленно должен шоссер сообщить князьям о преступлении Вицлебена. Этот архиразбойник подает пример и другим тиранам. Он сам вызывает народ на восстание. Князья обязаны его наказать. Если они этого не сделают, то мир будет нарушен. Народ окончательно извернется в своих правителях, а в этом кроется причина всякого смертоубийства. Пора им уже понять — настали новые времена. Или

они дождутся, что волны поднявшейся бури захлестнут их с головой. Тот, кто жаждет крови, ею и упьется!

Цейс был очень напуган. Во втором письме Томас его успокаивал: он далек от мысли отдавать на расправу честных должностных лиц, которые помогут правому делу. Он опять предупреждал, что если беженцы не найдут в Альштедте настоящей защиты, то народ ожесточится. Никакие злодеяния не будут больше сходить безнаказанно. Мир уже не тот, что прежде.

Черные сердца тиранов полны страха и трепета. Они чувствуют: близится переворот. Но ни один князь не желает помочь торжеству Евангелия, они думают лишь о том, как задавить праведных людей. Весь народ должен объединиться. Союз, к которому призывает Мюнцер, завещан самим господом: нечестивцы, обнажающие меч, от меча и погибнут! Медлить дальше нельзя. Каждый обязан честно сказать, готов ли он поддерживать союз, или намерен ему противиться.

На проповеди Мюнцера было очень много народа, альштедтцев и пришлых. Его речь то и дело прерывалась возгласами: «Кто не с нами, тот против нас!»

Мюнцер обратился и к членам магистрата. Еще не все из них поклялись на верность союзу. Не слишком ли долго они колеблются?

Всеобщее возбуждение, казалось, достигло предела. Присягайте! Присягайте! Рюккерт лез на самое видное место: он тоже всей душой за Евангелие. Кое-кто не прочь был и улизнуть, да боялся своих разгоряченных соседей. Не оставалось ничего иного, как, подняв руку, повторять слова присяги.

В это воскресенье сотни людей поклялись, не жалея живота, бороться с нечестивыми. Не дадим в обиду наших братьев! У многих было оружие. Воодушевление, вызванное речами Мюнцера, долго не ослабевало. Городок бурлил.

Со всех сторон гонцы приносили вести о расширении «Союза избранных». Тем с большим нетерпением ждал Томас письма от Карлштадта. Он возлагал на него столько надежд!

И вот ответ пришел. Карлштадт делал попытку обратить «заблудшего» на путь истинный. Мюнцер не должен сердиться, если это письмо придется ему не по вкусу, — «лучше получить раны от доброжелателя, чем лживые поцелуи — от врага». Некоторые взгляды Томаса он одобряет: например, его отношение к святым дарам. Что же касается стремлений Мюнцера, сколотив союз, уничтожить всех «безбожных», то он осуждает это самым резким образом. Он не намерен исполнять его просьбы и писать в Шнеберг и другие места. «Такие союзы находятся в страшнейшем противоречии с волей божьей». Создавать их — значит вводить людей в заблуждение.

«Я хочу, — продолжал брат Андреас, — чтобы ты и те, кто с тобой заодно, отказались от тайных происков и рассылки подобного рода воззваний. Они преисполнили наших людей здесь страхом перед великой бедой. Я удивляюсь такой твоей дерзости и испытываю к ней отвращение».

Тяжело потерять на поле брани соратника, но еще тяжелей увидеть, как человек, которого ты считал единомышленником, в час, когда обнажают мечи, топчется тебя оставить.

Каждый держится тех идей, которые ему ближе. Один ползает на брюхе перед властителями и видит в этом служение богу. Другой с оглядкой поругивает существующее неустройство, а когда приходит время засучивать рукава, прячется в кусты и уверяет простаков, что пуще всего надо остерегаться насилия. А третий, третий знает, что только борьба может сделать из раба человека. Бессловесный «раб божий» должен стать «воителем божьим» — борцом за общее благо. Не кровожадность, а подлинная любовь к людям руководит теми, кто осознал необходимость насильственного ниспровержения угнетателей. Тираны или сохраняют свою власть, или потеряют ее в результате переворота. Иного не дано.

Листовка называлась «Письмо орламюндцев альштедтцам о том, как сражаться по-христиански». Она была написана в ответ на призыв Мюнцера присоединиться к союзу. Орламюндцы решительно отвергли это предложение. Христианин не может действовать силой! Иисус не разрешил Петру вступить за него и велел вложить меч в ножны.

«Мы не хотим прибегать к ножам и пикам. Против врагов надо быть защищенным броней веры. Вы пишете, что мы должны примкнуть к вашему союзу. Сделав это, мы перестали бы быть свободными христианами и доказали, что больше привязаны к людям, чем к богу». Это причинило бы Евангелию страшнейший вред. Тираны, возликовав, стали бы говорить: «Они похваляются своим богом, а сами вступают друг с другом в союз — их бог недостаточно силен, чтобы их защитить. Они хотят создать собственные секты и поднять мятеж. Давите их и убивайте, пока не поздно!»

Ответ был размножен на типографском станке. Жители Орламюнде, не колеблясь, придали гласности замыслы Мюнцера. Они не хотят ничего и слышать о его преступных затеях.

Как оказалось, Карлштадт участвовал в составлении этого письма и требовал, чтобы оно было достаточно резким. Брат Андреас, по его словам, «помог орламюндцам потушить разжигаемый Мюнцером пожар».

И он ставил это себе в заслугу.

«Письмо орламюндцев» было напечатано в Виттенберге.

Неожиданно пришел приказ герцога: Мюнцера, Цейса, Рюккерта и двух членов магистрата, Рейхарда и Боссе, зачем-то срочно потребовали ко двору.

В Веймар они прибыли 31 июля. Было воскресенье, и делами никто не занимался. Только на следующий день их вызвали в замок. Мюнцер думал, что с ним будут говорить в присутствии остальных альштедтцев. Однако им велели подождать. Герцог Иоганн встретил его с явной неприязнью.

Это был настоящий вопрос. Мюнцер никак не мог понять, чем герцог так возбужден? Грубо напустился он на Мюнцера с упреками. Хорош проповедник слова божьего, который, где бы ни появился, сеет семена распрей и смут! Его дух — это дух разрушения и кровопролития. Он восстанавливает подданных против их законных государей. Может быть, он еще станет уверять, что не распалял страстей черни своими возмутительными речами и не лил на головы князей потока оскорблений? Его счастье, что об этом, как и о многом другом, узнали только теперь.

Что осмелился он во всеуслышание заявить о самом курфюрсте? У «старого бородача» столько же мудрости в голове, как у Мюнцера... Где? По знаку Иоганна секретарь прочел одну из бумаг. Выразительное сравнение!

Выдержка не изменила Томасу. Герцог волен читать какие угодно бумажки. Мало ли на свете клеветников и подметных писем! Томас упорно стоял на своем:

— Таких или подобных слов я никогда не произносил!

Герцог изменился в лице. Разве алыштедтский проповедник довольствуется бранью? Он окрестил законных правителей «безбожными» и подстрекает народ к мятежу. Он создал союз, допустимость которого совершенно не подтверждается библией. Он будет отрицать, что призывал вступать в этот союз?

Нет, этого Мюнцер отрицать не будет. Он считает, что поступал верно. Естественное право на самооборону позволяет людям объединяться, чтобы не быть беззащитными перед злодеями, которые препятствуют торжеству Евангелия.

Его оборвали. Он еще смеет говорить об Евангелии! В землях курфюрста и герцога, как ему известно, никому не возбраняется проповедовать слово божье. Но его учение не от бога, а от дьявола. Поэтому-то он и избегает диспута с теологами Виттенберга!

Тут вспыхнул Мюнцер. Для того чтобы судить об его учении, надо хотя бы его понимать. Он не виноват, что герцог глух и не разумеет истины. Не каж-

дому дано разобраться в уловках книжников. Зря его упрекают в том, что он не желает отдать свою веру на суд виттенбергским мудрецам, которые поторопились бы, собравшись в закутке, опорочить ее и назвать ложной. Он готов защищать ее от всех хулителей. Но это должно произойти не перед жалкой кучкой книжников, а в присутствии народа. Тогда он докажет, кто отстаивает справедливое дело, а кто поклоняется сатане!

Ни герцог, ни его советники не спорили с Мюнцером. Пусть-ка он лучше расскажет, как мутит толпу бредовыми картинами близкого переворота. Его настойчиво расспрашивали все об одном и том же. Чего они хотят? Он достаточно подробно изложил свои воззрения в «Проповеди перед князьями». Герцог сам ее слушал.

Почтительным его не назовешь. Ему велели выйти. Иоганн приказал ввести для допроса остальных альштедтцев.

Мюнцер не знал, что творится за плотно закрытыми дверьми. Ждать пришлось очень долго, пока они появились один за другим — Цейс, Рюккерт, Боссе и Рейхард. Они были чем-то очень взволнованы, но старательно делали вид, что ничего особенного не случилось.

Потом снова в зал был потребован Мюнцер. Иоганн сказал, что порицает его за грубость, допущенную в проповедях, и за выпады против властей. Однако решать его судьбу он сейчас воздерживается. Он хочет все обсудить с курфюрстом. Мюнцер должен отправиться в Альштедт, избегать всяких действий и речей, могущих вызвать беспорядки, и спокойно ждать, когда ему объявят высочайшую волю.

У дверей его встретил Цейс:

— Ну как?

Лицо Мюнцера было хмурым и бледным. Он неопределенно махнул рукой:

— Похоже, дело идет к тому, что мне придется поискать места где-нибудь в другом княжестве!

На дворе какой-то крестьянин возился с телегой. Он выпрямился и с любопытством разглядывал Томаса. Княжки челядины, фурманы и конюхи повалили следом за Мюнцером — горластые насмешники: «Где же твой прославленный дух святой?» К ним присоединилось несколько попов. В воротах его осыпали руганью ландскнехты. Мюнцер, не отвечая, прошел мимо. Желтые пятна проступили на скулах.

Большую часть дороги ехали молча. В ответ на настойчивые вопросы Томаса Рюккерт повторял, что герцог не объявил никакого решения. Боссе и Рейхард говорили то же самое. Один шоссер почему-то не смотрел Мюнцеру в глаза и нервно теребил поводья.

Глава двенадцатая
ИУДА БЫЛ НЕ ОДИН

Томас тщетно ломал голову. Где кроется причина такой разительной перемены в настроениях герцога? Две недели назад, после проповеди в альштедтском замке, Иоганн был растерян и подавлен. Но нич-

то не свидетельствовало о его враждебности к Мюнцеру. В Веймаре его точно подменили. Он устроил ему настоящий допрос и разговаривал с ним, как с обвиняемым. Почему?

Вернувшись в Альштедт, Мюнцер понял все. Ему передали печатный экземпляр лютеровского «Послания саксонским князьям о мятежном духе». До какой

низости докатился Мартин! Ослепленный ненавистью и страхом, он решился на донос.

Доктор Мартин, предавая бывших товарищей, умолял своих повелителей задавить дух мятежа. Он начал с подобострастного обращения к князьям. Затем пустился рассуждать об извечной борьбе дьявола со словом божьим. Сатана не гнушается ничем: когда открытое насилие оказывается недейственным, он вводит в бой ядовитые речи. Там, где дьявол не надеется одолеть силой, он прибегает к хитрости и выпускает на сцену раскольников и лжепророков. Множатся секты, которые должны погубить истину.

Виттенбергского папу мысль о Мюнцере приводила в ярость. Он называл его бесом и сатаной, изощрялся в ругательствах и насмешках.

«Я обращаюсь к Вам, — писал Лютер, — только потому, что понял из их писаний, что этот сатана не ограничится словами, а намерен пустить в ход кулаки, применить силу против властей и поднять настоящий бунт».

Натравливая князей на Мюнцера, Лютер рассыпался в изъявлениях преданности и повторял: власть им дана богом, чтобы они сохраняли мир и карали смутьянов. Сейчас нельзя спать или колебаться. Господь потянет вас к ответу, если вы не воспользуетесь вверенным вам мечом и не предотвратите восстания!

Среди брани и ехидных реплик постоянно вылезала наружу сущность всех разногласий, причина раскола. Лютер и здесь повторял, что Антихрист будет уничтожен «без содействия рук». Чернь очень склонна к мятежу. Пока не поздно, надо подавить бунтарский дух и обуздать кровожадного дьявола из Альштедта. Необходимо осудить его учение! Он должен в Виттенберге предстать перед своими противниками. Он не соглашается на «диспут в закутке»? Если он прав, то обязан спорить в любом месте и перед кем угодно. Князья должны сказать ему: «Мы терпеливо наблюдаем за словесной борьбой, когда вы спорите о правильности вашего учения. Но руки держите при

себе, применять силу — это исключительно наше дело, или же убирайтесь вон из страны!»

Сатана неспроста избегает держать ответ перед двумя или тремя сведущими людьми. Он понимает, что это кончится для него плохо, — черт почуял запах ладана! Ведь он, Лютер, в своем монастыре уже дал алыштедтскому духу как следует по носу!

Томас не находил себе места от возмущения. Мало того, что Лютер пошел на предательство, он не остановился перед самой низкой ложью. Как он беззастенчиво врет, этот ученейший доктор Люгнер! * Настойчивое свое желание одолеть и посрамить противника Отче Пролаза выдает за действительность. Он годами спал и видел, как повергает Мюнцера в прах. Руки коротки! Если бы Лютер согласился на настоящий диспут в присутствии народа, то получил бы отменную взбучку.

Два года назад в Виттенберге Штюбнер, а потом Шторх ожесточенно спорили с Лютером. Они доказывали необходимость переворота. Их доводам Лютер не смог противопоставить ничего, кроме избитых ссылок на Библию. Издеваясь над «фанатиками и фантастами», он насмешками прикрыл свое поражение, а теперь не только выдает его за победу, но и изображает дело так, будто он «дал по носу» самому Мюнцеру.

Но это еще не все. Сейчас Лютер лишь упомянул о тайных беседах, которые велись в его келье, но, если князь захотят, он выложит им и остальное.

«Я готов перед Вами в случае необходимости разоблачить все, что произошло между мной и этим бесом в моей комнатухе. Тогда Вы и весь свет уразумете и поймете, что этот дух на самом деле лживый дьявол, злейший дьявол!»

«Послание к князьям» потрясло Мюнцера до глубины души. Он знал, что черный виттенбергский ворон способен на многое, но не ожидал такой беспредельной подлости.

* «Люгнер» — по-немецки значит «лжец».

Иоганн прозрел. Лютерово послание открыло ему глаза. Рядом свил себе гнездо предерзкий бунтовщик. Сотни дюжих рук тянутся, чтобы вырвать меч у законных правителей. Число сторонников этого дьявольского учения растет с каждым днем, и не сегодня-завтра в стране вспыхнет великий мятеж. Что предпринять?

Схватить Мюнцера? Это наверняка вызовет бунт. Разумеется, они с курфюрстом его подавят, но тогда волей-неволей вся эта история сделается притчей во языцех. В хорошем же свете предстанет герцог Саксонии перед имперским правительством и самим Карлом! Он проглядел бунтовщиков и дал себя одурачить: он пребывал в бездействии до тех пор, пока не раздался предостерегающий голос Лютера. Его позорная нерешительность могла сравниться только с его непонятливостью. Имеющий уши да слышит! Разве можно признать перед всем светом, что он ровно ничего не услышал? Он сидел у кафедры, с которой Мюнцер низвергал на него крамолу, приправленную библейскими текстами. Тогда он был растерян и задумчив. Не был ли он вообще трусоват?

Если теперь, когда его ткнули носом, он поступит с Мюнцером со всей суровостью, какой тот заслуживает, не докажет ли он этим лишь свою слепоту? Он-то ведь выслушал «Проповедь перед князьями» без всяких возражений и даже разрешил ее печатать. Хитро его обвели вокруг пальца! Не только из заглавия, но из самой проповеди видно, что она была произнесена в присутствии князей. Значит, или герцог разделяет идеи Мюнцера, или же он их не понял.

Особенно злило герцога, что у Мюнцера была типография. Тот, если захочет, может и дальше размножать «Проповедь перед князьями» и выставлять Иоганна на потеху читающей публике как глупца, который безропотно выслушал его возмутительную речь!

Оставалось делать хорошую мину при плохой игре: Иоганн, конечно, понял проповедь, но не придал ей сколько-нибудь важного значения. Мало ли каких вздорных идей не высказывают полусумасшедшие фа-

натики, свихнувшиеся на ветхозаветных пророках. Да, он выслушал проповедника — это его обязанность. Выступление Мюнцера не больше, чем обычная «пробная» проповедь человека, который хочет, чтобы его утвердили в должности. А раз это так, то нет нужды связывать беспорядки в Альштедте с взглядами Мюнцера.

Восстановить порядок следовало потихоньку, без ненужного шума, благо среди альштедтцев были люди, на которых вполне можно положиться.

О, «Брат Любитель сладко пожить» получит свое сполна! Томас начал писать яростный, пронизанный сарказмом ответ Лютеру. Но его оторвали от рукописи. Шоссер настойчиво звал Мюнцера к себе. Не ожидая ничего дурного, он направился к Цейсу. Его неприятно поразило, что в воротах и на дворе замка находились десятки вооруженных кнехтов. Что все это значит?

Рядом с шоссером сидели те, кто ездил в Веймар, — шультейс, Рейхард и Боссе. Остальные члены магистрата расположились на скамьях вокруг. Народу много, но, удивительное дело, подмастерьев не видно. Уже это одно насторожило Мюнцера.

Разгадка не заставила себя долго ждать. Заговорил Рюккерт. Томас не хотел верить своим ушам. В Веймаре его подло предали! Недаром Иоганн отослал Мюнцера, когда вызвал к себе его спутников. Они скрыли от Томаса, что произошло между ними и герцогом, и хранили в глубокой тайне принятые решения. Только теперь, поставив у ворот надежную стражу, изменники рискнули сбросить маски.

Рюккерт громко читал приказ: герцог предписывает распустить союз, не противиться аресту маллербахских злодеев и избегать всякого непослушания. Типография, учрежденная по настоянию Мюнцера, закрывается.

Его подбадривали одобрительными возгласами: «Молодчина, шультейс! Пора приструнить крикунов!» Рюккерт был не один. Боссе и Рейхард от него не от-

ставали. А шультейс набрался смелости и, не смущаясь присутствием Томаса, воскликнул, что скорее сломает мятежному проповеднику шею, чем позволит свергнуть город в кровопролитие.

Гнев душил Мюнцера. Какую гнусную шутку сыграли с ним друзья-приятели! И теперь эти бесстыжие рожи еще пугают его расправой. Они выдали все замыслы, покорно согласились на роспуск союза и, вероятно, сами надумили герцога закрыть типографию. Именно сейчас, когда надо пригвоздить Лютера к позорному столбу!

Настроение собравшихся было не в его пользу. Стараясь не терять самообладания, он обратился к магистрату с просьбой не закрывать типографию. Ведь им известно, что Лютер издал недавно позорную книжонку, где всячески его поносит. Будет несправедливо, если его лишат возможности достойно ответить.

Мюнцеру возразили, что решение о ликвидации печатни исходит от герцога и обсуждению не подлежит.

Плохо же они его знают! Если князя Саксонии, не позволяя выступить печатно против Лютера, хотят связать его по рукам и ногам, то он сделает им самое злое, что только сможет!

Ему не дали говорить. Магистрат уже однажды получил нагоняй за то, что не помешал Мюнцеру ругать законных правителей. Все, сказанное им, тщательно записывается и будет послано в Лохау.

Вспыльчивость и брань не помогут. Он одумался, сказал, что его неправильно поняли. Он хотел жаловаться на князей всему христианскому миру.

Отговорка не достигла цели. Члены магистрата заявили, что их долг передать курфюрсту его слова точно так, как они были произнесены. Мюнцер сам будет за них отвечать. А сейчас он должен дать обещание не покидать города, согласиться с упразднением печатни, освободить всех «избранных» от присяги.

На него наседали со всех сторон. Так вот чего они хотят! Верные прислужники князей, потрясая приказом, пугают колеблющихся и требуют, чтобы магист-

рат единодушно высказался против Мюнцера и вынудил его распустить союз. Еще совсем недавно среди советников было немало людей, которые называли себя его друзьями и братьями. Но они быстро от него отреклись, когда почувствовали опасность, и теперь готовы поддерживать его злейших врагов.

Зря они думают, что с Мюнцером так легко справиться. Они боятся? Ну что же, он их тоже не будет щадить! В магистрате берут верх его враги. Рано они торжествуют.

Он не подбирал выражений помягче и не скрывал своего гнева. Хорошенько ли все взвесили члены магистрата, намереваясь идти на поводу у изменников и подхалимов? Понимают ли они, что произойдет, если попытаются заткнуть ему рот или вышлют из города? Он ведь не один. Множество людей разделяет его взгляды. Широко известно, что Лютер выступил против него со своим постыдным писанием. Разве можно сейчас закрывать типографию? Он должен беспрепятственно напечатать свой ответ черному виттенбергскому ворону! Он готов защищать свои взгляды и посрамит любых книжников. Никто не докажет, что учение его ложно. Поэтому и «Союз избранных», который он провозгласил, нельзя запрещать. Это было бы произволом и тиранией. А народ знает, как на это ответить!

Ему не надо было особенно распространяться о недавних событиях. Все хорошо помнили, как над Альшtedтом гудел набат, как на улицах горели костры и всю ночь не расходились вооруженные люди. Все помнили, как появился в городе отряд мансфельдских рудокопов, призванный Мюнцером на помощь. Или магистрат желает повторений?

Наивно полагаться на крепкие ворота и на усиленную стражу. Когда поднимается настоящая буря, она сметает любые преграды. Мюнцер не уговаривал и не убеждал. Грозен был он в своем гневе. Магистрат откажется от исполнения несправедливого приказа, или же начнется восстание!

В зале воцарилась напряженная тишина. Не прислушиваются ли советники к тому, что творится за

стенами замка? Не чудятся ли им уже крики разъяренной толпы и лязг оружия?

Тишину прервали благоразумные голоса. В самом деле, справедливо ли, что с магистром Томасом, любимым проповедником, обращаются так незаслуженно сурово? Нет, пока не поздно, надо исправить положение. Большинство магистрата согласилось с Мюнцером.

Писцу велели снова взяться за перо. Вторая часть послания к курфюрсту во многом противоречила первой. Раз Лютер выступает против «нашего проповедника», то справедливость требует, чтобы типография в Альштедте была сохранена и Мюнцер мог бы напечатать в ней свой ответ.

Его учение нельзя считать ложным, пока оно не разобрано на публичном диспуте. Если курфюрст в ближайшее время не устроит такого диспута, а начнет преследовать Мюнцера, то возникнет кровопролитие. Фридрих должен понять всю сложность положения: «Пусть Ваша милость подумает не о проповеднике, а о благе наших бедных людей, и чем быстрее, тем лучше. В противном случае мы не сможем предотвратить восстания!»

Тут же, в замке, Мюнцер продиктовал и свое письмо Фридриху.

«Ради бога, молю я серьезно подумать, — предупреждал Томас, — что получится, если я как следует воздам Лютеру за клевету, которую извергают его уста. Я не намерен этого делать. Однако возмущение многих праведных людей, разделяющих мое учение, настолько велико, что нельзя такую хулу оставить без ответа».

Письмо было проникнуто ощущением силы. Мюнцер просит, но не тоном просителя, чтобы курфюрст не мешал ему устно и письменно распространять свое учение.

Томас одержал победу. Он добился, что магистрат отложил исполнение герцогского приказа, и, обращаясь к курфюрсту, признал доводы Мюнцера справедливыми. Однако в городе обстановка не разрядилась. Рюккерт не отказался от своих замыслов. Всеми сред-

ствами старался он заручиться помощью магистрата. Потакать Мюнцеру дальше — значит открыто противиться законным властям. Иоганн велел Мюнцеру вести себя тихо, не мутить народ проповедями и ждать решения курфюрста. А что он делает? Он грозит мятежом! Какие еще нужны доказательства, что он и не думает подчиниться? В первое же воскресенье, когда в Альштедт, как обычно, придет много народу, Мюнцер намерен выступить с проповедью. Новое слушание! Не удобный ли это повод, чтобы скрутить возмутителя?

Он уже собирался идти в церковь, когда вдруг у дверей башни раздались крики. Оттилия выглянула в окно. Томаса хотели повидать представители магистрата.

Миссия была не из приятных. Они заметно волновались. Их уполномочили предупредить Мюнцера, что проповедь его не состоится. Власти города не желают брать на себя ответственность за его крамольные речи. Он обязан выполнить волю герцога и остаться дома. Если он не внемлет голосу рассудка, то магистрат воспрепятствует силой.

Он должен молчать, как пес бессловесный? Но разве он может перестать возглашать истину?

Посланцы ушли. Томас распахнул окно. Ему трудно было дышать.

Рюккерт, собрав своих сторонников, решил напасть на Мюнцера. Еще в Веймаре он подсказал герцогу удачную мысль. Зачем Иоганну углублять распрю со своими подданными? Все само собой разрешится, если дело Мюнцера рассматривать как ссору невоздержанного на язык проповедника с мансфельдским графом. Отличнейший выход! Отправить Мюнцера к Эрнсту, в Хельдрунген! Пусть сам граф, человек злопамятный и свирепый, сдерет с него кожу — старые между ними счеты. Ни герцог, ни альштедтские власти тут ни при чем, они лишь испол-

няли давний приказ курфюрста. Магистрат поддержал шультейса. Томас вознегодовал: советники, которые клялись в верности Евангелию, теперь заодно с Рюккертом. Доходные места им во сто крат дороже правды!

Добровольно отдаться в руки врагов, чтобы, учинив расправу, они потом хвастались, будто задушили сатану? Как бы не так!

Его окружали надежные люди. По всему было видно, что они, не задумываясь, пустят в ход оружие, если Рюккерт попытается запереть в подвал брата Томаса. Шультейс не двинулся с места.

Снова призвать рудокопов? Опираясь на подмастерьев и горнорабочих, захватить власть? А дальше? Разве маленький городок один отобьется от войска курфюрста, когда восстание еще не подготовлено?

Оставаться в Альштедте и бездействовать нельзя. Даже если Рюккерт и отказался от намерения его арестовать, Томас все равно не может сидеть сложа руки и покорно ждать, пока ему вынесут приговор. Сейчас лучше уйти из Альштедта. В альштедтцах он был уверен: они не подведут, когда надо будет подниматься на борьбу. А советники — разве дело в кучке предателей и трусов?

С ним согласились и Бартель Крумп, и Бальтазар, и Петер Вармут.

Он поцеловал сына, обнял Оттилию.

Под покровом ночи он перелез через городскую стену — ворота тщательно охранялись — и скрылся в темноте.

ПОДЖИГАТЕЛИ ПРИХОДЯТ ДО РАССВЕТА

Утром в придорожной харчевне Томас потребовал чернил. Возмущение жгло его душу. Пусть изменники, по сравнению с которыми и Иуда младенец, не рассчитывают на безнаказанность!

Он не закончил письма, принялся за второе, но и его не отправил. Какой смысл теперь давать волю своему гневу? Мысли Мюнцера обратились к Цейсу. Несмотря на паскудную должность, шоссер порядочней других. Он обязан был не выпускать Мюнцера из города, а в случае его бегства снарядить погоню и немедленно донести в Веймар. Томас уверен, что

Цейс не будет особенно торопиться. Пусть оправданием его медлительности станет записка Мюнцера. Он взял себя в руки и начал писать спокойно. Своим «братьям», советникам, он послал письмо, которое просил прочесть в присутствии шоссера. Он не помышляет о бегстве. Просто дела в деревне заставляют его на время покинуть Альштедт.

Мимо харчевни проезжали телеги. Томас узнал одного из возниц. Им было по дороге. Мюнцер забрался на подводу. Доски приятно пахли хмелем.

Исполняя поручение князей, Лютер ездил по Саксонии и проверял проповедников. Он получил власть отрешать от должности всех, кого находил нужным. Как только до него дошли слухи, что Мюнцер намерен обосноваться в Мюльхаузене, он тут же взялся за перо. Крупный имперский город станет очагом заразы? Лютер охотно посетил бы Мюльхаузен, но заботы, связанные с выпуском в свет его произведений, вынуждают его спешить обратно в Виттенберг.

Берегитесь лжепророка Мюнцера, этого хищного волка в овечьей шкуре! Всюду, где он ни побывал, особенно в Цвиккау и Альштедте, прекрасно знают, каков он. В проповедях и писаниях Мюнцер призывает к мятежу и кровопролитию. Он рассылает повсюду тайных гонцов, которые тьму предпочитают свету. Если вас не убедят мои слова, то вы сами скоро поймете, сколь безумно их учение. Я хочу уберечь вас от опасности и ущерба. Не принимайте Мюнцера! Если вы ослушаетесь, то станете причиной собственных несчастий.

Как встретить Альштедтского беса, если он покажется в городе? Ведь почтенный магистрат не звал его? Мюнцера следует публично спросить, кто его прислал. Если он ответит, что прислан богом, то сразу же потребуйте доказательств. Коль он не сможет явить чуда, гоните его прочь!

Доктор Мартин бил наверняка. Хитрая bestия! Но он опоздал.

Томас не стал спрашивать, разрешат ли ему поселиться в Мюльхаузене. Он не ждал ни приглашений, ни торжественной встречи. Мюнцер знал, что власти настроены против него: связь Пфейфера с Альштедтом была им давно известна. Друзья помогли ему незаметно пробраться в город. Когда магистрат получил письмо Лютера, то не смог уже ничего сделать. Мюнцер был в Мюльхаузене, и народ предместий стоял за него горой.

С первых же дней Томас отдавал все силы проповеди своего учения. Тираны любят рассуждать о законности их власти, а сами употребляют ее лишь на то, чтобы всячески притеснять людей. Короче, один христианин не должен безжалостно, как мясник, разделять другого. А раз важные птицы не хотят этого прекратить, остается единственный выход — отобрать у них власть!

Хотя Мюнцер и нашел, что мюльхаузенцы не столь решительны, как он предполагал, но чувствовал себя в городе прочно. Вскоре сюда перебралась и его семья.

Вокруг Мюнцера всегда были люди. Случалось, прямо на улице он подолгу говорил о том, какие перемены необходимо осуществить, чтобы устроить жизнь по слову божьему. Разве этого требует священное писание? Мюнцер тут же разбивал все сомнения. Присев на первый попавшийся камень или ступеньку, он учил истинному Евангелию. Всю жизнь следует подчинить принципу общей пользы. Нечестивые, противящиеся этому, не имеют права жить!

Когда Томас оставался один, он работал над начатым еще в Альштедте ответом Лютеру. Острый, беспощадный памфлет до конца разоблачит книжников, которые, обманывая народ ложной верой, помогают угнетателям сохранять свою власть.

Памфлет назывался «Хорошо обоснованная защитительная речь, или Ответ лишенной духа, сладко живущей Плоти виттенбергской, которая обманым образом, украдая священное писание, так гнусно осквернила несчастное христианство».

Доктор Люгнер высмеивает истинный дух веры и, словно фиговым листком, прикрывает бесстыдную ложь библией. Он, тщеславнейший из книжников, с каждым днем набирается все большего чванства. Стоило только Мюнцеру отвернуться от подхалимствующих плутов, как они тут же из бешеной зависти и злобы принялись его травить. Они не поняли настоящей веры и ведут себя, как обезьяны, которые, подражая сапожнику, берутся шить башмаки и только изводят кожу. Они хвастаются знанием библии, намарывают целые книги и твердят все упорней: «Верь! Верь!» — а сами вообще не имеют веры. Никто из них не станет проповедовать, если ему не пообещают сорок или пятьдесят гульденов, а кто поважней, тот требует и двести. Они учат только ради того, чтобы жить припеваючи и наслаждаться почестями.

Черный виттенбергский ворон напустился на Мюнцера за то, что тот презрел мирские блага — падаль, на которой Лютер с удовольствием сидит. Он боится ее потерять и поэтому так снисходителен к сильным мира сего.

Архиплут, корчащий из себя нового папу, науськивает власти на воров и разбойников, но умалчивает об источнике всякого преступления. А ведь главная причина ростовщичества, воровства и разбоя — это наши господа и князья, которые присвоили все: рыб в воде, птиц в небесах, злаки на земле. Все принадлежит только им! Они старательно повторяют беднякам божью заповедь «Не укради!». Сами же дерут три шкуры с бедных пахарей и ремесленников. Но если кто посягнет на господскую собственность, будь то хоть капля, его тут же тащат на виселицу. А доктор Люгнер благословляет палачей!

Многие сейчас радуются, что не надо платить попам налогов, и не видят, что стало в тысячу раз хуже, чем прежде: людей поганят вреднейшими учениями. Лютер низкими уловками защищает тиранов и помогает оправдывать их злодейства. Христос, мол, страдал и нам велел! Носясь со своим гнусным

смирением, Лютер учит покорности властям. Он не хочет приняться за князей, хотя они заслуживают кары больше, чем остальные.

Всеми силами старается он отпугнуть людей от учения Мюнцера, говоря, что оно бунтарское. Бунтарское? Господа сами виноваты, что народ их ненавидит. Они не хотят уничтожить корень всякого возмущения. «А если я это провозглашаю, то я бунтарь! Пусть так и будет!»

Выступить против Мюнцера на широком публичном диспуте Лютер боится. Он не желает, чтобы его называли гонителем правды, и подталкивает вперед князей. Пусть они преследуют бунтаря Мюнцера!

Отче Пролаза любит твердить о своем простодушии, а поступает, как хитрый лис. Он предпочитает действовать исподтишка. Он вообще поносит только тех, кого выгодно, правителей же не трогает и пальцем. Он обманул людей ложной верой, а теперь, когда надо исправить положение, не делает этого и пресмыкается перед князьями.

Памфлет писался очень остро. Беспощадные обвинения сменялись разящей насмешкой. Но через все эти гневные, грубые, язвительные и блестяще написанные страницы красной нитью проходила мысль о том, что народ, раскусив нового папу, не даст ввести себя в заблуждение, поднимется на борьбу с тиранами и добьется свободы. А таких, как Лютер, ждет заслуженная кара.

«Тебя, доктор Люгнер, — кончал Томас «Защитительную речь», — постигнет судьба пойманного лиса. Народ станет свободным, и один лишь бог будет над ним господином!»

Стояли горячие дни. Работа над памфлетом, проповеди, сходки, подготовка решительного выступления против засилья толстосумов — всему этому Мюнцер отдавался самозабвенно.

Вместе с Пфейфером он составлял требования, чтобы предъявить их магистрату. Власть принадлежит общине. Она избирает новый, Вечный совет, который будет во всем руководствоваться божьим

словом. Община следит, чтобы соблюдался принцип общей пользы. Ни один человек, запятнавший себя корыстолюбием, не допускается к власти. Никакие перемены, от кого бы они ни исходили, не будут терпимы, если они не ведут к еще более полному осуществлению принципа общей пользы. Совет вечен, но его члены могут быть в любое время сменены, коль начнут они зазнаваться и себя считать господами. Никого нельзя против воли выбрать в совет. Каждый советник, чтобы не было повода грабить город, получит жалованье. Но если он станет попирать право, то его ждет смертная казнь.

Несдобровать тем, кто попытается мешать введению новых порядков. Члены магистрата, вероятно, не согласятся с этими статьями. Как с ними поступить?

Церковь испокон веков подвергала непокорных отлучению, превращала их в отверженных, с которыми никто не должен был делить ни хлеба, ни крова. Разве народ имеет меньше права, чем церковь? Своих врагов он будет наказывать «светским отлучением»! Еще во времена «Башмака» крестьяне с презрением отворачивались от тех, кто отказывался вступить в их тайный союз. Погаснет у отступника печь — соседи не дадут ему огня, никто не придет к нему в дом на крестины, а когда он сдохнет, его не станут хоронить.

И в Мюльхаузене община не будет поддерживать никаких отношений с теми, кто не одобрит новых порядков! Магистрат доживает последние дни. Действовать надо немедленно и без колебаний!

Вести с юга наполняли сердце радостью. У границ Швейцарии начались крестьянские волнения. Ночью на полях неизвестные поджигали копны хлеба, которые как десятина предназначались церкви. Горели овины. В штюлингенских землях вспыхнул настоящий бунт. Жители нескольких деревень отказались повиноваться. За короткий срок собралось шестьсот человек. Отряд возглавил бывший ландскнехт, опытный в военном деле.

Вот они, первые зарницы!

Вальтин Эмен женил сына. В понедельник, 19 сентября, дом у Верхнего рынка наполнился гостями. Свадьбу играли весело и шумно. Хозяин не жалел ни пива, ни вина. Гуляй, честной народ! За столом было много пьяных. Одни горланили разудалую песню, другие спорили. Захмелевший Каспар, судейский писарь, привязался к бургомистру с попреками. Родеман, человек заносчивый, резко его оборвал. Возмутившись, Каспар высыпал на голову бургомистра кучу ругательств. Родеман кликнул стражу, приказал схватить обидчика и запереть его в Большой подвал.

Весть об этом мгновенно облетела Мюльхаузен. Бургомистр осмеливается, как и в прежние времена, чинить самоуправство! Дело, разумеется, не в Каспаре. Если он виноват, то будет наказан. Но никто не может быть брошен в тюрьму, если его проступок по закону карается только штрафом. Сколько сил стоило горожанам обуздать своеволие бургомистров, а теперь Родеман снова принимается за старое!

Мюнцер и Пфейфер были единодушны. Этого нельзя спускать! Пора!

Стражу отгеснили. Ахтманы потребовали ключи от подвала. На улице Каспара встретили криками торжества. Он не понимал толком, что происходит, и оторопело смотрел на окружающих. Почему ему не дали погулять на свадьбе?

Его привели в дом, где продолжалось пиршество. Родеман вспылил. Но напрасна была его ярость. Каспар остался на свадьбе, а бургомистра заставили пойти в ратушу. По дороге на него со всех сторон сыпались проклятья и угрозы. Если бы не ахтманы, не сносить бы Родеману головы.

Второй бургомистр, Веттих, был не лучше первого. Подмастерья направились к его особняку и наткнулись на закрытые двери. Веттих долго не выходил. Пусть-ка он поторопится! Дела, о которых намерены с ним говорить, касаются всей общины. Или он хочет, чтоб от его дома остались одни головещ-

ки? На Веттихе не было лица, когда он спускался со ступенек.

В ратуше бургомистры пообещали собрать завтра магистрат и все уладить.

Была уже ночь. У Фельхтских ворот и у ратуши стояли вооруженные люди — настороженные, недоверчивые.

Утром стало известно, что незадолго до рассвета оба бургомистра скрылись из города. Вот вам и клятвы! Они не хотели ни под каким видом соглашаться с домогательствами черни и терпеть рядом с собой ахтманов. Родеман и Веттих утащили с собой маленькое черное знамя с гербом Мюльхаузена, серебряную печать и несколько ключей от ворот. Кроме того, они увели принадлежавшую горбду лошаадь. Проклятые конокрады!

Магистрат пребывал в растерянности. А в это время в городе начали громить монастыри и церкви: разбивали статуи, рвали священные покровы, вышвыривали в грязь иконы. Впредь никто больше не будет поклоняться идолам! Толпа неистовствовала. О, если бы ее гнев был обращен только на духовенство! Сомнения продолжались недолго. Бунтовщики требовали ни больше, ни меньше, как отмены всех налогов и поборов, изгнания попов и передачи власти народу. Так вот что значит в толковании Мюнцера «жить по божьему слову»!

Советники хитрили: вправе ли они решать такой серьезный вопрос, когда оба бургомистра отсутствуют? Необходимо дождаться их возвращения или избрать новых.

Бургомистры нашли прибежище в Лангензальце. Туда спешно снарядили гонца, который был уполномочен настаивать, чтобы они приехали обратно и вернули похищенное. Родеман и Веттих отказались наотрез. От них требуют знамя и печать? Нет, они не желают, чтобы печать вольного имперского города попала в руки черни!

Боясь расправы, еще десять членов магистрата тайком бежали в Лангензальцу.

Даже самые старые ткачи не помнили такого собрания. Люди, которые обычно вершили всеми цеховыми делами, люди осмотрительные, зажиточные и добропорядочные, не могли ничего поделаться с крикунами подмастерьями. Те не давали им рта раскрыть. Пусть-ка они лучше помолчат да послушают, что скажут другие. Есть еще, слава богу, люди, занятые не вытягиванием у ближних последнего гроша, а защитой правды. Брат Томас лучше остальных знает, как надо поступать. Слушайте брата Томаса!

Он говорит о беспредельной злобе властителей, которые готовы всех праведных отдать палачам на распятие. Беглые бургомистры, эти упрямые головы, плетут разные небылицы. Необходимо, чтобы происходящее в Мюльхаузене было бы понятно жителям соседних городов и крестьянам. А для этого нужно собрать воедино обвинения против магистрата, рассказать о непоправимом вреде, который причинен городу. Десятилетиями попирали общую пользу, надували, обманывали. Эти обвинения должны быть напечатаны. Тогда всем будет видно, что собой представляют изменники. Мюльхаузенцев же станут хвалить как мудрых людей. Простой народ, слава богу, выступает повсюду защитником правды!

Ограничиться жалобами, спрашивает Томас, и ждать, пока власть имущие образумятся?

Десятки людей закричали одновременно. Такого не случится и до второго пришествия. Достаточно натерпелись! Долой! Долой советников! Пусть убираются к предателям в Лангензальцу!

Подмастерья были настроены очень решительно. Пфейфер и Мюнцер предложили принять составленные ими требования о передаче власти общине и о выборах Вечного совета.

Это предложение вызвало целую бурю радостных и грозных выкриков. Когда началось голосование, почти никто не осмелился перечить большинству. Из всего цеха льноткачей, самого многочисленного в городе, только четыре голоса были поданы за старый магистрат.

Предместья настаивали на смещении магистрата. А в самом городе обстановка была иной. Лишь один из четырех кварталов, квартал, непосредственно примыкавший к той части предградья, где задавали тон сторонники Пфейфера и Мюнцера, высказался за Вечный совет. Внутри цехов тоже шла борьба. Мастера изо всех сил противились воле подмастерьев.

Отцы города, оправившись от замешательства, вызванного бегством бургомистров, отвергли предъявленные им требования. Они готовы были принять бой. Ни одна из партий не могла рассчитывать на победу собственными силами. Исход борьбы решит помощь со стороны. Магистрат обратился к своим давним союзникам. Эрфурт, Гозлар и Нордхаузен обещали поддержку. Ландграф Филипп Гессенский и герцог Георг Саксонский предлагали изгнать мятежных проповедников.

Переписка и переговоры с союзниками — дело затяжное. Очень важно, как отнесутся к событиям в Мюльхаузене крестьяне окружающих деревень. И магистрат и его противники прекрасно это понимали. Из ратуши во все стороны рассылали гонцов. Крестьяне, конечно, помогут властям навести порядок — ведь кто страдает больше мужиков, если вспыхнет межусобица и пойдут грабежи и пожары? В деревни из предместий тоже были посланы ходоки, которые объясняли, что происходит, рассказывали о Вечном совете, читали письма и обращения Пфейфера, Мюнцера, ахтманов.

24 сентября жители нескольких сел, собравшись, порешили осудить бунт. Их всех очень тревожит, что мюльхаузенцы, затеявая мятеж, поступают не похристиански. Если они не одумаются, то жители округа вынуждены будут искать другого покровительства, ибо без законной власти всех их ждет гибель.

Эта сходка обеспокоила Мюнцера. Крестьяне высказались за старые порядки! Но тревога быстро рассеялась: на сходке были одни богатеи. Большинство же мужиков их не поддержит.

Многие еще спали, когда загудел набат. Пожар! С башен было видно, что горела деревня Больштедт в полутора часах ходьбы от города. Советники собирали людей. Больштедт нуждается в помощи!

Но что происходит? Почему вдруг закрывают ворота и никого не пускают на пожар? Люди — нет, не с баграми и ведрами, а с мечами и алебардами, — даже попытались силой захлопнуть Фельхтские ворота. Подмастерьям, стоявшим в карауле, удалось отбить внезапное нападение. Однако все остальные ворота были заперты и тщательно охранялись. Почему?

Магистрат нанес удар. Он воспользовался суматохой, вызванной пожаром, и, нарушив соглашение с ахтманами, завладел воротами. На улицах кричали: «Кто за законную власть, пусть идет к ратуше!»

«Кто за слово божье, — раздавалось еще громче, — пусть торопится к святому Николаю!»

Во что бы то ни стало магистрат хотел отогнать бунтарей от Фельхтских ворот, отрезать одно мятежное предместье от другого и усмирить их.

Первый натиск был отбит. Вдруг разнесся слух, что к городу приближаются несколько сот вооруженных людей. Это посланцы Мюнцера подняли крестьян! Но правда была горька, как дым пожара. Крестьян привел Керстен Бапст, верный слуга магистрата! Мужики двинулись к Фельхтским воротам. Они кричали, что расправятся с проклятыми поджигателями.

Неожиданность была ошеломляющей. Магистрат с помощью крестьян быстро завладел воротами. Со стен сыпались насмешки. Ловко утерли нос вздумавшим бунтовать дуракам?

В спешке магистрат провел выборы новых бургомистров. Власть полностью восстановлена. Теперь не может быть и речи о каких-то переменах. Жители предместий, объявили повсюду глашатаи, должны завтра утром, как и все остальные горожане, присягнуть на верность магистрату.

Сопrotивляться? Продолжать борьбу? Но на чью поддержку рассчитывать?

Надо было иметь мужество признать поражение. 27 сентября 1524 года Мюнцер и Пфейфер покинули город. С ними ушли и многие их сторонники, все, кто не хотел мириться с победой врагов. Они были убеждены, что борьба за Мюльхаузен еще только начинается. Пусть денежные мешки не пляшут от радости: у них впереди тяжелые дни. Настоящие хозяева города вернутся — и горе коварным злодеям!

Особенно Мюнцера тревожила роль, которую сыграли во всех этих событиях крестьяне. Как магистрату удалось их опутать? Почему они пошли за Керстеном против своих братьев?

Мысли Томаса постоянно возвращались к пожару в Больштедте. Кажется, именно здесь крылась разгадка.

КАНУН ПОТОПА

Все смешалось. Зимой вдруг стало так тепло, что бедняки ходили босиком. Поползли черви. Появились, словно в разгар лета, бабочки. Задолго до срока распустились почки. Потом нагрянули холода,

снегопад и метели. Выдался неурожай. Мор косил людей. Часто рождались уроды: шестипалые дети, ягнята без копыт, телки о двух головах. А прошлой осенью, в позднюю пору, вторично зацвели деревья.

Небо то сверкало огненными хвостами комет, то разверзалось потоками ливней. Реки выходили из бе-

регов. В полуденных странах гремели небывалые землетрясения. Над одной деревней бились меж собой аисты, над другой — стая галок налетела на ворон. Чудесные знамения множились. На солнце появились круги и факел, а на луне ясно был виден крест. Что все это значит? На Рейне посреди бела дня вдруг раздался в воздухе страшный грохот, крики, лязг оружия, словно шло гигантское сражение. От молвы о надвигающихся несчастьях мгновенно трезвели пьяные.

Толкователей было хоть отбавляй, но никто не предсказывал добра. Все сходились на одном: быть великой беде. Куда уж дальше? Задавленные нуждой люди с тревогой смотрели в небо. Какое еще испытание пошлет им господь: всеобщую межусобицу, повальные болезни или истребительное нашествие турок? Но были среди крестьян и люди, которые утешали других: «Не страшитесь — все это признаки приближающегося переворота, после которого наступит тысячелетнее царство справедливости!»

Теперь часто вспоминали одно давнее пророчество: «Кто в двадцать третьем году не умрет, в двадцать четвертом не утонет, а в двадцать пятом не будет убит, тот скажет, что с ним произошло чудо».

Недалеко от Мюльхаузена Томас расстался с большей частью своих спутников. Каждый из них должен был идти в заранее намеченное место — кто в Саксонию, кто в Гарц, кто в Эйхсфельд. «Союзы избранных» будут везде! Мюнцер вместе с Пфейфером направился через Тюрингенский лес во Франконию. Он хотел добраться до Шварцвальда, где начались крестьянские волнения, но прежде должен был напечатать «Защитительную речь». Сделать это было удобней всего в Нюрнберге, город лежал по пути на юг, а главное — там были необходимые знакомства. Томаса волновала судьба «Разоблачения ложной веры». Рукопись Мюнцер отдал своему близкому другу, книгоноше Гансу Гуту. По последним сведениям, Гут находился в Нюрнберге.

Томас спешил, но он никогда не упускал возможности говорить с крестьянами. Он подходил к работавшим в поле, затевал разговоры на рынке, подсаживался к мужикам на постоялом дворе или собирал в избе, где оставался ночевать, вокруг себя десяток слушателей. После таких бесед крестьяне посылали за соседями, устраивали где-нибудь в лугах, у стогов сена или на лесной поляне тайную сходку. Он часто был свидетелем споров о «божьем праве». Еще со времен «Башмака» крестьяне мечтали добиться «божьего права», но это требование было весьма расплывчатым и неопределенным. Теперь новые идеи овладевали умами, и люди поновому затолковали и о божьем праве.

К его речам прислушивались очень внимательно. Брат Томас лучше других знает, в чем суть божьего права, о котором теперь судачат в каждой корчме и на каждой ярмарке.

Жить так дальше крестьянину невозможно: он совсем уже гибнет под бременем бесчисленных тягот. Это несправедливо, и господь не может этого поощрять. Значит, само божье право требует перемен. Но почему тогда лютеровы проповедники, которые любят рассуждать о равенстве всех людей во Христе, сразу же начинают попрекать мужиков, что они слишком «плотски» понимают Евангелие?

Томас не может говорить спокойно. Не в его натуре рассудочные и холодные поучения. Плевал он на такое богословие, которое стремится, чтобы в мирских делах все осталось бы по-прежнему! Если ограничиться только тем, что поносить одних попов, тогда не стоило и начинать. Грош цена такой реформации. Виттенбергский папа озабочен, как бы лучше подладиться к князьям. Он знает, как их умилостивить, — кладите, мол, с чистой совестью в собственный карман церковные владения. А когда мужик замыслит облегчить свою долю, Лютер тут же дает ему по рукам: не понимай Евангелие плотски!

Народ жаждет освобождения. И он будет свободен! Никто не должен стоять над народом, никакие

власти — один только бог! Устроить все по-божьему праву — это значит создать совершенно новый уклад жизни, в основе которого будут лежать общая польза и равенство.

Возбуждение Мюнцера передается окружающим. Все они, как один, хотят сражаться за божье право.

Когда затихают восторженные крики, раздаются голоса, полные озабоченности и сомнения. Но как добиться божьего права? Соглашением с господами? На это мало надежды. Силой? Но ведь Евангелие запрещает всякое насилие.

Запрещает? Нет! Он говорит, что борьба со злыми — первейшая обязанность человека. Почему носятся с Христом, велевшим Петру вложить меч в ножны? Почему не вспоминают Христа, который сказал, что он принес не мир, а меч? Почему забывают Христа разгневанного и карающего, того, который бичом выгнал торгашей из храма? Так и народ должен гнать всех своих притеснителей.

Ему возражают. Все это, конечно, так, но почему тогда доктор Мартин говорит, что не надо подражать Христу?

О, этот доктор Люгнер! Как у него хорошо работает голова на всякие уловки! Народу постоянно твердят, что страдания надо переносить безропотно, и ставят в пример Христа. Но упаси бог, если народ, замысливший разогнуть спину, сам начнет ссылаться на Христа. Смирение, смирение прежде всего! Княжий угодник и кормится проповедью смирения, как ворон падалью. Лютеру его пуховики дороже правды. Разве не он похваляется, что для него священна каждая буква писания? Его легко припереть к стенке: это в Евангелии сказано, как Христос бичом выгнал торгашей из храма. Но Лютер верток, как угорь: Христу нельзя подражать в его делах, если он сам не предписал этого. Ведь в Евангелии нет фразы, которой Христос бы повелел людям поступать так.

Не буква библии, упрямо повторяет Мюнцер, а живой голос господина указывает людям, как осуществить божье право — силой совершить переворот. Для этого необходимо объединяться в союзы,

имеющие целью полное освобождение народа. Все нежелающие вступить в такое сообщество — враги. Их подвергают «светскому отлучению». Любое общение с ними запрещается. Никто с ними не будет ни есть, ни пить, ни мыться, ни работать в поле, ни доставлять им пищи, ни дров. Их не допустят ни на рынки, ни к общинным лесам и пастбищам.

И пусть не рассчитывает на снисхождение тот, кто противится воле народа и отказывается содействовать торжеству общей пользы!

Мюнцера неотступно преследовала мысль о горьком поражении, которое постигло его в Мюльхаузене. Сопоставив различные известия, он, наконец, понял, как ловко действовали враги.

Вечером, накануне пожара, жителей Больштедта предупредили, что ночью их деревня будет подожжена с четырех сторон. Подожжена? Чего ради? Этому не поверили. Под утро неизвестные злоумышленники и впрямь подожгли деревню. Сильный ветер раздувал пламя, и вскоре по всей округе было видно огромное зарево, полыхавшее над Больштедтом. Люди метались среди горящих изб. Мало что удалось спасти. Плач и стоны мешались с проклятиями. О, если бы знать, кто повинен в пожаре!

Вдруг разнесся слух, что деревня подожжена бунтарями из Мюльхаузена. Многие недоумевали. С какой целью? В это время прискакал Керстен Бапст. Магистрат зовет на выручку крестьян. Они должны помочь обезвредить бунтовщиков, а то и от других сел останутся одни пепелища.

Сомневающихся Керстен разбил наголову. В том-то и дело, что бунтари с умыслом подожгли Больштедт. Зная, что магистрат никогда не оставит в беде больштедтцев, они и надумали поджечь деревню. Когда надежнейшие люди, торопясь в Больштедт, выйдут за стены города, заговорщики воспользуются этим, захватят ратушу, овладеют пушками. А укрепления очень сильны, и отбить их обратно не просто.

Однако бог разрушил бесовы замыслы. Спасательные команды уже готовы были выступить, когда измена была раскрыта. Магистрат приказал немедленно запереть все ворота и никому не покидать города. Заговорщики просчитались. Но они еще сильны, и магистрат зовет своих верных крестьян отомстить поджигателям.

Бапст добился успеха. Двести человек из Большедта и других сел, возмущенные и негодующие, бросились к городу и решили исход борьбы.

Да, на этот раз толстосумам Мюльхаузена удалось обмануть крестьян и натравить их на бедняков горожан. Но больше подобному не бывать!

В Нюрнберге Мюнцер прежде всего разыскал Ганса Гута. Высокий, рыжебородый, с копной золотых волос, Гут чувствовал себя здесь старожилом, и где бы он ни появился в своем черном кафтане и серых штанах, его тут же окликали знакомые. У всех на виду весельчак и балагур, он не вызывал подозрения властей и всегда ловко выполнял порученное ему дело.

Томас может им быть доволен: в разных частях Франконии и в самом Нюрнберге много людей, готовых к борьбе. А что касается «Разоблачения ложной веры», то он не должен волноваться: книга скоро выйдет в свет. Правда, устроить печатание было не просто, но он сумел увлечь идеями Мюнцера типографа Герготта, и теперь его подмастерья стараются вовсю. Там же набирать «Защитительную речь» было рискованно. В случае провала гибнут сразу обе работы. Второе произведение согласился печатать Иероним Хельцель, страсть как любивший всякую еретическую литературу.

От публичных выступлений Мюнцер в Нюрнберге воздерживался. Многие хотели его послушать, но он упрямо отказывался подниматься на кафедру. Среди тех, с кем он особенно сблизился, были не только подмастерья. Трое превосходных художников, любимых учеников Альбрехта Дюрера, называли се-

бя его последователями. Молодой ученый, ректор школы св. Зебальда, Ганс Денк, пылкий мечтатель, водивший подозрительную дружбу со всеми нюрнбергскими вольнодумцами, не отставал от Мюнцера ни на шаг. Все шло хорошо.

Неприятности начались у Пфейфера. Он написал две работы о событиях в Мюльхаузене. Магистрат заинтересовался его произведениями. Их подвергли цензуре и признали вредными.

Разговор в ратуше был коротким. В славном городе Нюрнберге, к счастью, хороших проповедников достаточно. И в таких, как Пфейфер, нет никакой нужды. Всем известно, что он и Томас Мюнцер были причиной мюльхаузенского мятежа. Поэтому пусть-ка он продает свои денежки где-нибудь в другом месте! Ему велели немедленно убраться.

Советники высказались весьма недвусмысленно. Однако о высылке самого Мюнцера приказа не последовало. Ищут они более подходящего повода, чтоб его сцапать? Оставаться было рискованно — все, что он делал, было сопряжено с риском! — но сейчас, когда печатались его книги, Мюнцер не хотел уезжать.

Расставаясь с Пфейфером, Томас говорил, чтобы он всегда помнил о большетедтском пожаре. Успех будет лишь в том случае, если крестьяне поддержат городскую бедноту. Генрих должен идти в Тюрингию и нести крестьянам слово правды. Только с их помощью он сможет вернуться в Мюльхаузен и победить.

Он надеялся, что со дня на день закончат печатать весь тираж «Разоблачения». Но опять пришла беда. Власти следили за типографиями. Странно, подмастерья Герготта и в отсутствие хозяина слишком усердно работают. Нагрянули с обыском и нашли «Разоблачение ложной веры». Так вот почему Мюнцер, этот известный совратитель, задерживается в городе! Отзыв цензора последовал быстро: подобные сочинения служат мятежу, а не христианской любви. Рукопись и четыреста экземпляров, готовых к отправке, были конфискованы и сожжены. Чудом

сохранилась сотня, посланная в Аугсбург. Гута, осмелившегося тайком издавать бунтарскую книжку, и четверых подмастерьев засадили в башню.

Ждать, пока тебя схватят? Мюнцер спешно уехал. Он был полон возмущения. Вот так повсюду расправляются с теми, кто защищает справедливое дело! Теперь эти господа из ратуши будут уверять простаков, что он чуть ли не сегодня собирался поднять бунт. О, если бы он захотел, он бы устроил им славную игру! Но им не помогут уловки. Люди голодны, они хотят и должны есть. Сладок, очень сладок толстосумам пот рабочего люда, но скоро он станет им горше желчи!

У него не было денег на лошадь, и он почти все время шел пешком. Путь был трудным и длинным. Когда Ганс Денк узнал, что Мюнцер отправляется на юг, в районы волнений, он посоветовал ему обязательно заехать в Базель. Там обосновались бежавшие из Германии противники папистов и Лютера, люди, которых было бы очень полезно привлечь на свою сторону. Они хорошо знают, что происходит в Швейцарии и прилегающих землях, где бунтуют крестьяне. Денк, работавший прежде корректором в одной из базельских типографий, особенно советовал повидаться с Иоганном Эколампадием, видным ученым, другом Гуттена.

Когда в начале ноября Мюнцер пришел в Базель, то от усталости и голода едва держался на ногах.

Ульрих Гугвальд, руководитель школы риторики и приятель Гута по делам, связанным с книжной торговлей, предложил ему остановиться у себя. Давно порвав с церковью, Ульрих использовал свое блестящее знание латыни для беспощадных нападков на духовенство. К Лютеру он не примкнул: тот казался ему слишком умеренным. Он так же, как и Мюнцер, хотел, чтобы люди были счастливы на земле, и отмахивался от всех посулов небесного блаженства. Ульрих всей душой сочувствовал крестьянскому горю.

Встречу с Томасом он воспринял как счастливейший дар судьбы. Люди, хорошо знавшие Ульриха, уверяли, что под влиянием Альштедтца он стал совсем другим человеком.

Гугвальд и привел Мюнцера к Эколампадию. Тот принял их радушно и оставил ужинать. Пока беседа шла о Лютере, особых разногласий не возникало. Эколампаций терпеть не мог виттенбергского папу. С вопросом о вторичном крещении было сложнее: хозяин склонялся к мысли, что крестить взрослых все-таки надо, а Мюнцер ему возражал. Однако настоящий спор разгорелся, когда заговорили о самом понимании реформации. Эколампаций высоко ценил Цвингли. Тот уже больше года, как провозгласил, что и в мирских делах необходимо держаться Евангелия, но осуществлять перемены следует, не пуская в ход меча.

Опять покорность властям? Мюнцер горячо спорил.

— Невелика радость, что Цвингли идет дальше Лютера. Этого мало. Править должен народ! — Эколампаций не соглашался. Один лишь господь может отбирать власть и передавать ее в другие руки. Если правители не выступают против бога, подданные обязаны им во всем повиноваться.

Ну, а если правители нарушают божью волю, то как тогда? Цвингли учит, что община имеет право сместить такую власть. Положение становится трудным: как ее сместить, раз насилие противоречит духу Евангелия? Восставать нельзя, а потворствовать нечестивому монарху тоже грех. Весь народ должен единодушно — в таком случае это, разумеется, не мятеж! — отвергнуть тирана.

О, эти любители останавливаться на полдороге! Как они ловко прячут за евангельскими фразами свой страх перед народным восстанием! Дальше спорить не имело смысла. Мюнцер сказал, что завтра уезжает. Хозяин был весьма огорчен. Он рассыпался в любезностях и просил, чтобы Томас перед отъездом обязательно зашел проститься.

Томас уехал не попрощавшись.

Еще в Нюрнберге он получил два письма от цюрихских анабаптистов. Письма были адресованы в Альштедт, но гонец, который должен был их доставить, не застал уже Мюнцера ни там, ни в Мюльхаузене.

Чего они только не понаписали! Познакомившись с его работами, они радовались, что нашли в нем единомышленника. Но они засыпали его возражениями. Какой толк от похвал, если они расходились в самом главном? Было ясно, что в Цюрихе среди анабаптистов победили умеренные из умеренных. Они писали, что нельзя защищаться мечом. Истинные христиане — это овцы среди волков, агнцы, обреченные на заклание. Библия — единственная защита против князей и Лютера. Хватит! Он не имел охоты ни отвечать им, ни, тем более, ехать в Цюрих. Его ждали дела поважней.

Из Базеля Мюнцер поехал в самую гущу событий — туда, где как лесной пожар все ярче и шире разгорался огонь возмущения.

На первый взгляд штюлингенский бунт, вспыхнувший летом, ничем не отличался от обычных крестьянских волнений. Год был очень тяжелым. Зимой сгорели мельницы, потом налетели страшные бури. Град побил посевы. Закрома были пусты. В деревнях не слышно стало песен. На душе — заботы, тревоги, страх. А тут еще господа со своими корыстными выдумками! Им нет никакой печали, что мужик, надрывавшийся на поле, стоит теперь у кучки тощих снопов. Что им убиваться — они свое получают, а другие хоть с голоду подыхай!

Графине фон Лупфен и в голову не приходило считаться с крестьянами. Она велела в праздник идти по ягоды и собирать улиток. Ее приказ был той искрой, от которой занялось пламя. Но разве дело в одной этой вздорной графине? Больше не было сил терпеть. С каждым годом становится хуже: господа не довольствуются существующими поборами, а изыскивают все новые.

Крестьяне хотели только одного: отмены новшеств, которые дополнительным бременем ложатся на их спины. Они не противятся старым повинностям.

Но нельзя же, чтобы господа смотрели на них, как на свою собственность, и заставляли делать все, что им заблагорассудится. Так скоро, смотришь, их начнут и продавать!

Вначале власти не придали штюлингенским беспорядкам особенно серьезного значения. Однако вскоре обнаружилось, что зараза непокорности перебрасывается из села в село. На сходках — доносили лазутчики — выступают какие-то подозрительные люди, они подстрекают мужиков громить монастыри, не платить налогов и не работать на барщине. Бог создал всех равными, и никто не обязан быть в услужении у другого!

Здесь было над чем призадуматься. Лишь бы взбунтовавшиеся мужики не действовали заодно с вероотступниками из Вальдсхута!

Маленький город, лежавший у швейцарской границы, давно уже привлек к себе пристальное внимание властей. Вальдсхут был рассадником крамолы. Тут свил себе гнездо очень опасный человек — Бальтазар Губмайер. Сперва он проповедовал в духе Лютера, но, связавшись с Цвингли, стал решительней. Власти пытались запретить ему выпады против духовенства, но это только увеличило его пыл. Он принялся учить, что светские правители не должны мешаться в духовные дела. Жители Вальдсхута были за него горой. Тогда стало известно, что против города готовится поход. Что было делать? Как раз в это время взбунтовались штюлингенские крестьяне. Губмайер увидел в них союзников. Большой отряд крестьян вступил в Вальдсхут. Сторонники примирения забили в магистрате тревогу. Если так будет продолжаться, то ссору добром не закончить. Губмайеру пришлось перебраться в Швейцарию.

Город направил к властям посольство и просил, чтобы его не подвергали наказанию. Послов встретили упреками и бранью. Они совершенно отравлены

ядом ереси, коль осмеливаются в чем-то ограничить своего законного князя. Чего они хотят? Послы ответили: «Права, и только права!» Их снова осыпали руганью: «Какое там еще право? Ваше право — это ваш князь!» Вальдсхут непременно будет наказан!

Неудача посольства еще больше сблизила вальдсхутцев с крестьянами. Ведь те и другие ищут права — нет, не такого, когда любая прихоть тирана почитается законом, а настоящего, высшего, божьего права!

Размах волнений наводил господ на пугающую мысль о новом «Башмаке». Нужно, пока не поздно, расправиться с бунтарями — послать карателей в штюлингенские деревни и обложить войсками Вальдсхут. План этот был очень хорош, да осуществить его было не просто. Тесная связь крестьян с Вальдсхутом заставляла усомниться в успехе такого похода. Применение оружия могло развязать всеобщую межусобицу, идти на которую Габсбургам сейчас, когда они, воюя с французским королем, завязли в Италии, было слишком несвоевременно и рискованно. Надо было улаживать дело иначе: вступить в переговоры с крестьянами и добиться их разрыва с вальдсхутскими реформаторами. Лучше по отдельности разбирать десятки жалоб, чем столкнуться — упаси бог! — с общей крестьянской программой.

Когда начались переговоры, обсуждение тяжбы шло довольно гладко. Но как только представители крестьян узнали, что их собираются облагать штрафами за участие в бунте, они запротестовали. Князя согласились заменить пеню покаянным шествием: все, кто участвовал в беспорядках, должны направиться к ландграфу и просить прощения.

О повинностях договорились сравнительно легко. Господа пошли на незначительные уступки, зато в главном одержали верх: новшества и отклонения от древних местных обычаев объявлялись незакон-

ными, но все, чему крестьяне издавна были обязаны своим господам, они обязаны делать и впредь.

Радости такое соглашение крестьянам не принесло. Почти все остается по-старому: основное бремя, как и прежде, будет сгибать мужика в три погибели. Господа, выходит, опять правы — каяться должны крестьяне! Особенную ненависть вызывало требование отказаться от союза. Князя и их прислужники знают, чего хотят. Они торопятся лишить мужиков их братского сговора, заставить распрощаться со знаменем, сдать пищали и арбалеты, добытые с таким трудом. Они желают иметь дело не с крестьянским объединением, а с отдельными деревнями, чтобы поскорей вернуться к своему тиранству. Как только они уничтожат этот союз, они наплюют на все грамоты и снова примутся за старое.

Многие деревни отказывались подчиниться договору. Пусть не трогают ни их клятвенного союза, ни знамени, ни права носить оружие! Тех, кто послушно принимал соглашение, стыдили и ругали. Неужели им не надоело быть рабами? Им грозили расправой. Покорность — это уже измена!

Господа посылали на сходки своих людей. Зря, мол, мужики вступают в сговор с соседями? При чем тут соседи, когда все можно решить миром, между собой? Если они перестанут устраивать сборища, то господин согласен милостиво рассмотреть их жалобу. Раз они видят божье право в сохранении местных обычаев, то следует вернуться к старому.

Поначалу такие речи имели успех. Но это продолжалось недолго. Неизвестные смутьяны пробирались из села в село. Они уговаривали не верить пустым обещаниям. «Ну и ловко же хотят вас одурачить! Надо добиваться не возврата к старым порядкам, а настоящего права, и не для десятка дворов, а для всего крестьянства! Хватит составлять прошения и надеяться, что суд, где восседает кривда, поможет нам. Нечего ждать добра от хитрых нотариусов, которые с важным видом копаются в подложных грамотах. Мы сами достаточно сильны, чтобы, объединившись, добиться свободы!»

Время отдельных вспышек недовольства и неповиновения прошло. Назревал всеобщий мятеж. В начале октября восстали крестьяне Гегау. Вскоре к ним присоединились штюлингенцы, которые еще недавно дали провести себя обманным договором. В ноябре смута охватила и Клеттгау.

«Тяжело смотреть на все, что тут происходит, — доносили габсбургским властям, — и можно опасаться, что дело дойдет до великой межусобицы. Здесь все очень дико, странно и тревожно».

„ДЬЯВОЛ ДЕЙСТВУЕТ ЧЕРЕЗ СМЯТЕНИЕ УМОВ!“

авно уже враги окрестили его «одержимым». И он был одержим настойчивой и властной мечтой о великом перевороте, о возмездии, о добытом в сражениях торжестве справедливости. И теперь эти

жаркие и бурные осенние дни требовали всех его сил. Он жил в страшном напряжении. Беспощадный к себе, он забыл об отдыхе и мало спал.

Люди поражались его выносливости. В самый поздний час в любую погоду он отказывался от ночлега, если спешил в соседнюю деревню. Была лошадь — ехал, не было — шел пешком. Он часто отправ-

лялся в путь без провожатых. Надо было торопиться. Его не останавливали ни горные дороги, ни тропинки, петляющие по кручам, ни глухие проселки в черном ночном лесу. Он знал об опасности. На рыночных площадях оглашали приказы задерживать и передавать властям всех подозрительных, будь то дворяне, монахи или нищие. За головы смутьянов, подбивающих мужиков на бунт, сулили изрядную награду, и там, где было поспокойней, досужие рыцари охотились за чужаками.

Он везде без устали повторял: «Не поддавайтесь обману! Не тешьте себя надеждой, что господа по собственной воле пойдут на уступки!»

Одинаково горячо говорит он и на большой сходке, где-нибудь на опушке леса, и перед десятком мужиков, засидевшихся в корчме. Нет, он не враг вообще всяких переговоров. Но переговоры переговоров рознь. То, что теперь затевают господа, лишь уловки и обман. Они напуганы, у них нет сейчас под рукой достаточного числа кнехтов, чтобы задавить крестьян. Размах волнений слишком грозен, и они не могут пойти на риск большой войны. Вот они и посылают к мужикам своих ученых прислужников. «Сулите манну небесную и увещивайте по-христиански, пока мы вербуем наемников и закупаем порох!»

Такие переговоры следует отвергать.

Нужно не выпрашивать у господ каких-то милостей, а требовать, чтобы они подчинились общине. Если они согласятся и примут все условия, можно обойтись без вооруженной борьбы и кровопролития. Но если они не захотят этого сделать, то их надо сбросить с престола.

Он знает, как темен еще народ. Тяжело дается ему кусок хлеба. Все помыслы его направлены на то, чтобы не умереть с голоду. Где уж тут разбираться во всех господских хитростях! Томас настойчиво убеждает крестьян: «Не будьте легковерны! Не дайте себя расколоть! Пока вы едины, вас не победит никто!»

И в деревнях, где еще только начинались волнения, и в отрядах восставших ему приходилось сталкиваться с одним и тем же: крестьяне много говорили о своих нуждах, возмущались несправедливостью, они многое хотели бы изменить, но сомневались, законны ли будут перемены. Часть мужиков вообще была настроена только против новшеств и желала соблюдения старых обычаев. Одни требовали полного освобождения, не хотели платить никаких налогов; другие страстно ратовали за право по собственному усмотрению угощать вином соседей или, вступая в наследство, не отдавать лучшей одежды.

Волнения уже охватили большие районы. То там, то здесь крестьяне собирались в отряды. Чего они хотят? Божьего права!

О нем повсюду рьяно спорили. У крестьян не было общей программы. Часто мысль о необходимости коренных перемен тонула в куче мелких требований, нерешительных пожеланий, личных обид, грошовых счетов. Десятки отдельных выступлений еще не были настоящим восстанием. Отсутствие программы, которая бы сплотила большинство крестьян, давало о себе знать на каждом шагу. Даже сойдясь в отряд, выбрав вождя и развернув знамя, мужики часто не знали, что же им делать. Как добиваться правды? Жечь поместья или ждать, пока господа, утраченные поднимающейся бурей, согласятся на уступки? Как поступать с господами — выгонять силой из замков или увещевать? Из отряда в отряд слали гонцов: «А вы что думаете с ними делать?» На сходках царила разногласия.

С первых же дней своего пребывания на юге Мюнцер отдавал все силы тому, чтобы идеи народной реформации стали бы ясны крестьянам.

Суть божьего права — в признании главным принципа общей пользы. Осуществить этот принцип может только насильственный переворот.

Именно такое толкование божьего права и должно слить разрозненные крестьянские бунты в единый и всеохватывающий поток великого восстания.

Наконец и Гут дал о себе знать. Его и четверых подмастерьев, продержав в башне «два дня и ночь», выпустили на свободу. Печатники поклялись, что никогда больше не возьмутся за рукописи, которые не прошли цензуры. Хозяина они не выдали, сказали, что запретную книжку набирали и печатали без его ведома. А Ганс Гут так ловко повел дело: откуда, мол, ему, книготорговцу, разбираться в ученых спорах! — что сумел вырвать у магистрата возмещение убытков. Пусть мюнцера книжка пришлась им не по вкусу, но почему он-то должен терять свои кровные денежки? Получив изрядную сумму, Ганс тут же уехал.

У Иеронима Хельцеля, печатавшего «Защитительную речь», все шло благополучно. Томас был очень доволен. Скоро виттенбергский ворон получит отменный подарок. Но радоваться было рано.

О Бальтазаре Губмайере Мюнцер постоянно слышал и от своих друзей-перекрещенцев и от крестьян, которые видели в «высокоученейшем докторе Бальтазаре» своего защитника и учителя. Взоры крестьян обращались к Вальдсхуту: там борются за право, там смотрят на мужиков, как на братьев, там не боятся ни небесных кар, ни военных приготовлений.

Когда Губмайер вернулся в Вальдсхут, его встретили так, «словно сам бог сошел к ним с небес», — восторженными криками, барабанным боем, великим ликованием. На радостях бросились к церкви, вытащили все иконы, побили лампы, а покрывала с алтарей и хоругви разорвали на куски и сделали из них помочи для штанов.

При той роли, которую играл в начавшемся движении смелый вальдсхутский проповедник, было очень важно, чтобы он не ограничился требованием религиозной свободы, а употребил бы свои силы на избавление народа от господского гнета. Губмайер был тесно связан с Цюрихом, с Цвингли, однако примкнул к перекрещенцам. Он высоко ценил ра-

боты Мюнцера, его учение о «внутреннем слове». Но убежден ли он в необходимости переворота? Сколько уже Мюнцер встречал людей, которых слова «применить силу» ввергали в трепет! А ведь это пробный камень: действительно ли человек хочет, не жалея жизни, добиваться справедливости или же он только любит порассуждать о ней, и поэтому сама мысль о настоящей борьбе пугает и отталкивает его? Губмайер, к счастью, не разделял убеждения цюрихских анабаптистов, что истинные христиане — агнцы, обреченные на заклание. Томасу нравилось, что он, опоясавшись мечом, наравне с другими горожанами нес стражу на стенах Вальдсхута или, усердно работая заступом, помогал строить земляные укрепления. Мюнцер поехал к Губмайеру.

Беседы были откровенными и острыми. Они уважали друг друга, но это не помешало сразу же выявить расхождения. Ну, конечно, Губмайер, верный последователь Цвингли, не так резко, как Лютер, возражает против «плотского» понимания реформации, но и он не склонен смешивать борьбу за слово божье с борьбой за удовлетворение обыденных, земных нужд. Для него самое главное свобода проповеди, и в защиту этой свободы он готов обнажить меч. Он не хочет, чтобы светские власти вмешивались в дела религии. Народ может сопротивляться властям, но право на это дают ему не разорительные поборы и крайняя нужда, а лишь подавление слова божьего.

Не восставать, а единодушно «отвергать» тирана? Не слишком ли туманно? Подобное говорил ему и Эколампадий. Томас требовал ясности. В конце концов Губмайер согласился, что народ вправе силой отнять меч у безбожных тиранов. Но в его устах даже эти слова приобретали иное, чем у Мюнцера, звучание. Для Томаса «безбожным» правителем был всякий, кто угнетает народ, а Губмайер считал «безбожным» только такого князя, который противится богу. Жалобы крестьян на гнет и поборы не главное. Главное, чтобы никто не препятствовал правильно наставлять их в вере.

Общение с Мюнцером не прошло для Губмайера бесследно. Но доктор Бальтазар все еще во многом был верен своему другу Цвингли. Основа учения Мюнцера — мысль о великом, всеобщем, насильственном перевороте — так и осталась ему чуждой.

Необходимость общей программы была еще более настоятельной, чем нужда в оружии. Нельзя допустить, чтобы различные местные тробования, сколь бы оправданными они ни были, помешали крестьянам ясно увидеть перед собой основную цель — завоевание власти народом. Мюнцер и его единомышленники прекрасно это понимали. Их программа была программой борьбы. Она не должна была заменять тех статей, в которые крестьяне разных районов будут сводить свои тробования. Пусть эти статьи, возникающие из местных жалоб, останутся, но только им должно предшествовать введение, где изложены принципы, коих необходимо держаться всюду. Разумеется, когда народ захватит власть, все крестьянские чаяния будут удовлетворены.

Эта программа называлась «Статейным письмом». Речь шла не об одних крестьянах. Бедный и простой люд «городов и деревень» вопреки всякой справедливости задавлен великими тяготами. Дольше терпеть подобное бремя невозможно — или они обрекут себя и всех своих потомков на нищенский посох. Программа и план этого «Христианского объединения» заключаются в том, чтобы с помощью бога освободиться.

Мирный путь не исключен. Добиваться освобождения следует, «насколько это возможно, без применения меча и кровопролития». Однако надо помнить, что это, «впрочем, не может быть осуществлено без братского поощрения и объединения во всех делах, касающихся общей христианской пользы». Эти слова звучали предостережением тем, кто мечтал получить свободу, не пуская в ход оружия. Обойтись без насилия можно только в одном случае: если власть имущие, согласившись с принципом общей пользы, подчинятся

народу. А если они будут противиться, тогда — именно этого требует общая польза! — необходимо совершить переворот.

«Статейное письмо» отвечало и на вопрос, как обходиться с господами. Замки и монастыри — источник и оплот всякого предательства, вреда и гнета. Их сразу же подвергают «светскому отлучению». Если монахи и дворяне добровольно отступятся от своих монастырей и владений, переселятся в обычные дома и будут просить о приеме в «Христианское объединение», их следует принять. Но община смотрит на них как на чужаков и зорко следит за ними. Община определяет, что по божьему праву полагается бывшим господам. Но горе нежелающим подчиняться: их подвергают «светскому отлучению» и изгоняют вместе с женами и детьми.

«Светское отлучение» вводится не для того, чтобы временно покарать господ и пообрезать их права. С господами будет покончено раз и навсегда: согласные честно служить народному делу будут приняты в общину, непокорившиеся — уничтожены или изгнаны.

Духом борьбы было пронизано «Статейное письмо». Да ведь и составлялось оно не для того, чтобы облегчить переговоры. Не вымаливать жалкие уступки, а заставить господ подчиниться. Диктовать свою волю вправе только народ.

Смута не затихала. Попытки успокоить крестьян посулами справедливого соглашения большого успеха не имели. Тревожные вести шли со всех сторон. Там опять спалили принадлежащий монастырю овин, здесь отказались давать аббату яйца и кур. В одной деревне встретили камнями сборщика налогов, в другой — разорили садки. Ночью у замка какие-то горлопаны выкрикивали угрозы и предерзко обзывали благородного рыцаря «старым псом». В господском лесу стучали топоры мужиков. Барину, известному своей надменностью, заявили: «Все мы отныне братья!» Его обрядили в крестьянскую одежду и заставили, встре-

чая мужиков, снимать шапку. Монахам порвали сутаны. Пусть-ка они, лоботрясы, учатся полезному ремеслу. В охотничьем уголье подстрелили оленей. Несколько сел порешили сложиться и нанять ландскнехтов, чтобы те защищали их от господ. Соседи думали иначе: на общие деньги лучше купить пищалей да побольше пороху. Собираясь в отряды, крестьяне присягали не расходиться, пока не настоят на своем. А в Тургау мужики поклялись не брить бороды вплоть до освобождения.

На сходках чаще и громче раздавались голоса, призывающие не верить в полюбовное соглашение с волками дворянами, а силой добиваться правды. Тех, кто, побаиваясь кары, хотел остаться в сторонке, рьяные бунтовщики во всеуслышание поносили как последних иуд и в знак позора вбивали им кол у крыльца. Они крепко держались за знамя и ни за что не желали отдавать оружия, считая, что их сообщество, их сговор, освященный присягой, должен быть непременно сохранен и упрочен.

Видно, наступила година неслыханных бедствий, которую настойчиво предсказывали астрологи и вещуны. Господа и за крепкими стенами не чувствовали себя в безопасности. Страх не ждал, пока перед ним опустят подъемные мосты и отомкнут тяжелые запоры. Хозяином пришел он и в рыцарские замки и в особняки толстосумов. Тревожило все: ночные крики, поджоги, клятвы на сходках, тайные сговоры, невнесенные платежи, разграбленные часовни, вооруженные толпы, подстрекатели, выступающие против переговоров, посланцы подмастерьев в крестьянских лагерях, ширящийся повсюду дух непокорности.

Но куда страшней, чем толпы бунтующих то там, то тут мужиков; были новые, досель неизвестные на строения, которые все больше и больше овладевали умами. Крестьянские выступления, разрозненные и стихийные, можно было подавить. Надо было только выиграть время, поправить финансовые дела, наwerbовать наемников или дождаться, пока несколько ослабнет угроза турецкого нашествия или пока император, воюющий в Италии, побьет французов и пришлет сю-

да часть своих войск. Но как бороться с духовной заразой?

Какие-то злоумышленники всеми силами стремятся сплотить крестьян, связать их с городской голытьбой, объединить всех недовольных под одним знаменем. В этом таилась главная опасность. Теперь попытка вооруженной расправы с бунтовщиками грозила ввергнуть всю страну в кровавую междусобицу. Но и медлить с наказанием непокорных было очень рискованно. Успехи сеятелей крамолы были налицо, и связаны они были с вполне определенным и пагубным толкованием божьего права.

Ярые приверженцы старой веры узрели и в этом вину Лютера. Все мятежи и возмущения вызваны его книжкой «О свободе христианина»! Ведь это виттенбергский ересиарх объявил, что все христиане равны и все в одинаковой степени искуплены драгоценной кровью Иисуса. Вот мужик теперь и требует бог знает чего. Но эти попреки — плод ослепляющей ненависти — были напрасны. Всем существом своим Лютер был против «плотского» понимания свободы. Люди равны, но только во Христе! Царство божье не от мира сего. А здесь, на земле, должно существовать неравенство, должны быть господа и подданные. Мужиков надо облагать тяжелой податью, чтобы души их не преисполнялись гордыни. Каждый должен одинаково честно и безропотно нести свои обязанности: земледelec трудиться на пашне, князь — править. Да будет человек покорен судьбе и властям!

Господа, из тех, кто позорче, не валили на Лютера чужую вину. Конечно, папистам не сладко от его учения, но зато князьям, особенно если они хотят положить в свой карман монастырские доходы, жаловаться не на что: Лютер изо всех сил старается им угодить. Вот с проповедниками вроде Губмайера дело обстоит хуже: они часто хватают через край.

Первое время казалось, что все, даже самые отъявленные смутьяны, орудующие среди крестьян, действуют по прямому наущению Вальдсхута. Однако эти обвинения были чрезмерными. Вальдсхутцы соглашались, что священное писание — источник божьего

права, но решительно возражали, когда крестьяне брались судить, соответствуют ли Евангелию обременяющие их повинности. Это должны делать не темные мужики, а уважаемые ученые из Цюриха или Вальдсхута. А пока они не высказались, все должно оставаться по-старому. Решать же споры, связанные с платежами и повинностями, должны сами власти. Даже габсбургский наместник, тот, который кричал вальдсхутцам: «Ваше право — ваш князь!» — может в духе существующих законов рассудить, кто прав, кто виноват. С таким божьим правом еще можно было мириться — оно легко позволяло признавать домогательства господ законными и обоснованными.

Куда страшнее было иное толкование божьего права, которое очень пришлось по вкусу мужикам и черни. Они не будут ждать разъяснений книжников, они сами знают, в чем божье право, — в создании совершенно нового уклада жизни, построенного на принципах общей пользы, равенства и братства! Все люди из народа обязаны участвовать в этом святом деле и, объединившись, полностью освободиться.

В таком учении как раз и был самый страшный яд. И распространяли его не лютеровы проповедники, не реформаторы из Вальдсхута — Мюнцер со своими единомышленниками настойчиво забрасывал его в мятежные души.

В деревнях и городах все больше людей разделяли именно это наизловреднейшее понимание божьего права.

Воистину дьявол, как сказал доктор Мартин, действует через смятение умов!

В Клеттгау, лесном, беспокойном краю, где, начиная с ноября, село за селом отказывались повиноваться господам, Мюнцер пробыл дольше всего. Он не сидел на одном месте. Сегодня его видели в избушке дровосеков, а через несколько дней он был уже за тридевять земель. Чтобы его найти, надо было ехать в деревню Гриссен, в нее он возвращался

постоянно. Сюда доставляли письма. Здесь собирались ходоки из разных деревень.

Мюнцер не был похож на военачальника. Он не проводил военных учений и не брался растолковывать сельским кузнецам, как мастерить самодельные пушки. Сидя на лошади, Томас мог произнести речь, но не отдавал команд. Он прекрасно понимал, что любой крестьянин, служивший смолоду в ландскнехтах, куда лучше него знает, как обращаться с пищалью или разбивать лагерь. Письма свои он подписывал «Томас Мюнцер, воитель господен», и был он больше воином, чем многие умудренные в ратных делах люди. Какой толк, что ты умеешь запалить ружье, если душа твоя полна смирения и в господах ты видишь ниспосланную богом власть, послушаться которой — смертный грех?

Он видел свою миссию не в том, чтобы где-то создать отряд, а где-то повести за собой толпу и сжечь монастырь. Мюнцер хотел, чтобы весь народ проникся мыслью, что его право, его высший долг — свергнуть тиранов.

Пусть это великое, святое дело воодушевит крестьян, сплотит их, наполнит сердца отвагой и непримиримостью к врагам!

В Гриссен к Мюнцеру приходили люди с разных сторон; ученики и последователи, которые всюду распространяли его учение, гонцы из Тюрингии, подмастерья из соседних городов. Здесь его разыскали и цюрихские анабаптисты, ранее обращавшиеся к нему с письмами. Даже сейчас, когда все грознее разыгрывалась буря, они по-прежнему с жаром говорили о вторичном крещении. Почему брат Томас утверждает, что и взрослого нет необходимости крестить? Но еще больше волновал их другой вопрос. Мюнцер проповедует, будто против князей надо пускать в ход кулаки. Теперь он видит, к чему ведут такие мысли. Он должен от них отказаться. Истинный христианин не должен хвататься за меч. Библия его единственная защита!

Томас резок и непреклонен. Все это он уже слышал! В том же духе поучал его и Карлштадт, как

сражаться по-христиански и защищать себя броней веры. Он был храбр, пока надо было ломать перья, а когда пришло время братья за пики, он спрятался в кусты. Брат Андреас начал с дружеских предостережений, а кончил чем? Велел напечатать «Ответ орламюндцев»: пусть, мол, все видят, что он не из шайки заговорщиков! — а потом в Иене, когда виттенбергский папа назвал его вкуче со злодеем Мюнцером, он, благородно возмущаясь, оправдывался и потрясал этим письмом. Может быть, в Цюрихе, вотчине Цвингли, анабаптисты слынут за людей крайних взглядов и ими пугают младенцев. Но ему, Мюнцеру, ясно, чего они стоят. Им действительно следует обратиться к брату Андреасу. С ним они легче найдут общий язык, а там, смотришь, вместе и угодят, нахлебавшись мартиновой похлебки, в дерьмо смирения.

После этой встречи среди перекрещенцев еще явственней обнаружился раскол. Сторонники христианского непротивления спешили отмежеваться от мятежных подстрекателей. Зато те, кто думал о настоящих переменах, самоотверженно помогали Мюнцеру. Их можно было встретить повсюду — пылких проповедников в широких поярковых шляпах и грубом платье. К ним, аскетически суровым и строгим, народ относился с большим уважением. Их слушали очень внимательно и им верили. Вот, наконец, появились люди, возвестившие подлинное Евангелие! А как ловко надували нас прежние попы — всех их, этих жуликов, надо бить смертным боем!

В Брегской долине волнения с первых же дней приобрели особенно грозную окраску. В то время, как повсюду еще составлялись различные жалобы и в надежде на успех переговоров обсуждались наметки возможных соглашений, выдвигались очередные пожелания и просьбы, здесь все было иначе. Брегтальцы не хотели ни грошовых уступок, ни мелких перемен. Они не верили ни князьям, ни их слугам. Хватит морочить народу голову! Мужики знают,

что им полагается по божьему праву. Вообще все повинности должны быть отменены! Но этого не дожدهшься от господ. Поэтому надо браться за дело и, сговорившись с крестьянами других земель, поднимать общий бунт.

Среди главных зачинщиков, которые проповедовали, что божье право можно осуществить только силой, и собирали брегтальцев в отряд, один был из Гриссена.

Растерянность царила в господском лагере. Политика проволочек, лицемерных обещаний, уговоров, местных соглашений, политика, которая дала бы время собрать силы для вооруженного подавления смуты, оказалась на краю пропасти. Усилия толпы хитрецов — расторопных юристов, деревенских старост, приходских священников, лукавых толкователей божьего права, уважаемых бюргеров, выдающих себя за защитников крестьян, — были тщетными. Сопrotивление их попыткам расколоть крестьян росло с каждой неделей. Деревни, было уже согласившиеся довольствоваться самыми скромными послаблениями, вдруг отказывались от всяких любовных сделок и заявляли, что будут добиваться полной отмены повинностей. Особенно упорствовали брегтальцы. Только победа над тиранами принесет свободу! Они посылали своих людей в соседние села, предлагали союз, советовали гнать прочь всех миротворцев и запасаться оружием. Настойчиво хотели они связаться с другими отрядами.

Подобные действия таили в себе великую опасность для господ. Медлить было нельзя. Теперь уже не приходилось думать об осторожности — надо было отменно покарать брегтальцев. Города устами своих магистратов, напуганных столь злодейским неповиновением, пообещали поддержать рыцарскую конницу пехотой из наемников. 13 декабря под Донауэшингеном отряд брегтальцев подвергся внезапному нападению. Что значили двести крестьян против тяжеловооруженных всадников и опытных ландскнехтов?

На крестьянах не было ни кольчуг, ни лат. Их кололи, рубили и резали без всякой пощады.

О расправе было объявлено широко и повсеместно. Господа хотели устрашить строптивых. Образумьтесь, вас ждет такая же участь, если вы не прекратите своих сборищ и будете требовать большего, чем вам обещают! Но в деревнях весть о кровавой расправе вызвала другой отклик, чем думали господа. Глашатай или староста читали воззвание, где говорилось, что брегтальцы, подбивая собратьев на всеобщее возмущение и отказываясь решать спор мирным путем, действовали не по закону и были за то наказаны.

Их перебивали гневные возгласы. Пусть они оставят при себе все эти детские сказки! Если кто и действовал незаконно, то это господа, которые умертвили кучу народа только за его стремление к справедливости! Выходит, что на самом деле правы люди, призывающие не верить господам и добиваться своего силой!

Те из брегтальцев, кто остался в живых после резни под Донауэшингеном, еще упорней продолжали борьбу. Изловить их было очень трудно: их прятали, им помогали, их слушали.

Идеи народной реформации проникали в сознание крестьян. «Статейное письмо», учение Мюнцера о перевороте и его толкование божьего права находили сторонников не только в Клеттгау, но и в других землях. Стихийные бунты все больше превращались в осмысленное целенаправленное движение.

Его дожидался гонец из Нюрнберга. Мюнцер обрадовался: сейчас он развяжет ворот рубашки и вытащит «Защитительную речь»! Нет. Добрые вести были только от Гута: он в разных городах Франконии успешно создавал «Союзы избранных». В Нюрнберге ничего хорошего не было. После ухода Мюнцера из города магистрат не успокоился и долго занимался выискиванием, что еще он сотворил. Сглядываям было много работы. Разнюхали они

и о «Защитительной речи». Хельцель посажен в тюрьму, рукопись и бывшие в наличии экземпляры отобраны. Но это еще не все. Ганс Денк и трое самых способных учеников Дюрера—Пенц и братья Бегам—предстали перед судом. Этот процесс так и называют — «Процесс безбожных художников». Их обвиняют в ереси и бунтарстве. Они держатся очень дерзко. Бартель Бегам заявил на суде, что не знает никакого Христа, а все, что слышал о нем, — лишь сказки. Когда его и Пенца стали корить, что они не признают никаких властей, они ответили словами Мюнцера: «Только один господь может быть над народом!»

На сходках много говорили о необходимости совместных действий, о союзе с крестьянами других земель, даже о сообществе всех крестьян Германии. Но на деле было иначе. Мысль о единстве наталкивалась на ограниченность и косность. Мужики никак не могли понять, что если сегодня кнехты бесчинствуют в соседней деревне, то завтра они будут в твоей. Они частенько убаюкивали себя надеждой, что лично им удастся без кровопролития склонить господ к уступкам. Сосед оставался соседом, он не стал еще братом, за которого кладут душу. Напрасно восставшие Брегской долины просили помощи у штюлингенского отряда. Им не пришли на выручку, и рыцари одержали легкую победу.

И на юге Мюнцер постоянно думал о Тюрингии. С гордостью смотрел он на сильные отряды крестьян Клеттгау и Гегау. Вот если с их помощью освободить Мюльхаузен! Он часто возвращался к этой мысли. Почему, действительно, не совершить такого похода? Он рассказывал крестьянам о борьбе в Мюльхаузене, о неудачах и надеждах бедноты, о низких уловках магистрата. Его слушали с большим сочувствием. С ним соглашались. Хороший план! За чем же тогда остановка?

Один из крестьянских руководителей горячо поддерживал Мюнцера. Он со своими людьми готов

выступить хоть сейчас, но только кто им заплатит за это деньги?

Томас был убежден, что жизнь заставит крестьян прийти к единству. Суровые уроки не проходят бесследно. Господа помимо своей воли помогают ему, Мюнцеру, раскрывать мужикам глаза. Даже штюлингенцев, которые долго верили крючкотворам, резня под Донауэшингеном кое-чему научила. Они отказались от всяких переговоров и стали спешно собирать средства для закупки оружия.

Здесь, на юге, пребывание Мюнцера принесло свои плоды. Он и его многочисленные последователи упорно и настойчиво стремились слить воедино отдельные выступления, собрать крестьян под знаменем общей программы, воодушевить на решительную борьбу. «Статейное письмо» получало среди крестьян все более широкий отклик.

Томас знал, что восстание может увенчаться победой лишь тогда, когда станет повсеместным. Низко над страной висели тяжелые тучи. Первые зарницы засверкали на юге, но надо, чтобы великая очистительная гроза прошла по всей Немецкой земле.

Он объявил о своем отъезде. Его просили остаться: он здесь так нужен. Томас благодарил, что его принимали как брата. Но велика Германия, и сколько еще повсюду работы!..

В середине января 1525 года Мюнцер двинулся в обратный путь. Он находил своих сторонников в разных деревнях и городах, выступал на сходках и где только мог помогал создавать «Союзы избранных». Томас не пренебрегал ни случайными спутниками, ни возницей, с которым ехал, ни хозяином дома, где получал ночлег. Он шел дальше, а в сердца людей глубоко западали его слова, и они долго помнили незнакомца-проезжего в старом плаще и грязных залатанных сапогах.

В Фульде его проповеди привели к большим волнениям. Из толпы раздавались голоса, что надо-де немедленно разгромить монастырь. Власти с трудом

сумели предотвратить дальнейшие беспорядки. Кто их зачинщик? Монахи услужливо показали на Мюнцера. Его схватили. Что он ищет в Фульде? Он здесь случайно, проездом? Но ничего, теперь он тут задержится надолго! И Томаса водворили в тюрьму. Ржавый засов проскрежетал зловеще и торжествующе.

Он не бегал по камере, не лез к решетке. Сидел, низко опустив плечи. От бессильной ярости побледнело лицо. Тюрингия уже рядом, и попасться теперь, когда он меньше всего ждал беды! Он выходил из самых опасных переделок. В Альштедте готовились его убить, в Цвиккау ему подмешали в пищу яд. Он вовремя ушел из Галле, из Нюрнберга, из Ашерслебена. Он вырвался и из Праги, хотя его уже стерегли стражники. Он избежал великих опасностей в Шварцвальде, где охотились за его головой, где за каждым поворотом дороги можно было угодить в засаду или наткнуться на разъезд. И попасться здесь, в Фульде! Попасться именно теперь, когда его так ждут в Мюльхаузене, когда дорог каждый час, когда на пороге восстание!

Он сидел неподвижно, стиснув руки, — сутулый, изможденный человек. О, если бы он мог, он высадил бы дверь или проломил стены!

Но темница была надежной.

ЧАС ВОЗМЕДИЯ

И

згоня Мюнцера и Пфейфера, магистрат строго-настрого приказал всем жителям Мюльхаузена и окрестных сел отказывать им в любой поддержке, не давать ни пищи, ни крова. Но у них было много

тайных сторонников, и приказ этот нельзя было осуществить. Стоило только Пфейферу появиться у Мюльхаузена, как ему тут же помогли проникнуть в город. Когда стало известно, что он будет проповедовать, люди со всех концов устремились в предместье св. Николая. Магистрат велел запереть ворота: они будут до тех пор на замке, пока Пфейфер не уберется вон!

Ну что же, Генрих подчинится. Только недолгим будет торжество врагов. Он скоро вернется обратно, и тогда уж они запоют по-иному!

Он хорошо помнил наказания Мюнцера и старался привлечь на свою сторону крестьян. Они теперь знали правду о поджоге Больштедта. Знали они и истинные причины ненависти к Пфейферу и Мюнцеру. Ясно как божий день — их преследовали за то, что они хотели избавить народ от угнетения и всяких властей.

В самом городе настойчиво раздавались требования: раз Пфейфер вернулся, пусть ему не мешают проповедовать, где он хочет! Назревал бунт. Магистрат снова обратился за помощью к крестьянам. Не тут-то было! Несколько мужиков собрались идти в город, но их быстро отговорили соседи из Больштедта. Одумайтесь, против кого вы соглашаетесь выступать? Против людей, которые борются и за вашу пользу, за то, чтобы не было никаких налогов, чтобы мужики, как и горожане, заседали в совете, чтобы все леса, воды, луга, рыба и дичь стали общим достоянием!

Убедившись, что крестьяне на его стороне, Пфейфер начал действовать силой. В условленный час мастеровые, поддержанные отрядом крестьян, завладели воротами и бросились к ратуше. Магистрат отчаянно призывал своих приверженцев поторопиться и прибыть с «лучшим оружием». На этот раз перевес бунтарей был столь явным, что у многих охладел воинственный пыл. Ратушу удерживали с трудом. Целый день и всю ночь продолжалась осада. На рассвете начальник городской стражи вступил в переговоры с мятежниками. Всесилие магистрата было сломлено. Отцы города обещали ничего не предпринимать без ведома и согласия общины. А чтобы им больше неповадно было запираť по собственному усмотрению ворота, ахтманы под ликующие крики повесили на них свои замки.

Пфейфер прочно обосновался в Мюльхаузене. В конце года магистрат вынужден был принять закон об упразднении монастырей. Отныне монахи обязаны были зарабатывать хлеб собственными руками.

Тот, кто не соглашался сбросить сутану, должен был немедленно покинуть город.

В окрестных селах женщины из Мюльхаузена, возглавляемые Оттилией Мюнцер, побуждали крестьян изгонять священников-папистов и разорять их дома.

В Мюльхаузене с нетерпением ждали Томаса. Но он все еще не приходил.

Настоящего имени узника никто из тюремщиков не знал. Мюнцер назвал первую пришедшую на ум фамилию. Люди, которых о нем допрашивали, не выдали его. У бродячих проповедников обычно не выясняют имени: их просто слушают. И что властям вздумалось обвинять его в беспорядках, словно в Фульде мало своих смутьянов!

Чужака, угрюмого и молчаливого, решили, наконец, освободить. Пусть только мигом выкатывается вон!

Позже, когда фульдский аббат прослышал, что в его темнице находился сам Томас Мюнцер, он сокрушенно всплеснул руками. Этого-то архизлодея он бы ни за что не позволил выпустить!

Мюнцер вернулся в Мюльхаузен в середине февраля. Пора осуществить то, что не удалось осенью! Магистрат следует свергнуть. Теперь советники поступали более осторожно и не осмеливались в открытую противодействовать общине. Да, и они всем сердцем за слово божье. Они не хотят ничего, кроме порядка и справедливости. Они ловко сыплют красивыми словами, лишь бы на деле все оставалось по-старому. Мюнцер, не жалея сил, объяснял, чего стоят их лживые уверения. Он заставит членов магистрата перед всей общиной обнаружить свои намерения!

9 марта мюльхаузенцы вышли в поле. Нанятые ландскнехты проводили учение. Они показывали, как владеть мечом, как орудовать пикой, как запаливать ружья.

Когда учение кончилось, Мюнцер взял лошадь у одного из ахтманов и поехал к строю. Не сходя с коня, он начал свою речь. Мюльхаузенцы должны посмотреть правде в лицо. Император издал строжайший приказ, чтобы все изгнанные монахи были бы снова приняты в город. Он требует, чтобы им вернули отобранное имущество и возместили потери. Он настаивает, чтобы в пользу монахов по-прежнему взимались поборы.

По рядам прокатился гул возмущенных голосов. Мюнцер жестом восстановил тишину и продолжал говорить. Он повторял слова из священного писания: «Воздайте кесарю кесарево, а богу — божье». К чему он клонит?

Он хочет, чтоб его правильно поняли. Без жестокой борьбы не обойтись. Князя и император стараются отнять у прозревшего народа слово божье. Но им будет воздано по заслугам: собственные подданные восстанут против тиранов и изгонят их из страны.

— Поэтому, — воскликнул Мюнцер, — каждый, кто готов стоять насмерть за слово божье, пусть, подняв руку, поклянется! А кто не хочет, пусть отойдет в сторону!

Советники зашумели громче всех. Что еще выдумал магистр Томас? Люди ведь сошлись сюда не для клятв. Кому, как не начальнику стражи, сказать свое веское слово. Эберхарт фон Бодунген не заставил себя упрашивать. Он вышел вперед и крикнул громко, чтобы его было слышно и в задних рядах:

— Здесь нет глупцов, которые желали бы отступить от слова божьего, поэтому нет нужды в особой присяге!

Томас стал возражать. Бодунген со злостью его перебил:

— Любезные горожане, разве недостаточно вы приносили различных клятв? Следует еще каждому наговорить целое лукошко присяг и повесить себе на шею. Проповедовать должно не в поле, а в церкви!

Бодунгена поддержали члены магистрата. Здесь военное учение, а не проповедь! Всем расходиться по домам!

Приказ подействовал. Отряд направился к городу. Томас сидел в седле — прямой, решительный, гневный. Он смотрел вслед людям, которые с алебардами и пиками на плечах шли к городу, моря башмаками весеннюю грязь. Кое-кто из них оборачивался и смеялся. Это были люди в богатых, отороченных мехом кафтанах.

Мюнцер крепко держит поводья. Вокруг него ближайшие друзья. Все они смотрят, как уходят домой горожане.

Учения кончились. Начинается война.

В ратуше не могли нарадоваться. Приятно сознавать, что горожане так послушны. Чем их еще умаслить? Средство было простым, давно испытанным и надежным — вино или пиво. Не раз догадливым советникам удавалось несколькими бочками вина потушить грозное возмущение черни.

Каждому кварталу выставили по большущей бочке пива. Пусть-ка добрые молодцы выпьют за счет казны! Охотников до дарового пива нашлось немало. Бочки осушили очень быстро. В одном из кварталов было особенно шумно. Там собралась целая толпа. Что это они затеяли? В ратушу примчался доносчик. Идут громить женский монастырь — единственный, который еще не был закрыт. Туда немедленно послали стражу. Когда толпа подошла к воротам, ей преградили дорогу. Входить сюда мирянам заказано. Чего они, собственно, ищут? Зачем пришли?

Тогда один из зачинщиков протиснулся вперед и сказал:

— Пожалованного бочонка нам на всех маловато. Мы прослышали, что у монахинь отменный погребок. Вот и пришли, чтоб как следует выпить!

Что он там еще городит с пьяных глаз? Стражники ничего не могли понять. Люди, окружавшие их

тесным кольцом, были совершенно трезвы. Что у них на уме? Они закричали, и это звучало как приказ: — Убирайтесь! Мы хотим выпить!

Стражники пытались пустить в ход оружие. Их смяли. Ворота под напором толпы распахнулись. Люди хлынули во двор. Последних монахинь выгнали на улицу.

Известие о погроме встревожило магистрат. Бодунгену было приказано собрать всех кнехтов и прекратить бесчинства. В монастыре стоял отчаянный грохот. Ломали все, что только можно было сломать. На дворе жгли иконы и облачение. Бодунген надеялся, что ему удастся уговорить погромщиков разойтись. Ведь всего несколько часов назад, в поле, после военного учения, эти же самые люди подчинились его приказу. А теперь ему попросту посоветовали убраться. Он пригрозил, что применит силу. И здесь началось совершенно невообразимое. Толпа вмиг ошетибилась колами и алебардами. Бодунгену захватили по шее и сбили с головы шлем. Здоровяков кнехтов, словно котят, повышвыривали за ворота.

Магистрат бросил клич: «Каждый, кому дорог закон и порядок, пусть с мечом и в кольчуге поспешит к ратуше! Надо немедленно положить конец разгулу непокорной черни!»

Во главе сильного отряда Бодунген снова явился к монастырю. Он позеленел от злости, когда увидел, что во всю ширину улицы плечом к плечу стоят ряды мастеровых, и у каждого в руках оружие. Нет, не случайно схваченная палка, доска или булыжник — длинные мечи, копыя, пищали.

Так и стояли на узенькой улочке два отряда. За спиной одного Бодунген, обернувшись, видел пустую мостовую и несколько любопытных, позади другого — все прибывающую и прибывающую толпу...

От бессильной ярости Бодунген едва мог говорить. Но его и не слушали. Он должен побыстрее уносить ноги! Он велел своим людям повернуть обратно. Повторять приказа не пришлось.

Перед членами магистрата сдерживаться он не стал. Многое повидал он на своем веку, но того, что

последнее время творится в Мюльхаузене, он сносить больше не в силах. Впредь своих обязанностей начальника стражи он исполнять не будет и просит об отставке.

Черный дым костров, горевших на монастырском дворе, поднимался высоко к небу. Последнее гнездо духовенства в Мюльхаузене было разорено. На что теперь обратится ярость мастеровых? В домах вокруг ратуши не спали. Как пройдет ночь? Сейчас нельзя было, заперев ворота, отрезать одно предместье от другого и закрыть для черни доступ к сердцу города. Воротами распоряжались ахтманы, там висели их замки и стояли их караулы.

Утром ахтманы от имени предместий потребовали, чтобы магистрат согласился ввести в Мюльхаузене правление по божьему слову. Об этом они уже слышали в сентябре! Знают они это божье слово! Сейчас Мюнцер удовольствуется конфискацией монастырского добра и обеспечением нуждающихся крестьян зерном, но у него на уме другое. В его устах «жить по-евангельски» значит упразднить существующую власть и установить общность имущества! Враги Мюнцера рисовали страшные картины: если новый пророк победит, то народ больше не захочет работать! Если кому потребуется хлеб или отрез сукна, то он пойдет к богатому и скажет: «Поделись со мной, как велел Христос. Не отдашь добровольно, возьмем силой!» Такое божье слово страшной чумы!

Советники побоялись открыто объявить о своем несогласии с ахтманами и всеми средствами старались выиграть время. Они надеялись, что посланные тайком гонцы сумеют добиться от князей быстрой и действенной помощи.

Отцы города прекрасно понимали, что бочки пива теперь уже не помогут удержать власть и успокоить горластых смутьянов. Иные пришли времена!

Трехдневные переговоры окончились ничем. Цехи собирались на сходки. Раз магистрат не прини-

мает справедливых требований, его надо сместить! Сходки протекали очень бурно. Советников пора потянуть к ответу. Сколько они причинили вреда! Их надо заставить возместить городу все убытки.

Нет, нет, этого мало! Все члены магистрата сплошь воры и мошенники. Их надо прямо в ратуше и арестовать. Тем, кто дольше остальных был у власти, следует отрубить головы, а того, кто недолго правил, надо обрядить в длинное серое одеяние. И пусть они всю жизнь носят это позорное рубище в наказание за свои злодеяния!

На сходках Мюнцер доказывал, что не советники, а община должна решить вопрос о власти. Править в Мюльхаузене будет Вечный совет!

Успех выступлений Мюнцера и Пфейфера был настолько велик, что от магистрата отступились даже многие его приверженцы. Ему пришлось согласиться, чтобы жители поименным голосованием высказали свою волю: оставаться ли у власти старому совету или избрать новый.

16 марта толпы людей устремились к церкви св. Марии. За столами сидели писцы. Они записывали мнение горожан. Когда голосование пришло к концу, Пфейфер с амвона огласил итоги. Подавляющее большинство высказалось за немедленное смещение магистрата.

В тот же день был выбран Вечный совет. Ночью еще целый ряд бывших магистратов, боясь возмездия, скрылись из города. Что, если бунтовщики, почувствовав силу, и впрямь начнут обрядить в позорные рубища и сечь головы?

Церемония передачи власти Вечному совету состоялась 17 марта. На этот раз в верности Вечному совету клялись все жители, не только «полноправные» горожане, но и люди, которые раньше никогда не присягали, в том числе и слуги.

Мюнцер и Пфейфер никаких официальных должностей в Вечном совете не занимали. Но они присут-

ствовали на заседаниях и объявляли, насколько то или иное решение соответствует божьему слову.

Вечный совет умело вершил всеми делами. Недостатка в продовольствии Мюльхаузен не испытывал. Католическое богослужение было уничтожено. Ценности, изъятые из церквей и монастырей, — облачение священников, бархат, шелк, жемчуг, оклады икон — были проданы с публичного торга. Полученные средства сданы в казну. Имущество, отобранное у Тевтонского ордена, было употреблено на то, чтобы в окрестных деревнях всех нуждающихся обеспечить ячменем и овсом. В казне был наведен строжайший порядок. Сведущие люди тщательно вели приходо-расходные книги. Напрасно злопыхатели надеялись, что в Мюльхаузене воцарится разруха.

В феврале и крестьяне Верхней Швабии взялись за оружие. Ждать, пока господа соблаговолят ответить на жалобы крестьян? Суд должен разрешить все споры? Но какой суд? Тот самый, где восседают крючкотворы? Они смеются, когда слышат о божьем праве: может быть, мужики еще хотят, чтобы сам Христос, сошедши с небес, явился в суд разбирать их тяжбу? Так никогда не видать свободы! Раз господа не желают признавать божьего права, а все твердят о существующих законах, то нечего больше уповать на успех судебного разбирательства.

Крестьяне Верхней Швабии принялись громить монастыри и разрушать замки. «Впредь над народом не должно быть никаких властителей! Этого требует божье право», — говорили сторонники Мюнцера. Не все соглашались с таким толкованием. Люди более состоятельные и осторожные призывали к умеренности — зачем прибегать к силе, если господа пообещают уменьшить бремя, отягощающее мужиков, и уничтожить крепостное состояние?

Руководители самых крупных крестьянских отрядов Верхней Швабии согласились на переговоры. В противоположность «Статейному письму» их про-

грамма — «12 статей» — не была программой борьбы. Она должна была послужить основой для переговоров. Здесь божье право толковалось в духе учения Цвингли.

Крестьяне настаивали на праве выбирать себе пастыря, обязывались платить «большую десятину» — десятину с зерна, которая шла бы на содержание священника, на помощь бедным и на другие нужды общины, — но отказывались от «малой десятины» — с плодов, овощей и скота. Крепостное состояние, как противоречащее писанию, подлежит отмене. Крестьяне должны иметь право охотиться, ловить рыбу и пользоваться лесами, которые господа незаконно себе присвоили. Господин не должен принуждать крестьянина к барщинным работам сверх договора и обязан довольствоваться справедливыми поземельными платежами. Наказывать штрафами можно сообразно со старыми писаными законами, но отнюдь не по произволу. Захваченные господами луга и пашни должны быть возвращены общине. «Посмертный побор», свидетельствующий о крепостной зависимости, следует отменить.

В основе «12 статей» лежали жалобы крестьян Верхней Швабии и Шварцвальда. Составитель, который их свел воедино, обработал и снабдил ссылками на священное писание, старательно подчеркивал, что необходимо слушаться властей и добиваться божьего права только мирными средствами. Дух «12 статей» был весьма умеренным. Однако само появление этой программы, означавшее, что крестьяне, отказываясь расценивать распрю как отдельные местные споры, настаивают на общем пересмотре своего положения, представляло для господ большую угрозу. Они, разумеется, не имели ни малейшей охоты принимать эти требования. Да и готовились они совсем к другому.

Повсюду, сражаясь с Христом, отчаянно свирепствует сатана. Великая смута, вспыхнувшая у границ Швейцарии, идет все дальше и дальше на север.

Всеми силами надó преяйтствовать распóстранению мятежа! В середине апреля Лютер начал свою поездку по Саксонии и Тюрингии.

Печатные экземпляры «12 статей» разлетались по стране. А что думает о них доктор Лютер? Опять требования перемен подкрепляют ссылками на Евангелие! Многие в этих статьях сердило Лютера, но он понимал, что их нельзя просто отвергнуть. Такой шаг только на руку бунтовщикам.

В Эйслебене, в саду одного из своих почитателей, Лютер пишет «Призыв к миру на основе 12 статей». Он обращается к «любезным друзьям-крестьянам», не жалеет хулительных слов для господ, а особенно для слепых епископов и сумасбродных монахов. В их злодействах главная причина беспорядков. Господам необходимо согласиться на уступки. Из всех статей самая справедливая — первая, где крестьяне ратуют за право выбирать себе священника. Лютер отнюдь не становился на сторону крестьян. Кое в чем они правы, но это не означает, что надо принимать все статьи. От некоторых чрезмерных требований крестьяне должны отказаться. Все дело следует уладить миром, положившись на третейский суд, составленный из городских советников и графов.

Грех мужикам ссылаться на Христа, когда они идут наперекор писанию, применяют силу и не подчиняются властям. Они не должны понимать Евангелие плотски! Ни в коем случае нельзя смешивать мирское царство с небесным. Если это произойдет, то Германия надолго будет ввергнута в хаос и разруху. Мирское царство не может существовать без неравенства: одни должны быть свободными, другие — подчиненными, одни — господами, другие — подданными. Даже крепостная зависимость не мешает человеку пользоваться христианской свободой. Он должен думать о боге и о спасении души, ибо царство Христа не от мира сего! Истинно верующий любую несправедливость обязан сносить терпеливо и пуще всего остерегаться непослушания и мятежа!

На юге, собрав силы, господа перешли к вооруженному подавлению бунта. В первых числах апреля, когда должно было начаться обсуждение «12 статей», полководец Швабского союза * Георг Трухзес, вероломно нарушив перемирие, напал на крестьянский отряд, стоявший под Лейпгеймом, и разгромил его. Несколько дней спустя поблизости от Вурцаха он затеял переговоры, а сам приказал пушкарям внезапно открыть огонь по бунтовщикам. Трухзес хотел уничтожить основные силы восставших Верхней Швабии. Он мечтал о быстрой победе, но надежды его были напрасными. Весть о предательских нападениях мгновенно разнеслась по стране. Тысячи людей собирались под знамена восстания. Пламя Крестьянской войны запылало по всей Средней Германии.

Стояли незабываемые ночи. Куда ни повернись — везде зарева пожаров и костры крестьянских лагерей. Многие кичливые рыцари, еще недавно мнившие себя львами, превращались в зайцев. Господа должны подчиниться и признать «12 статей» или же от их замков останутся одни развалины! «12 статей» помимо воли их составителя стали общей программой восстания. «Статейное письмо» оказало большое влияние на крестьян. Только с помощью оружия можно будет осуществить требования, изложенные в «12 статьях»!

Крестьянские отряды занимали города, уничтожали монастыри, жгли поместья. Сотни замков были разрушены до основания. Рыцари и испытанные в боях ландскнехты под натиском крестьян пускались в бегство. Особый страх внушали господам Светлый отряд, возглавляемый Венделем Гиплером и Яковом Рорбахом, и Черный отряд Флориана Гейера.

Они находились недалеко от города Вейнсберга,

* Швабский союз — союз рыцарей, князей и имперских городов юго-западной Германии, созданный Габсбургами в 1488 году для прекращения междоусобиц. Но на деле Швабский союз, имевший в своем распоряжении значительные военные силы, был оплотом феодальной реакции, способствовал сохранению политической раздробленности и усилению власти князей.

когда стало известно о бойне, учиненной Трухзесом при Вурцах. И оставить такое без отмщения! Все господа одинаковы! Граф Гельфенштейн, сидевший в Вейнсберге, отдал приказ ловить и вешать крестьян. Он был так же вероломен, как и Трухзес. Отряды предложили городу принять сторону восставших. Ожидая подкреплений, граф Гельфенштейн вступил в переговоры. В то же самое время его рейтары напали на группу мужиков и убили их. Он за это заплатится!

Магистрату Вейнсберга было послано письмо с требованием наказать Гельфенштейна. Граф ответил угрозами: если крестьяне не разойдутся по домам, он обратит свой гнев на их жен и детей и сожжет деревни. Была пасха. Ну что же, как раз в пору похристосоваться с графом пулями! Подойдя к городу, крестьяне направили к воротам послов. Их было видно издали — на шесте они несли шляпу. Если враги не хотят без боя сдать город и крепость, объявили послы, то пусть велят уйти женщинам и детям, ибо Вейнсберг будет взят приступом.

Надменный граф повелел стрелять. Один из послов упал.

Граф был уверен, что все сойдет ему безнаказанно. Он надеялся на крепкие стены и презирал мужиков. Но час расплаты настал. Отряды восставших бросились на приступ. Флориан Гейер руководил осадой замка, а Рорбах бежал впереди крестьян, устремившихся к городским воротам. Их не остановили ни пули, ни камни, ни кипящая смола, которую лили со стен. И вскоре на замковой башне удалые парни водрузили знамя Черного отряда. Под ударами таранов трещали ворота, но Гельфенштейн упрямо не желал сдаваться. Нет, в такой безумии горожане ему не пособники! Пора прекращать сопротивление! Именные бюргеры еще уламывали графа, а подмастерья уже оттаскивали рыцарей от бойниц. Гельфенштейн понял, что он бессилен. Шляпа, воздетая на шест, появилась над стеной. Вейнсбергский священник, призывая к миру, говорил об условиях сдачи.

Шляпу с шеста сбили выстрелом.

— Горожанам нечего бояться, но рыцари будут уничтожены!

Священник просил сделать исключение для графа. В ответ раздались негодующие голоса: даже если он их осыплет золотом, ему не избежать кары! Гельфенштейн уцепился за последнюю надежду. Пусть горожане еще некоторое время сопротивляются, а он с рыцарями попытается уйти. Как бы не так! Его окружили со всех сторон. Он навлек на них беду, а сам хочет улизнуть!

Восставшие ворвались в город. Граф со своими людьми поторопился укрыться в храме. На церковном дворе произошла отчаянная схватка. Лестница на колокольне, где спрятался Гельфенштейн, была скользкой от крови. В узком проходе застряло тело убитого рейтара. В полутьме меча, ударяясь о камень, высекали искры. Лязг оружия поднимался все выше и выше. Один из приближенных графа прокричал с колокольни, что господа заплатят огромный выкуп, если им сохранят жизнь. Меткая пуля уложила его на месте.

— Уж больно дешево хотят они отделаться! Сколько наших братьев перебили под Вурцахом! Такого злодейства не искупить и бочками золота! Мечь! Мечь ждет убийц!

Нескольких рыцарей сбросили с колокольни, остальных, в том числе и графа, взяли в плен. Нет, не в слепом ожесточении кровавой свалки наступит его смерть — он будет казнен на глазах народа.

Яков Рорбах приказал отвести захваченных на луг. Там им объявили приговор: встав на путь бесчестия, путь вероломства и убийств, господа обрекли себя на позорную казнь — их прогонят сквозь пики. Напрасно Гельфенштейн предлагал за свою жизнь выкуп в тридцать тысяч гульденов, напрасно, умоляя пощадить мужа, ползала на коленях его красавица жена, побочная дочь императора Максимилиана. Час возмездия пробил!

Гремел барабан. Граф Гельфенштейн и тринадцать его приспешников были казнены на лугу.

Несмотря на явное превосходство в оружии, Трухзес долго не мог добиться решающего успеха. Стоило какому-нибудь отряду или группе всадников отстать от войска Трухзеса, как восставшие уничтожали их. В горах воевать было еще трудней. Почти окруженный под Вейнгартеном, Трухзес с тревогой узнал, что к крестьянам идут значительные подкрепления. Положение его стало очень опасным. Но Трухзес, изворотливый и ловкий, не брезговал ни лживыми посулами облегчений, ни хитростью. Низкими кознями и подкупом добился Трухзес победы. Над ним висела угроза неминуемого разгрома, когда ему удалось склонить крестьянских предводителей к соглашению. Мир кладет распре конец! Третьейский суд из представителей шести городов рассмотрит все жалобы крестьян, которые обещают принести повинную, сдать оружие и знамена.

Договор, заключенный в Вейнгартене, привел крестьян к расколу. Лишь небольшие отряды продолжали сопротивляться. Основные силы восставших были скованы обманном договором. В этом Трухзесу великую помощь оказали города. Изображая себя защитниками крестьян, городские власти охотно предлагали посредничество и всемерно содействовали обману.

Из Верхней Швабии Трухзес двинулся в Вюртемберг.

По всей Тюрингии должны загудеть набатные колокола, возвещающие о начале восстания. Из месяца в месяц Томас и его последователи проповедовали мысль о неминуемом перевороте, создавали союзы — будущие очаги восстания.

С разных сторон поступали в Мюльхаузен долгожданные волнующие вести: Крестьянская война полыхала и во Франконии и на берегах Рейна, в Шварцвальде и Эльзасе. Во французских землях тоже заволновались мужики. Поговаривали, что и в Италии начался бунт.

Восстание подбиралось все ближе и ближе к границам Тюрингии — поднялись крестьяне фульдского аббатства, ополчились против господ эйхсфельдцы.

Все свои силы отдавал Мюнцер подготовке решающего выступления. Жители Мюльхаузена и окрестных сел постоянно проводили военные учения. Сотни людей углубляли и исправляли крепостные рвы. Одну из церквей приспособили под пороховой погреб. А францисканский монастырь превратился в оружейную мастерскую. С утра до ночи горели горны и стучали молоты. Здесь изготовляли пищали, ковали мечи, лили пушки.

В Лангензальце, где нашли пристанище беглые бургомистры и монахи, изгнанные из Мюльхаузена, было много сторонников Мюнцера. Печник Клаус Гузенер и сапожник Мельхиор Виганд пользовались среди них особым уважением. Свои тайные собрания они устраивали на кладбище. Настала пора богачам разделить свое добро с бедняками!

По всей округе славился Гузенер своим искусством. Он мог угодить самому придирчивому заказчику. В домах, где он работал, Клаус любил побеседовать с хозяевами. Да, вот сейчас он берет за свой труд деньги. Но скоро все изменится. Он будет класть печи бесплатно, любые печи, какие только кто захочет. А все, что ему нужно, он тоже будет получать без денег: хлеб из пекарни и мясо от мясников. Скоро, очень скоро придет это благословенное время!

Приближалась ежегодная ярмарка. В городе появилось много чужих. Магистрат был обеспокоен. Похоже, что они пришли сюда не ради торговли. Окружной начальник Зиттих фон Берлепш, верный слуга герцога Георга, решил на крутые меры. Разнесся слух, что он хочет захватить всех подозрительных и, связав, отправить на телегах в соседнее местечко, в страшную тюрьму. Он успел арестовать только троих, когда поднялся мятеж. Мельхиор Виганд, служивший раньше в императорских войсках, с десятком своих единомышленников прибежал к ратуше. Он отчаянно забил в барабан. Город в опасности! Ему вторил набатный колокол. Мгновенно

ремесленный люд высыпал на улицу. Все было заранее подготовлено. Каменщики, столяры, пекаря, кузнецы были хорошо вооружены. Берлепш намерен казнить троих пленников! Замок окружили со всех сторон. Никуда он не уйдет — его выкурят из его норы! Советники отдали восставшим ключи от города и пытались их успокоить. Зачем они пустились в такие крайности, когда все споры можно уладить миром?

Берлепш ни за что не хотел выходить из замка. В Мюльхаузен, к Мюнцеру, поскакал гонец.

Глава семнадцатая
„ЗАВОДИТЕ ТАНЕЦ!“

Началось! Пора, пора подниматься! Время, о котором всю жизнь мечтал Томас, настало. Он писал свое страстное «Воззвание к альшtedтцам». Уж больно долго они спят! Хватит пресмыкаться перед не-

честивыми, поднимайтесь! Вся Германия, Франция и Италия пришли в движение. Господь затеял славную игру, и безбожным злодеям несдобровать. В Фульде громят церкви. Крестьяне Клеттгау, Гегау, Шварцвальда восстали. Их силы насчитывают три тысячи человек, и с каждым днем число их растет. Его, Мюнцера, тяготит единственная забота: лишь бы темные

люди не согласились на лживый сговор с господами.

Итак, вперед, вперед, вперед! Трое положившихся на бога не побоятся и ста тысяч. Не знайте милосердия, не верьте красивым словам! Не внимайте жалобам врагов! Они будут вас упрасивать и молить, словно дети. Не давайте себя умиловать! Поднимайте деревни и города — и особенно горнорабочих да других добрых молодцев. Мы не должны дольше спать. Пора пробудиться!

«Я пишу вам это послание, а мне пришли вести из Лангензальцы о том, что народ хочет вытащить из замка окружного начальника, который намеревался тайно убить троих. Эйхсфельдские крестьяне взбунтовались и не хотят щадить своих господ. Повсюду много такого, что может служить вам примером».

Заводите танец! Принимайтесь за дело! Обязательно познакомьте с этим письмом рудокопов!

Пока Мюнцер должен ограничиться этим письмом, но скоро заработает печатный станок, и тогда можно по-настоящему наставлять братьев. Сердца их должны стать крепче, чем все замки и твердины врагов!

Вперед! Вперед! Куйте — железо уже горячо. Пусть ваш меч обогрится кровью и не знает пощады! До тех пор, пока живы тираны, вы не освободитесь от страха человеческого. Не давайте себя запугать. Не страшитесь тьмы врагов. Будьте мужественны, и вы почувствуете помощь божью!

Закончив воззвание, Мюнцер бросился в ратушу. Надо немедленно послать сильный отряд восставшим лангензальцам! Но члены Вечного совета не разделяли ни его воинственности, ни его нетерпения. Все это надо хорошенько взвесить. Лангензальца принадлежит Георгу Саксонскому, и он, наверное, не будет в восторге, если они направят туда отряд. Так-то они поняли святейшую обязанность «избранных» оказывать помощь братьям, которые ее просят!

Его поддержали немногие. Большинство совета высказалось уклончиво. О долге «избранных» с Мюн-

цером не спорили, но и на военное выступление не соглашались. Ну, хорошо, пусть они остаются сидеть на своих скамейках — в городе хватит людей, которые по-настоящему любят свободу!

В поле, за городской стеной, шло военное учение. Мюнцер, Пфейфер и несколько ахтманов побежали туда. Говорить начали ахтманы:

— Лангензальца восстала! Издавна была она убежищем нечестивых. Там скрываются беглые бургомистры, их тоже не грех вытащить из норы и отрубить им головы!

— Разве дело в одних бургомистрах? — перебивает Томас. — Вся Германия пришла в движение. Настала пора действовать!

Здесь иначе, чем в ратуше, отнеслись к словам Мюнцера. Люди, потрясая оружием, кричали, что не пожалеют жизни ради святого дела. Томас велел развернуть знамя — огромное белое знамя с изображением радуги. Четыреста человек выступили в поход. К ним по дороге присоединялись крестьяне.

Под Лангензальцей их ждала неожиданность. Ворота были закрыты. Берлепш еще сидел в своем замке, а магистрат морочил общину переговорами. Письмо мюльхаузенского отряда с предложением помощи вызвало горячие споры. Члены магистрата попрекали сторонников Мюнцера: зря они обратились к чужим, когда самим им куда проще уладить все без кровопролития и пожаров. Им поверили. Отряду, стоявшему под стенами города, послали ответ: «Дорогие братья, мы дружески благодарим вас за ваше предложение, но желаем, если будет на то воля божья, наши дела меж собой решить миром». Отряд почти двумя бочками пива.

Это была неудача. Возвращаться в Мюльхаузен? Томас был убежден, что община не даст слишком долго водить себя за нос и тогда снова потребуются их помощь. Было решено уничтожить лежащие в округе монастыри и поместья.

На следующий день отправились к Фолькенрода и разорили там монастырь. Особенную ненависть крестьян обычно вызывали грамоты. Вот где вся

кривда — на них ссылаются господа, когда дают мужика повинностями! Книги рвали, документы втапывали в грязь, охапки грамот тащили в хлев. Славная будет подстилочка для скотины!

Из окрестностей Лангензальцы к Томасу прибыли ходоки. Восставшие спрашивали, что им делать.

— Все замки и поместья дворян, которые не подчинятся, — отвечал Мюнцер, — разрушайте до основания. Хорошенько следите за Берлепшем, этой кровавой собакой. Если он уйдет, будет очень плохо. Следите за мостом, через который он может бежать. Лучше его убить, чем дать уйти!

В деревне Гёрмар расположились лагерем. Устроили кухню, разбили две палатки. Утром двинулись к Шлотгейму. В женском монастыре нашли много дорогих вещей, съестных припасов, вина. Монахинь разогнали.

— Нечего им здесь на чужой счет жиреть и попивать винцо! Пусть привыкают работать, время дармоедов кончилось!

Рядом находилось большое поместье. Жалуясь, прибежали мужики. Хозяин дерет с них три шкуры, его жена ходит в золоте и жемчугах, а их бедные бабы совсем отощали от голода и рады мякинному хлебу. Господский дом был действительно полной чашей. Кладовые так и ломились от всякого добра. Сам дворянин успел улизнуть. А где хозяйка с ее драгоценностями? Дверь горницы заслонила служанка: там идут роды! Люди остановились. И вдруг раздался чей-то насмешливый голос:

— Взглянем-ка, братцы, на такое чудо: на сносях не была, а рожать собирается!

Притворщицу вытрясли из ее тряпок — на пол посыпались перстни, ожерелья, деньги.

В лагере начали разбирать добычу, когда заметили, что со стороны поля к ним приближается большой, человек в четыреста, отряд. Это пришли со своим желто-зеленым знаменем крестьяне-эйхсфельдцы. Их встретили восторженно. Они как следует расправились с замками и монастырями. Девять возов бы-

ли доверху нагружены церковной утварью, колоколами, салом.

Мюнцер выехал к ним верхом и держал речь. Он говорил о великих целях восстания, хвалил эйхсфельдцев за смелость, назвал братьями. Все, что изымают у монастырей или отбирают у господ, принадлежит крестьянам. Но пусть они не растаскивают добычу по домам — это достояние общины, и употребить его надо с толком. Захваченное имущество он поделил поровну между двумя отрядами. Пфейфер не отходил от эйхсфельдцев.

У него возник новый план, и он во что бы то ни стало хотел навязать его Мюнцеру. Они обязательно должны повернуть в Эйхсфельд. Он ведь знает там каждый камень. Нет деревни, в которой он раньше не проповедовал. Там богатейшие монастыри. Огромная добыча прямо просится в руки. По одному тому, что притащили сейчас крестьяне, видно, сколько там разного добра.

Переубедить Мюнцера ему не удалось. Они, как и было задумано, пойдут к Франкенхаузену. Во многих городах Тюрингии почти одновременно вспыхнуло восстание. Крестьяне будут собираться под Франкенхаузеном. И почему Генрих так упрямо твердит о добыче? Разве для них богатые монастыри важнее рудников с их воинственным людом? Пфейфер вывернулся: а чем, если не золотом из церквей, он будет платить за порох?

Еще не поднялось солнце, когда Томаса разбудили. Вестник, шатаясь от усталости, передал ему письмо. Жители Франкенхаузена, опасаясь нападения со стороны мансфельдских графов, умоляли поторопиться с присылкой подмоги. Он тут же сел отвечать. «Вы просите двести воинов, но мы пришлем вам не такой маленький отряд, а значительно больший. Все мы хотим идти вам на помощь. Вы никого не должны бояться. Все будет хорошо. Только ни за что не дайте склонить себя красивыми словами к поганому милосердию!»

Всадник поскакал обратно.

Когда Мюнцер вышел из палатки, он заметил Генриха. Тот, окруженный слушателями, с жаром рассказывал о виденном сне. Ему приснился амбар. А в амбаре полным-полно мышей. Тогда он, не задумываясь, схватил палку и стал их беспощадно бить. Он истребил всех. Что это значит? Это значит, что он, Генрих Пфейфер, с товарищами должны уничтожить всех дворян и монахов! Поэтому они и пойдут в Эйхсфельд!

Томас вмешался. Отряд двинется не в Эйхсфельд, а к Франкенхаузену. Таков давний замысел, и сон тут ни при чем.

— С каких это пор, — зло огрызнулся Пфейфер, — брат Томас пренебрегает видениями и снами?

Спорить было не время. В лагерь пришли крестьяне Апеля фон Эбелебена и просили о заступничестве. Они тоже, как и другие, предложили господину заключить с ними христианский союз. Он ответил насмешками и бранью, а потом велел спустить на них собак. Неужели ему не отомстят? Ведь отсюда до его поместья рукой подать!

Они двинулись на Эбелебен. Узнав об их приближении, владетель замка предусмотрительно скрылся. Из окрестных сел сбежались крестьяне. Мюнцер обратился к ним с речью. Замки — оплот всякого гнета, вертепы разбойников, которые грабят собственную страну. Апель не захотел признать над собой власть общины. Поэтому замок его будет обращен в развалины!

Под ударами таранов затрещали крепкие ворота. Еще! Еще!.. Наконец-то они добрались до злодейского гнезда! Сколько лет терпели они Апель и сейчас воздадут за все! Взломали двери, разбивали окované железом сундуки, тащили вниз вороха одежды, ткани, ковры. Все это добро принадлежит мужикам: за счет их крови и пота Апель набивал свои кладовые!

Со всех сторон прибывали крестьяне. Там разнесли господские овины, здесь в поле вытащили из ям закопанное зерно.

— Разве по всей округе один Апель мучил людей? Каждый аббат или рыцарь, — повторял Томас, — который не пожелает добровольно отказаться от своих владений и не присягнет на верность общине, должен быть изгнан!

Когда замок Апеля был опустошен, отряд вместе с крестьянами направился к лежащему неподалеку монастырю. Настоятельница, алчная и злая, никому не прощала ни недимок, ни грошового долга. Монастырь, а вслед за ним еще несколько замков были разорены дотла.

Захваченного имущества было много. Пфейфер вызвался следить за тем, чтобы обошлось без злоупотреблений. Он делил добычу, указывал, как лучше ее переписать и как вязать в узлы. Он орудовал очень умело, словно был не проповедником, а всю жизнь служил маркитантом у ландскнехтов. Долю отряда, целую цепь груженных доверху возов, решено было послать в Мюльхаузен и другие места, где нуждались в средствах для закупки оружия.

Ночь провели в Эбелебеце. Сюда к Мюнцеру явились несколько дворян. Они отказались от своих титулов, клялись содействовать общей пользе, обещали выставить лошадей и кнехтов. Томас собрал сходку. Дворяне один за другим выходили на середину круга. Кто может обвинить их в чем-нибудь перед общиной? Особых грехов за ними не числилось, и их приняли в братство. Крестьяне добродушно похлопывали их по плечам: мужицкое сословие множится!

В лагерь прибывали гонцы, ходоки, посольства. Восставшие Нордхаузена прислали к Мюнцеру за указаниями и советом своих людей. Особенно приятно было Томасу увидеть среди них Ульриха Крайца, каменотеса, давнего друга, с которым в Галле они вместе создавали союз. Начатое дело Крайц продолжал в Нордхаузене. Он доволен своей работой, но не забывает о Галле и думает туда перебраться.

Послы торопились в обратный путь. Томас провожал их. При прощании он, усмехнувшись, сказал Крайцу: «А моему милостивому владыке передай, что

мы намерены скоро быть у него и сами дадим ему отпущение грехов». Все дружно захохотали.

Вести из Лангензальцы злили. Там все еще не устранили полностью старый магистрат и не решили, что делать с Берлепшем. Его, правда, выкурили из замка и прибрали к рукам, но до сих пор не судили. Что они медлят? Мюнцер был очень недоволен и откровенно писал об этом. Братья из Лангензальцы вроде как бы выступили зачинщиками и еще других побуждали восставать. А теперь ведут себя так подетски. Что они носятся с Берлепшем? Захваченного злодея надо подвергнуть пыткам. Нечего пригревать на груди змею. Берегитесь лживых проповедников, которые твердят вам о милосердии!

До слуха его донеслись радостные возгласы. Что там происходит? Еще какой-нибудь отряд прибыл в лагерь?

Десятки людей дружно разгружали возы. Генрих торжествующе улыбался. Он знал, что мюльхаузенцы не подкачают. Глядите, сколько прислали они разной снеди и пива! С тяжелым чувством смотрел Мюнцер на телеги, полные корзины и бочек. Хороши же эти бессребреники из Вечного совета! Когда надо было оказать Лангензальце помощь, они не захотели пошевелиться и пальцем, а теперь, получив груды монастырского добра, они тут же в поощрение шлют окорока: мы, мол, помним о земляках, пусть и они нас не забывают!

Вечером разыгралось целое пиршество. Молчаливый и задумчивый, сидел Мюнцер у костра. Не веселило его доброе мюльхаузенское пиво: уж больно у него был горький привкус.

В отряде влияние Пфейфера было очень сильным. Когда Мюнцер сказал, что пора покинуть Эбелебен и идти на восток, Генрих стал решительно возражать. Спор продолжался и на военном совете. Какая нужда спешить к Франкенхаузену, когда здесь под боком богатейшие монастыри Эйхсфельда? Все доводы Генриха Мюнцер уже взвесил. Его не прельщает завид-

ная добыча. Гонясь за временной выгодой, они упускают из виду великую цель. Добычу они возьмут, но они потеряют время, которого ничем не возместишь. Их ждут под Франкенхаузенom. Туда, следуя приказам, стягиваются отряды восставших, чтобы направиться в мансфельдские земли, соединиться с горнорабочими и общими силами ударить по врагу.

Спор становился все более острым, когда вдруг эйхсфельдцы попросили, чтобы их выслушали. Они говорили очень горячо, перебивали друг друга, волновались, шумели. Конечно, брат Томас мудрее их всех, но им-то что теперь делать?! Дворяне, которые попрятались по углам, когда они громили монастыри, оправившись от неожиданности и начали нападать на деревни. Они жгут дома и измываются над бабами. Сейчас самая пора воздать им сторицей. Рыцари и их кнехты грозятся, что перебьют всех мужиков. Помощь нужна немедленная. Мюнцер не успеет вернуться из Хельдрунгена, будет слишком поздно — их уже никого не останется в живых!

Совет внял этим мольбам и высказался за поход в Эйхсфельд. Они быстро наведут там порядок и тогда смогут отправиться на восток. Пфейфер был очень доволен. Не он ли вложил в уста эйхсфельдцам, своим старым знакомым, столь пылкие речи?

То ли храбрецы рыцари испугались сильного отряда, то ли их воинственность была преувеличена, но и в Эйхсфельде до вооруженных столкновений дело не дошло.

Жители Оршеля выслали навстречу отряду своих старейшин и зазвали в гости. Они спустили воду из монастырских прудов. На кострах шипели огромные сковороды. Хороша рыбка, которой лакомились монахи! Ешьте, друзья, досыта, каждый получит вволю!

Отряд, не встречая сопротивления, двигался от одного замка к другому. Тамошние крестьяне потрудились на славу: во многих поместьях и монастырях остались лишь голые стены. Теперь их предавали огню. Пфейфер любил смотреть на пожары. С особым удовольствием сжег он замок, где прежде был пова-

ром и ключником. Часто казалось, что он сводит какие-то личные счета.

В том краю самым большим городом был Хейлигенштадт. За его стенами, как говорили, аббаты спрятали огромные ценности. Еще из Оршеля Мюнцер и Пфейфер направили туда послание: пусть им выдадут все имущество, принадлежащее попам и дворянам. Вместо ответа магистрат прислал послов и просил времени подумать. Что здесь раздумывать: они или защищают тиранов, или становятся на сторону народа!

Отряд обложил город. Советники заволновались. Они не хотят распри и просят предводителей с тридцатью всадниками пожаловать для переговоров. В ратуше их уже ждали накрытые столы. Мюнцер сердито отмахнулся. Он приехал не пировать, он хочет говорить с общиной. На это согласились весьма неохотно. В церковь, куда он пошел, сбежалась уйма народу.

Пфейфер и его друзья пировали. Угодливо потчуют гостей, советники уже надеялись, что сумеют повернуть все по-своему, когда вдруг в зал вошел Мюнцер. За его спиной стояли десятки возбужденных людей. Да он собрал голодранцев со всего города! Мюнцер показал на советников. Вот кто защищает тиранов! Члены магистрата не знали, как вывернуться. В церкви, оказывается, община присягнула на верность Евангелию. Кончилось дело тем, что они тоже принесли присягу и выдали скрываемое имущество.

В Лангензальце положение изменилось. Советники соглашались на разные мелкие уступки. Община подняла их на смех. Ну и ловкачи, они желают отделаться пустяками, когда пробил час великих перемен! Если они не хотят по доброй воле, как обещали, подчиниться общине, то придется снова обратиться к братьям из Мюльхаузена, благо они рядом.

Магистрат сдался, присягнул поступать согласно слову божьему. Город стал оказывать помощь крестьянским отрядам, действующим в округе. Берлепша, однако, не судили. Он на коленях выпросил

прощение. Отправляясь в поход, его прихватили с собой. Отряд привлекал на сторону восставших одно местечко за другим. Берлепш от имени отряда предлагал вступать в союз или угрожал карой. Он усердно нес свою новую службу.

Поддерживая план Мюнцера, отряд из Лангензальцы повсюду призывал крестьян идти к Франкенхаузену.

Когда выяснилось, что мятежным деревням расправа, о которой говорили эйхсфельдцы, непосредственно не угрожает, Мюнцер потребовал прекращения похода. На всем своем пути они не встретили ни мстящих рыцарей, ни наемников. Два города, к которым они подходили, подчинились. Замки и монастыри разрушены. Они не могут оставаться здесь, когда в другом месте они действительно необходимы. Им уже пора быть под Франкенхаузенем.

Военный совет согласился с Мюнцером. На этот раз не возражал даже Пфейфер. Не потому ли, что эйхсфельдские монастыри, в большинстве своем уже опустошенные местными жителями, не дали столь великой добычи, как он мечтал?

Лютер понял, что ему надо убираться восвояси. Он думал, что ему удастся успокоить народ и предотвратить возмущение. Но даже здесь, вокруг Эйслебена, в родных местах, где раньше у него было столько восторженных сторонников, он ничего не достиг. Народ больше не желал его слушать. Проповеди Лютера прерывались насмешливыми выкриками. На улицах вдогонку ему несло: «Княжий угодник!» От былого к нему уважения не осталось и следа. Дверь комнаты, в которой он остановился, вымазали дегтем.

А когда и в Тюрингии разгорелся бунт, ему пришлось совсем туго. В Нордхаузене его осыпали градом угроз. Он все чаще ловил взгляды, полные ненависти и презрения. Рудокопы наговорили ему такого, что он решил тут же уезжать. Пусть, мол, доктор Люгнер у себя в Виттенберге проповедует свое обгаженное смирение. Здесь больше дураков нет. Все

знают, что над народом властвовать должен один бог. И пусть новый папа подобру-поздорову уносит ноги, пока с ним не обошлись, как с пойманным лисом!

Доктор Мартин не находил себе места от ярости. Мюнцер! На каждом шагу Мюнцер! Он своим учением развратил всех этих людей, отравил их души, подбил на непокорность. Они до мозга костей прониклись мюнцеровым духом. Чего же тогда от них ждать? Их надо давить немедленно и беспощадно!

Его поражала нерешительность князей. Можно понять курфюрста: он при смерти. Но что думают другие, здоровые и полные сил? Слепли они, или у них в жилах не кровь, а вода? Если они будут слишком долго готовиться, они опоздают, и им, побежденным, самим придется просить милости. Какие сейчас могут быть уговоры: карать и карать, пока не поздно!

Огонь возмущения подбирался все ближе. Лютер спешно выехал из Эйслебена. Все время у него из головы не выходил последний разговор с Рюхелем, его другом и свояком, советником графа Альбрехта Мансфельдского. При расставании Рюхель сказал ему, что Альбрехт еще боится прибегать к крутым мерам. Поразительная слепота! Нет, он, Лютер, не может так этого оставить! Он должен вмешаться.

По дороге ему то и дело попадались крестьяне. Оживленно разговаривая, они куда-то шли. Многие прихватили с собой оружие. Лютер из своей повозки видел их лица. Он окончательно потерял покой. На первой же остановке, когда кучер поил лошадей, Лютер взялся за перо. Он напомнил Рюхелю об их разговоре и просил, чтобы тот всеми силами призывал графа быть твердым. Он опять писал об обязанностях правителя.

Ни в коем случае, предупреждал Лютер, нельзя верить крестьянам, когда они говорят, что не хотят никому зла. Чертовы штучки! Зачем тогда они собираются в шайки и настаивают, чтобы согласились с их требованиями? Им нельзя ни в чем уступать. Мужики походят на того разбойника с большой дороги, который сказал вознице: «Я тебе ничего не сде-

лаю плохого, только отдай мне все, что имеешь, и поезжай, куда я хочу, или же прощайся с жизнью!»

Пусть ему, Лютеру, сто раз отрубят голову — он не признает их правыми и не одобрит того, что они делают. Крестьяне настроены по-мюнцеровски. Поэтому власти должны со спокойной совестью, без всяких колебаний карать их мечом!

Альбрехта Мансфельдского наставляли, подталкивали, раззадоривали вовсю. Он решил, наконец, проявить твердость и повел своих рейтар в поход. Он напал на крестьян, шедших к Франкенхаузену. Десятки убитых мужиков остались в поле. Деревню, лежащую рядом, Альбрехт спалил. Он действовал, как учит доктор Мартин, в полном соответствии с волей господней. Бог и вручил рыцарю меч для того, чтобы бить им по непокорной мужицкой вые.

Альштедт опустел. Осунувшийся и постаревший бродил по своему замку шоссер Цейс. Беспомощность сковала его. Кругом все рушилось: мир, порядок, привычные представления о праве, о собственности, о долге, о власти. По проселкам двигались отряды восставших. Горели монастыри. Страшная вещь — никто не поднимает своего меча против этого, а столько в стране князей! Страх и растерянность царят повсюду. Многие города охвачены бунтом. Должностных лиц осаждают в их домах и грозятся убить. Дворяне скрываются, прячутся или, того хуже, опасаясь за свои поместья, величают крестьян братьями. Одного графа схватили на дороге. Перепуганный насмерть, он не помнил, как слез с лошади. Его заставили сесть на камень и подписать клятвенное обещание действовать с крестьянами заодно. Другой граф одолжил бунтовщикам пушку и дал провиант. Восстание ширится с каждым днем, и вот уже по всей Тюрингии народ поднимается против властей. Что-то будет дальше?

Цейс писал курфюрсту письма, полные тревоги. Альштедт объят мятежным духом. Замок укреплен очень плохо, кнехты ненадежны. Пусть курфюрст придет сюда более подходящего человека. Он, шоссер, не в силах что-либо сделать. Ночью половина альштедтцев убежала из города. Тем, кто оставался, пригрозили, что их, вернувшись, перебьют. И сейчас в Альштедте мужчин нет, кроме дюжины больных и слишком дряхлых. Все ушли к Мюнцеру. Окрестные деревни тоже обезлюдели, мужики последовали за подстрекателями. Лютер в мансфельдских землях, но от его увещаний мало толку. Его не хотят слушать. Рудокопы собираются в шайки. Крестьяне под Франкенхаузенем не противятся переговорам, с ними можно было бы поладить. Особенно опасен Мюнцер со своим мюльхаузенским отрядом.

Письмо за письмом слал шоссер своему повелителю. Но ответа на них не получил: Фридрих, курфюрст Саксонии, был уже мертв.

В эти дни смятения и тревоги Цейс постоянно вспоминал Мюнцера. Все чаще шоссером овладевала мысль о неминуемой победе крестьян. Видно, никто из правителей и впрямь не удержится у власти, все будут повержены в прах.

Сколько раз он предостерегал: Мюнцер, этот кровавый пророк, отравляет людей своим учением и готовит мятеж! К его словам не отнеслись достаточно внимательно. И вот итог! Повсюду народом овладел мюнцеров дух. Еще совсем недавно крестьяне юга готовы были прислушаться к увещаниям Лютера, а сейчас и там царят убийства и погромы. Власть черни всегда вызывала у него отвращение, а в Тюрингии он сам убедился, что это значит. Корень всех несчастий в том архисатане, который правит в Мюльхаузене! Уговоры несвоевременны и бесполезны. Мятежников надо беспощадно истреблять!

Лютер задыхался от злости. От лукаво-примирительных фраз «Призыва к миру» не осталось и следа. Он совершенно потерял самообладание. Дикой, нео-

бузданной жестокостью были полны страницы его нового памфлета — «Против разбойных и грабительских шаек крестьян».

Десять раз заслуживают взбунтовавшиеся мужики смерть телесную и духовную! Три рода ужаснейших грехов лежат на них: как клятвопреступники и непокорные негодяи поднялись они против своих господ, которым обязаны послушанием; они как грабители и убийцы разоряют монастыри и замки; мало того, эти злейшие богохульники еще прикрывают Евангелием свои отвратительные преступления.

Каждый, кто раньше других удавит мятежника, поступит справедливо. Мятеж подобен большому пожару, который опустошает землю. Это величайшее бедствие. Поэтому всякий, кто может, должен явно или тайно убивать восставших крестьян, душить их и колоть! Нет ничего более дьявольского, более ядовитого и вредного, чем бунтарь. Его надо убивать, как бешеную собаку! Если ты его не уничтожишь, то он убьет тебя, а вместе с тобой погубит и всю страну!

Прежде Мюнцер упрекал мюльхаузенцев, что они слишком невежественны и медлительны. Но то, с чем он столкнулся, вернувшись, было еще хуже. Его противники умело играли на любви жителей к родному городу. Разве можно уходить в поход, когда дома дорог каждый человек и каждая пушка? В ратуше он спорил ожесточенно: за рассудительными речами членов Вечного совета о подготавливаемом нападении князей ему так и слышался коварный шепоток толстосумов. На цеховых сходках он снова и снова говорил о единстве. Победа придет, если они будут действовать сообща с крестьянами. Если те будут разбиты войсками тиранов, то и Мюльхаузену несдобровать. Не помогут ни огромные пушки, ни мощные укрепления. С ним соглашались. Он призывал выступить из города — опять начинались колебания. Бросить жену и детей на произвол судьбы и идти за тридевять земель? О, как трудно, бесконечно трудно, наставлять братьев — уж очень они ограничены и темны!

Ганс Бегам. Барабанщик и знаменосец восставших крестьян.

Восставшие крестьяне.

Драгоценные часы уходят на споры, убеждения, уговоры. А тем временем в лагере под Франкенхаузенем растет тревога. Где замешкался Мюнцер со своими людьми? Его просили прислать на подмогу двести воинов, он отвечал, что придет гораздо больше. Все они, как один, придут к ним! Пролетело больше недели, а брата Томаса все нет. Они снова пишут ему взволнованное письмо. Дела у них обстоят плохо. Не сегодня-завтра на них набросится Эрнст из Хельд-рунгена. На каждом шагу предательство. Окружные начальники, обещавшие поддерживать крестьян, нарушают свои клятвы. Часть восставших Зангерхаузеня обманом завлекли в замок и там обезоружили. Враги захватили весь скот. Женщины и дети, опасаясь господской мести, бежали из деревень. День и ночь они под открытым небом, в поле или лесу. В лагерь, объятые страхом, прибежали мансфельдские мужики из тех, кому удалось спастись, когда граф Альбрехт злодейски на них напал. Герцог Георг вместе с Эрнстом намерены перебить всех непокорных. Где та помощь, которую обещал Мюнцер? Если он в ближайшие два дня не явится сюда со всеми своими силами, чтобы спасти христиан от кровавых волков, то общее дело потерпит непоправимый ущерб!

Его ждут не только под Франкенхаузенем. Со всех сторон летят к нему призывы о помощи. Отряд, расположившийся лагерем под Эйзенахом, надеется, что он придёт к ним. А он не может послать им ничего, кроме своих страстных писем, полных веры в победу. Он упрямо повторяет: «Мы со всеми отрядами придем к вам на помощь, нас ждут в другом месте — имейте немного терпения. Мы обязательно придем. Никого не бойтесь!»

Но сейчас нужны не обещания — нужны люди, пушки, порох. Мюнцер обращается к Вечному совету: если они еще никак не могут решиться на выступление, то пусть хотя бы выдадут ему часть военных припасов, купленных на добычу, присланную в город. Ему отвечают, что избытка в припасах нет. Чем же они занимались? Чего ради набивают сокровищ-

ницу золотом, когда пороховые погреба стоят полупустые?

Его слушают, переглядываясь и пожимая плечами. О каких огромных средствах он говорит? В казне считанные гульденy. Он настойчиво доискивается, куда же девались ценности, захваченные в монастырях и храмах. Томас поражен: самые дорогие предметы — серебряные дароносицы, парчовые покрывала, золотые чаши — в кассу общины не поступали. Их ловко похитили, неизвестно когда и неизвестно где. Это нельзя оставлять безнаказанным! Мюнцер поручает розыск надежным людям.

Пропавшие вещи находят в доме скромной, тихой старушки. Томас не хочет верить. Это родная тетка Пфейфера, Генриха Пфейфера!

Е

го просили вассалы, уговаривали родственники, умоляла мать: нельзя покидать Гессен ради защиты чужих владений, когда разбойные шайки не сегодня-завтра ворвутся в его собственные земли!

Ландграфу Филиппу было двадцать лет, и хотя он, разгромив рыцарский мятеж, стяжал славу храброго полководца, его часто упрекали в излишней горячности, в отсутствии дальновидного расчета, необходимого каждому князю. О, молодости свойственно безрассудство!

Но ландграф знал, что он делает. Он раньше дру-

гих понял, какую опасность представляет для всей империи разгорающийся на юге крестьянский бунт. Сотни разносчиков крамолы шли от села к селу: «Поднимайтесь и вы!» Ландграф боялся, что подстрекатели проникнут и в Гессен. Он велел следить за ними, вылавливать, карать. Считая, что все немецкие князья должны помочь своим собратьям, пытающимся прекратить смуту, Филипп посылал на юг деньги и конницу. Он обещал отправиться туда сам, но события в Средней Германии заставили его передумать.

Еще осенью Мюльхаузен привлек внимание ландграфа. В начале года к нему за помощью обратились беглые бургомистры. Стоит ли охотиться по деревням за отдельными подстрекателями, когда в Мюльхаузене — очаг опаснейшей заразы? Там Мюнцер содействует злодейскому сговору черни с мужиками. Он связан с крестьянами Шварцвальда и видит в них своих союзников и братьев. Необходимо нанести удар по Мюльхаузену.

Весенний ветер раздувал пламя полыхающего во Франконии бунта. На пасху огонь добрался и до Гессена. Восстала Фульда. Город Херсфельд встал на сторону крестьян. Ландграф Филипп не колебался. Он поднял на ноги огромное войско и захватил с собой мощные пушки. Взяв Херсфельд, ландграф двинулся на Фульду. Там обнаружилось много такого, что его встревожило. Горожане выступали заодно с крестьянами, они связались с восставшими Шмалькальдена и Франконии, рассылали соседям письма с призывами захватывать власть. Филипп был, как вепрь, свиреп и жаден. Грабя и паля деревни, он быстро двигался вперед. Под Фульдой лагерем стояли крестьяне. Не выдержав и первого натиска, они бросились бежать. Рейтары гнали их к городу. Ворота были закрыты. Люди метались на краю рва. Их всех, несколько сот человек, столкнули вниз.

Фульда сдалась. В замке были обезглавлены зачинщики. Ландграф обвинил власти в попустительстве мятежу. Он, вассал фульдского аббата, провозгласил отныне себя его сюзереном по праву завоевания.

Содранную с города контрибуцию он велел разделить среди наемников. Пять суток Филипп стоял в Фульде, и все пять суток крестьяне во рву не получали ни воды, ни пищи. Туда швыряли отбросы из кухни. Ландграф любил смотреть, как из-за них ссорились.

А в это время восстание, начавшееся и в Тюрингии, распространялось все шире и шире. Филиппа очень волновали успехи франконцев. Но он был убежден, что надо идти в Тюрингию. Здесь нет еще таких многотысячных отрядов, как в других местах, но во главе восстания стоят люди, которые стремятся к перевороту.

Он решил, невзирая на опасность, грозящую собственным владениям, направиться в Тюрингию. Какое безумное благородство! Стареющие дамы восторженно приветствовали юного ландграфа. Слава богу, в этот век расчетливости и торгашества не перевелись еще среди немецкой знати настоящие рыцари!

Филипп усмехался. За кажущимся безрассудством и чрезмерным рыцарским пылом скрывался холодный расчет. Он был прозорливей, чем его умудренные опытом советники. Со всех сторон ландграфа пугали драконом великого возмущения, его лапами, которые тянулись к Гессену. Он лучше других видел опасность, и поэтому хотел поразить дракона непокорности в самое сердце — изловить и обезвредить Томаса Мюнцера.

Особой вины Пфейфер за собой не чувствует. Да, он взял часть монастырских вещей, но это его доля, его законная доля. Кому, как не ему, вкушать плоды победы. Он начал войну с монахами, когда Мюнцера здесь не было и в помине. Он нанес старому магистрату самые тяжелые удары. Если бы не он, Пфейфер, Томасу никогда бы не вернуться в Мюльхаузен. Он по праву взял свое, потому что настоял идти на монастыри, а не бежать навстречу рудокопам. Послушались бы Мюнцера — сидели бы все сейчас впроголодь под Франкенхаузенном.

Томас меняется в лице. Пфейфер еще оправдывает такое злодейство! А ведь он не просто украд

у общины ее достояние, он пренебрег общей пользой ради низкой своей корысти. Пфейфер говорит о каком-то своем праве, а сам поостерегся хранить украденное в собственном доме и запрятал его к старой тетке. Он предал великое дело за парчовые покрывала да золотые чаши. И он должен быть за это наказан!

Мюнцер говорит Пфейферу, что будет всеми силами добиваться суровейшего наказания отступников. Да, ему давно пора в поход. Восемь драгоценных дней потеряны из-за эйхсфельдской затеи. Но он не может покинуть Мюльхаузена, пока дело не решено. Ведь это не просто хищение — это злейшая измена. И так уже прежние советники ехидно хихикают по углам: басни, мол, о царствии божьем на земле, когда все станет общим, только для того и нужны, чтобы ловкие плуты могли бы легче прибирать к рукам чужое добро! И что же выходит: Пфейфер, который годами обличал жадность папистов и кричал о равенстве, при первой возможности грабит общину. Ради чего же они борются — чтобы вместо монахов и рыцарей самим вырядиться в бархат и шелк, потягивать старое вино и обжираться каплунами? Может, они еще возьмут и поповых наложниц, которые остались теперь без покровителей и кормильцев?

Томас требует от Вечного совета, чтобы разобрали дело Пфейфера и всех, кто постыдно нарушает клятвы. Сатана, пишет Мюнцер, орудует вовсю, он любыми путями стремится причинить вред общей пользе. Крайне необходимо сегодня же на сходке допросить всех, по чьей вине город терпит огромный ущерб. Если они не покаются в своем злодействе, то отряд должен их сурово наказать. Когда Иуда разоблачен, он уже не опасен! Мюнцер настаивает, чтобы общину собрали немедленно. С этим надо покончить еще до выступления в поход!

Его обращение повисает в воздухе. Вечный совет не торопится. Томасу не понятна такая медлительность. Неужели и впрямь не клевета слухи о том, что Пфейфер вовремя поделился добычей кое с кем из советников?

Он застрял в Мюльхаузене, а к нему со всех сторон летят письма. Его просят о помощи, быстрой, значительной. В него верят. Его ждут. Отовсюду — призывы прислать подкрепления, жалобы на нехватку оружия, на трудности, на измену. В надежде пожить чужим добром к восставшим присоединяются разные проходимцы. С них надо не спускать глаз! Какой-то мошенник в Зондерсхаузене, ссылаясь на приказы, будто бы полученные от Мюнцера, стал своевольничать и притеснять горожан. Томас тут же отвечает: мы таким корыстным злодеям не давали никаких приказов, поэтому немедленно сажайте их под арест. Не щадите их, карайте со всей строгостью. Иначе Германия превратится в вертеп разбойников!

Всеми силами старается Томас внушать мужество. Он хочет, чтобы действия отрядов были согласованными. Поднимайтесь, мы скоро будем у вас и вместе разорим гнездо стервятников!

Ждать больше нельзя. Вечный совет должен осудить Пфейфера и послать войско к Франкенхаузену! Ему возражают: сегодня созывать общину несвоевременно. Томас пытается сам собрать общину. Ему открыто идут наперекор. Вечный совет откладывает сходку.

Новый день приносит новые заботы. Крестьяне под Эйзенахом попали в беду. Они поверили в дружеские чувства горожан, а те обманом захватили их предводителя и ящик с деньгами. Теперь весь свет начинает понимать божью правду, пишет Мюнцер эйзенахам, власть должна быть передана простому народу! А что делаете вы? Вы без усталости кричите о справедливости, а когда наши товарищи на вас положились по простоте душевной, вы так коварно с ними поступили! Крестьянам следует отдать и их начальника и их добро.

В Вечном совете знали, что Мюнцеру давно пора выступать в поход, и не торопились разбирать обвинения, опасные не только для Пфейфера. Много может всплыть! Тем временем Генрих восстанавливал против Мюнцера своих сторонников. Слишком уж

много берет на себя этот Альшtedтец! Подумаешь, какой самозванный король объявился! Не зря, видно, мюльхаузенцев попрекают, что они не признают законного императора, а поставили над собой собственного.

Мюнцер не мог больше ждать. Он настаивал, чтобы Вечный совет отдал приказ о выступлении мюльхаузенского отряда. Теперь Пфейфер был заодно с советниками: мюльхаузенцы должны прежде всего подумать о себе. Им угрожает нашествие, а они, бросив без защиты жен и детей, ринутся в чужие края. Пусть Мюнцер со всеми пришлыми и отправляется в поход, но граждане Мюльхаузена обязаны остаться дома!

Измена за изменой! Мюнцер обращается к предместьям, где всегда прислушивались к каждому его слову. Призывно бьют барабаны. Но под белое знамя с радугой собираются немногие.

В тяжелый час расстается Мюнцер с женой. Она так хочет идти вместе с ним! Но это невозможно: Оттилия снова ждет ребенка.

Когда 10 мая Мюнцер выступил в поход, отряд насчитывал триста человек, из них большинство были его верные альшtedтцы. Они везли за собой всего восемь легких пушек. А ведь он обещал, что к Франкенхаузену направятся все, как один!

Мюльхаузенцы не сдвинулись с места, когда их звал Томас. А чуть позже, мстя за разрушение замка, сын Апеля фон Эбелебена со своими приятелями угнал с пастбища принадлежавшее городу стадо. На этот раз горожане вышли в поле с пушками. Скотину отбили обратно. Грабителей дворян захватили в плен. Во время стычки несколько мюльхаузенцев было убито. И исполнились слова, которые любил повторять Мюнцер: «Тот, кто боится пострадать во имя правды, погибнет ради сатаны!»

Под Франкенхаузенем собралось великое множество людей. Никто точно не знал, сколько их было — шесть или восемь тысяч. Радость, которую

Мюнцер испытал, завидя огромный лагерь, сменилась чувством тревоги. Городок был укреплен плохо, оружия не хватало, резко ощущался недостаток ядер и пороха. Среди крестьян было мало людей, опытных в военном деле. Выбранные наспех вожди не могли обеспечить порядка. Но Мюнцера больше всего беспокоило не это. Если люди сильны духом, то цепа и косы становятся грознее ружей!

Мюнцера поражало легковерие крестьян. Тот же самый мужик, который на рынке, продавая курицу, долго и подозрительно разглядывает каждый грош, верит любым обещаниям, если дает их какой-нибудь князь!

В лагере начинались толки: необходимо, дескать, прекратить распрю и восстановить согласие. Мюнцер велел повнимательней приглядеться к тем, кто затевает подобные разговоры. Вскоре к нему в палатку привели трех подозрительных. Они были в крестьянской одежде. Их выдали руки: измазанные, но без ссадин и мозолей, они никогда не держали ни вил, ни заступов. Им пришлось назвать себя. Это были два дворянина, вассалы мансфельдского графа. Третий был священник. Что они искали в лагере? О своем поручении они говорили весьма неохотно. Только ради христианских наставлений о покорности властям пробрались они в лагерь? Так почему же тогда их интересуют пушки и пороховые склады? Мюнцер объявил, что схваченных лазутчиков и соглядатаев будет судить община.

Его положение было не из легких. Многие крестьяне все еще надеялись, что здесь, в Тюрингии, дело не дойдет до настоящей войны; господа, почувствовав силу народа, согласятся на перемены. Альбрехт Мансфельдский, прослышав об этих настроениях, предложил переговоры. Незадолго до прибытия Мюнцера в лагерь, Альбрехту был послан ответ: «Благородный граф и господин! Ваше письмо мы получили и обдумываем честные предложения, которые вы нам сделали». В полдень, 12 мая, сообщалось да-

лее, графа будут ждать у старого моста. Ему обещают неприкосновенность.

Хорошо зная Альбрехта, Мюнцер был уверен, что тот неспроста заговорил о мире. Он боится разгрома и хочет выиграть время. Должен ли Томас сразу вмешаться? Он не сомневался, что Альбрехт хитрит и поэтому будет оттягивать переговоры. Пусть-ка завтра крестьяне сами убедятся, чего стоят «честные предложения» этого «благородного графа и господина»!

В полдень, как и было условлено, у моста появились представители крестьян. Они стояли на солнышке и терпеливо ждали, пока приедет мансфельдский владыка. Но Томас оказался прав. Альбрехт не прибыл, а прислал гонца. Отговариваясь крайней занятостью, он откладывал встречу на два дня. Послы, рассерженные и усталые, вернулись в лагерь ни с чем.

Мюнцер приказал собирать сходку. Он вышел на середину круга и начал говорить.

Теперь все воочию увидели, как Альбрехт держит слово. Он ссылается на неотложные дела, и на этот раз не врет. Он действительно занят по горло: спешно вербует наемников, чинит крепостные стены и закупает на Рейне порох. У него и в мыслях нет пойти на уступки.

Неужели они забыли, с кем имеют дело? Кто, как не Альбрехт Мансфельдский, этот волк в овечьей шкуре, неделю назад предательски напал на крестьян, которые шли сюда, и перебил их? Неужели они не помнят об этом? Или, помня, все же полагаются на его благородство?

Он, Мюнцер, не враг переговорам. Он не зовет безрассудно бросаться в любую резню. Только в крайнем случае следует прибегать к мечу. Он был бы рад, если бы господа без пролития крови подчинились воле народа. Община может вести переговоры и ставить свои условия правителям. Тяжкая вина лежит и на Альбрехте и на Эрнсте. Если их намерения честны, то они явятся в лагерь и принесут повин-

ную. Их вызывает на суд община. И обращаться к ним надо, конечно, не так, как это было сделано прежде. Мюнцер читает свое послание графу Альбрехту.

Напрасно Альбрехт надеется, что бог в гневе своем не может побудить народ свергнуть тиранов. Разве забыл он слова о том, как сильные были повержены, а униженные, которых он презирает, подняты? Конечно, где ему в лютеровой каше и виттенбергской похлебке найти вещице слова. Копаюсь в навозе Мартина, он, разумеется, пренебрег реченьем пророка, гласящим, что все птицы небесные должны кормиться плотью князей, а звери — пить кровь вельмож.

Мирный исход возможен только в одном случае: если Альбрехт придет сюда, откажется от своей веры и признает, что власть принадлежит общине. Его уловкам они не поддадутся. И если он не примет их условия, то они будут бороться с ним, как со злейшим врагом!

Он подписался: «Томас Мюнцер с мечом Гедена».

Послание Эрнсту было еще более вызывающим и дерзким. Он напомнил ему, что он тот самый Мюнцер, который был проповедником в Альштедте. Он предупреждает Эрнста: пора прекратить неистовства и не гневить дольше бога. Все знают, как Эрнст истязал и томил людей. Кто его, жалкого негодяя, поставил князем? Он должен приехать сюда и каяться в своем откровенном тиранстве. Так на сходке решила община.

Если он не придет, то Мюнцер призовет братьев бороться с Эрнстом, не жалея жизни. Прежде можно было заслужить отпущение, воюя с турками, — теперь достаточно удавить Эрнста.

Еще сегодня вечером от него ждут ответа. Если такого не последует, они нагрянут к нему с отрядами и потом будут его судить. «Мы безотлагательно совершим то, что повелел нам бог. Делай, что сможешь. Я явлюсь к тебе!»

Сходка дружными криками приветствовала эти слова. Так и надо разговаривать с тиранами! Если

они не хотят быть уничтожены, пусть, принеся повинную, подчинятся общине.

В Хельдрунген и Мансфельд были снаряжены гонцы. Ответа на послания ждали напрасно.

Филипп, ландграф Гессенский, был в Эйзенахе, когда ему сообщили, что Мюнцер двинулся к Франкенхаузену. Он тут же велел трубить сбор. Куда поведет он свое войско? Поблизости находились два больших, сильно укрепленных города, где хозяйничали бунтари — Мюльхаузен и Эрфурт. Но Филипп не хотел рисковать. Он не имел ни охоты, ни времени на длительную осаду. Он не мог позволить себе роскоши гнать своих наемников на почти неприступные стены. Способный полководец, он принял умное решение: пройти между Эрфуртом и Мюльхаузенем, внезапно напасть на мятежную Лангензальцу и оттуда двинуться дальше на северо-восток.

При вести о его приближении в Лангензальце забили в набат и стали готовиться к обороне. Но в последний момент изменники, бывшие в магистрате, сумели взять верх. Филипп вступил в город без всякого сопротивления. Туда к нему со своим войском подошел и Генрих Брауншвейгский.

Падение Лангензальцы явилось для Томаса неожиданностью. Но не время было предаваться скорби. Надо собирать силы для решительного и неминуемого сражения. Он рассылал во все стороны приказы крестьянским отрядам стягиваться к Франкенхаузену. Отовсюду ждал он подкреплений. Надежда на дворян, которые, опасаясь за свои поместья, соглашались вступать в союз, была плоха. В ответ на призывы Мюнцера сдержать клятвы и идти на помощь с оружием и людьми присылали извинения. Всеи душой хотели бы они быть в лагере своих возлюбленнейших братьев, но тяжелые обстоятельства не позволяют им этого. Они просят не корить их за отсутствие. Жалкие лицемеры и изменники!

Быстрое продвижение ландграфа, молва о его жестокости, преувеличенные рассказы о его несметных силах, особенно об артиллерии, перед которой два года назад не устояли и грозные замки Зиккингена, все это настораживало и пугало. А тут еще слухи о спешащем навстречу Филиппу войске герцога Георга и о начавшемся походе курфюрста Иоганна. Разве одолеть такую тьму врагов? Сомнения делали крестьян нерешительными. То из одной деревни, то из другой Мюнцер получал тяжелые вести: мужики, собравшиеся было в отряд, чтобы идти к Франкенхаузену, начинали колебаться. Да, они читали письма Мюнцера, но извиняются, что не могут прибыть. Они ему еще обязательно напишут.

Эта нерешительность наполняла Томаса негодованием. Неужели они не понимают, что если поднимутся все разом, то господам конец?! А если будут почесывать затылки, пока каратели свирепствуют в соседней деревне, и браться за дреколье, лишь когда те явятся к их собственным избам, то их всех перебьют! Не они должны испытывать страх — пришло время трепетать тиранам!

Он верил в эрфуртцев. Конечно, они окажут быструю и значительную помощь. Им было направлено письмо. Сколько людей и пушек в силах они прислать? Пусть присылают все, что только могут. Позже орудия будут им возвращены. Пора истреблять нечестивых правителей: они чувствуют, что гибель их близка, и даже падающие с деревьев листья ввергают их в ужас. А праведный не побоится и сотни тысяч врагов.

Обращение было взволнованным и страстным. Но от Эрфурта Мюнцер был уже отрезан наступающими войсками ландграфа.

Твердость нужнее пороха! Лагерь был полон тревожными слухами. Малодушные все чаще с тоской вспоминали покинутые дома. Мюнцер снова собрал сходку. Трое плененных соглядатаев понесут заслуженную кару. Ни один человек, будь то дворянин,

священник или сам курфюрст, не может рассчитывать на безнаказанность, раз осмеливается чинить народу зло. Справедливость — сестра возмездия.

Он часто грозил тиранам расплатой. Им было время одуматься. Теперь пусть пеняют на себя. Возмездие падет на их головы и головы их прислужников. Народ доберется и до крупных птиц. Разбойным гнездам вроде Хельдрунгена лежать в развалинах!

От имени общины Мюнцер вынес трем пойманым лазутчикам смертный приговор. Их обезглавили здесь же, посредине круга.

Давно на всю страну Лютер ославил Томаса как кровожадного беса. Но жестокость была чужда Мюнцеру. Настойчивые призывы истреблять нечестивых правителей имели иной источник. Великая любовь к людям заставила его понять, что не могут на одном поле уживаться сорняки и золотая пшеница. Чтобы заколосилась пшеница, надо собрать все плевелы и вовремя сжечь!

Гонцов ждали в Виттенберге с нетерпением. Работа валилась у Лютера из рук. Неужели господь позволит Альштедтскому сатане разгромить войско князей? Советники Альбрехта Мансфельдского извещали Лютера о ходе событий и, выполняя его просьбу, пересылали ему копии наиболее интересных документов, поступающих в канцелярию. В одном из писем Лютер получил сразу четыре копии. Это были «Воззвание к альштедтцам» Мюнцера и его предерзкие послания Эрнсту и Альбрехту. Лютеру стало страшно. Какую силу чувствует за собой Мюнцер, если осмеливается так обращаться к правителям! И все это господь намерен терпеливо сносить?

Он был меж двух огней. Приверженцы старой религии в один голос кричали, что Крестьянская война — «движение лютеран». Ему грозили расправой и апостолический нунций, и приближенные императора, и немецкие князья-католики. Но куда больше, чем папистов и Георга Бородатого, Лютер боялся восставших. Он с тревогой ждал вестей об их успехах. Вот

они уже под Франкенхаузенем. А что, если, соединившись с рудокопами, они разобьют Эрнста и Альбрехта? Разве их остановит войско Иоганна? Что их удержит? Они захватят Хельдрунген. А дальше? Не Виттенберг ли уж?

Он метался по келье. Его беспокойство стало совершенно невыносимым, когда некий доброжелатель услужливо ему поведал, что восставшие намерены всерьез потянуть его к ответу. А было за что. Чего стоил только памфлет «Против разбойных и грабительских шаек крестьян»!

Письмо Мюнцера, о котором ему сообщили, ввергло его в ужас. Одному из своих друзей Томас писал о Лютере: «Я до него тоже доберусь. И на этот раз острый язык его не спасет».

В воскресенье утром далеко в поле были замечены отряды конницы, двигавшиеся со стороны Мюльхаузена. Ландграф! В лагере чуть было не началось смятение. Мюнцер мгновенно нашелся. Одумайтесь, это идут на помощь наши братья мюльхаузенцы! Ему удалось восстановить порядок. Надолго ли? Лазутчики доносили, что к Франкенхаузену движется войско ландграфа гессенского и герцога брауншвейгского. Их силы велики: три тысячи пеших и восемьсот всадников.

Он вскочил на лошадь и бросился туда, где положение было особенно опасным. Альштедтцы были его самыми надежными помощниками. Мюнцер переместил отряды, женщинам и детям велел уходить в лес, выкатил пушки на новые позиции. Он носился по лагерю из конца в конец и внушал крестьянам мужество. Скоро и из Нордхаузена придут к ним подкрепления. Князьям несдобровать, запляшут они под иную дудку. Близок час, когда восставшие, как обещали, пожалуют в гости к надменному мансфельдскому владыке. Страшны они будут в своем гневе — даже стены и те расступятся. Хельдрунген будет повержен! И они не оставят от него камня на камне.

Томас добился своего: когда всем стало совершен-

но ясно, что приближаются не союзники, а враги, паники не возникло. Крестьяне, сжимая в руках оружие, сосредоточенные и настороженные, молча ждали врага.

Филипп, горячий, как молодой конь, спешил. Ему не терпелось вкусить победы. Отборнейшие рейтары бросились в атаку. Рядом с Томасом стояла маленькая пушка. Он приказал сделать первый выстрел: «Сбейте-ка, ребята, с ландграфа спесь!»

Стычка была короткой, но ожесточенной. Рейтары повернули обратно. Лошади без седоков трусили по склону холма. Со стен вдогонку отступающим летели насмешки. Проучили на славу Филиппа!

Он злился. Командиры просили дать войскам отдых. Какая у ландскнехта на уме война, коль пуст желудок! Филипп одумался и приказал разбивать лагерь. Ему сообщили, что герцог Георг обещает завтра быть здесь. Он не особенно обрадовался, но благоразумие взяло верх над самонадеянностью. Лучше разделить с Георгом лавры победы, чем одному заработать колодку на шею или погребальный венок.

Первая же стычка показала Мюнцеру, что отряды восставших расположены неудачно. Большинство их находилось в низине у города. Неприятель, обладающий сильной конницей и дальнобойными пушками, легко мог воспользоваться преимуществами, которые ему давала местность. Томас решил переменить позиции. Рядом с северной частью Франкенхаузена возвышался большой холм. Сразу за ним начинались густые леса. Выбор был сделан правильно. Работы по устройству нового лагеря быстро продвигались вперед. Строили «вагенбург» — укрепление из составленных вместе возов. Еще со времен гуситов сотни заливчатских рыцарских атак разбились о дубовые доски вагенбургов. Тяжеловооруженные всадники, как снопы, валились на землю, когда мужики молотили их по шлемам палицами и цепями.

Весь день и часть ночи строился лагерь. Тяжелая это была ночь! Подкрепления, которых он так ждал, не приходили. О намерениях эрфуртцев до сих пор не было ничего известно. Нордхаузен тоже молчал.

А в это время герцог Георг, не жалея ни лошадей, ни пехотинцев, спешил на соединение с ландграфом.

В тревоге Томас встретил утро. Из-за чернеющего леса поднималось кровавое солнце. Наступил понедельник, 15 мая.

Успешно отбитый натиск конницы укрепил веру восставших в собственные силы. Но решимость сражаться была недолгой. Из стана врагов донеслись ликующие крики: туда с многочисленным войском прибыл Георг Саксонский.

Положение с каждым часом становилось все напряженнее. Князя готовились наступать. На холмы были втянуты пушки. Часть неприятельских отрядов, обойдя Франкенхаузен, заняли высоты, лежавшие к северу от города. Крестьяне оказались почти полностью окруженными.

И тут опять раздались встревоженные голоса: разве могут мужики победить такую уйму ландскнехтов и рыцарей? Нельзя доводить до сражения! Разве они собрались здесь непременно ради того, чтобы проливать кровь? Они ведь ищут христианской справедливости!

В лагере не было единства. Давние соратники Мюнцера страстно убеждали товарищей не поддаваться малодушию. Но не на всех действовали их речи — на холмах стояли тяжелые пушки.

Неужели кровавые уроки, преподанные вашим братьям, пройдут бесследно? Неужели они не вызывают к чувству мести? Мюнцер вспоминал казни на юге, фульдский ров, резню, учиненную Альбрехтом. И после всего этого еще верить князьям с их волчьими повадками?

Но голоса не желающих сражаться становились все громче. Почему князья должны бить из пушек по крестьянам, если они не сделали им ничего плохого? Зачем друг на друга нагонять страх? Нужно написать князьям, что они не собираются на них нападать, — пусть те тоже не обнажают мечей.

Томас видел, что значительная часть крестьян по-

прежнему надеется на переговоры. Он знал, как велико его влияние на людей. Он может снова, призывая к борьбе, воодушевить даже колеблющихся. Но долго ли в них продержится боевой дух, если они затаят мысль о том, что все можно решить миром? Каждый должен понять, что бой неизбежен.

Надо было покончить с верой в князей, которой питались надежды на возможность добиться справедливости, не прибегая к оружию. Мюнцер предупреждал, что князья явились сюда с войсками не для увещеваний. Сколько ни распинаться перед ними в миролюбии, все напрасно. Тираны пришли сюда, чтобы задушить восстание. Они могут ответить крестьянам только одним: требованием немедленной и безусловной сдачи. Но не все думали так, как Мюнцер. Если они верят в успех, пусть пишут! Но пусть зорче глядят, чтоб не угодить в капкан!

Один скорняк вызвался отвезти письмо в неприятельский лагерь. Оно гласило: «Мы исповедуем Иисуса Христа. Мы здесь не для того, чтобы причинить кому-либо зло, а чтобы добиться божьей справедливости. Мы здесь и не для кровопролития. Если вы хотите так же поступать, то мы вам ничего не сделаем. Этого должен каждый держаться».

Забравшись на возы, крестьяне с нетерпением ждали, когда вернется посланец. Доставленный им ответ возмутил всех. Князья не говорили, что пришли к Франкенхаузену, чтобы никому не чинить зла. Нет, они не скрывали своей цели — они явились, чтобы сурово покарать богохульников и смутьянов. Однако считая, что многие крестьяне обмануты злоумышленниками, они, движимые христианской любовью, обещают им пощаду. Но только в том случае, если будут приняты их условия: крестьяне немедленно должны сложить оружие, выдать живьем лжепророка Томаса Мюнцера и всех его подручных и целиком положиться на милость князей.

Вот чего они хотят! Князья ставят такие условия, точно они, выиграв сражение, уже забили мужичьи шеи в колодки и только выбирают, кого бросить на плаху, а кого снова гнать на барщину!

Даже те, кто еще совсем недавно желал переговоров, теперь грозили кулаками в сторону неприятелей. Пусть всевышний рассудит их на поле брани. Почему молчит брат Томас?

Гул возбужденных голосов затих. Он начал говорить. Чего еще ждать от тиранов? Они притащили сюда пушки не для того, чтобы обниматься с милыми их сердцу мужиками. Чем недовольны крестьяне? Им ведь оставили выход: они могут приползти к князьям на животе и вымолить пощаду. Их не должно смущать требование о его выдаче. Он всегда говорил, что, не задумываясь, положит за людей жизнь. Раз это время пришло и он властен спасти своих возлюбленных братьев — он готов. Пусть свяжут его и отправят князьям!

Поднялся невероятный шум. Потрясая оружием, люди кричали, что скорее все до одного погибнут, чем выдадут его.

— Мертвые и живые мы останемся вместе!

Мюнцер повелительным жестом восстановил тишину.

— Князья даже не обещают, что отпустят крестьян с миром. Они требуют немедленной и безусловной сдачи.

Чего же еще? Даже после полной победы они бы не добились большего. Но в сражении им пришлось бы рисковать собственной шкурой, а тут крестьяне сами без единого взмаха меча покорно кладут головы на плаху.

Тираны пришли сюда, желая перебить всех бунтарей. Но они боятся честного сражения и мечтают, чтобы крестьяне выдали зачинщиков и сдались. Братья знают, что он, Мюнцер, начал этот поход не по собственному разумению, а по божьему приказу. Он не хвалится храбростью и никогда раньше не был воином, но раз бог повелел — надо стоять до конца.

Сегодня враги будут истреблены! Господь часто говорил, что поможет праведным искоренить нечестивых. Сегодня они просят всевышнего сдержать слово и не должны сомневаться, что счастье будет на их стороне. Тираны будут повержены! Господа дерут

с народа шкуру и тратят все, что достается ему потом и кровью, на блудниц и бесполезную роскошь. Они ничего не хотят знать о своих обязанностях, а, наоборот, чем дальше, тем больше, пользуются властью ради собственной выгоды, давят народ новыми тяготами, губят людей и разоряют страну в ненужных межусобицах, грабят, жгут, убивают.

Такую власть и таких властителей надо, не колеблясь, уничтожить! Зря некоторые думают, что, избегая сражений, можно чему-нибудь помочь. Князья от своего не откажутся и будут продолжать тиранство до тех пор, пока их не свергнут и не обратят в прах. Он, Мюнцер, повторяет, что день этот пришел и победа не за горами.

Его слова тонули в буре воинственных криков: «Пробил час посчитаться с тиранами!» Мюнцер еще не кончил. Он помнит, что враги настаивают на быстром ответе. Ну что же, им не придется ждать. Князья назвали его лжепророком. Он давным-давно слышит эту кличку и предлагает противникам открытый спор. Не было еще человека, который взял бы на себя смелость публично опровергнуть его учение. Сейчас, направляя послов в неприятельский стан, они так и велят передать: крестьяне, мол, согласны выдать Мюнцера, только пусть им сперва докажут, что он лжепророк. Пусть они пришлют своих людей в лагерь и всенародно опровергнут учение Мюнцера!

Трое заложников дворян охотно согласились передать этот ответ. Из них вернулся только один. Князья со всей решительностью повторяли прежние условия. Ни о каких диспутах с лжепророком не может быть и речи. Крестьяне должны немедленно сложить оружие, выдать Мюнцера и просить пощады. Им дается на размышления три часа.

Томаса обступили со всех сторон. Он видел взволнованные, гневные лица. Сраженью быть! Недолго вам еще, тираны, измываться над людьми. Час расплаты настал!

Он говорил о великом перевороте, когда власть будет отобрана у правителей и все на земле станет общим. Мир должен быть очищен от скверны, кото-

рую повсюду расплодили нечестивцы, и делает это народ! Он был полон непоколебимой веры в грядущее торжество справедливости. И, слушая его страстные слова о близкой победе, люди, охваченные воодушевлением, преисполнялись решимостью бороться до конца.

Мюнцер стоял рядом со знаменем — огромным белым знаменем, на котором была изображена радуга. Над головой его затянутое тучами темнело небо. И вдруг — о, чудо! — на фоне свинцовых облаков появилась радуга.

— Смотрите, смотрите! — закричал Мюнцер. — Само небо дает нам знак, что правда на нашей стороне! Господь обещает помочь нам, ибо на нашем знамени радуга! Суд и возмездие ждут кровожадных тиранов! Будьте бесстрашны! Беритесь за оружие! Бог не хочет, чтобы мы шли на мир с нечестивыми властителями и оставили их безнаказанными!

Все взоры устремились вверх. Великое знамение! На суровые сосредоточенные лица легла печать особой торжественности. Кто-то затянул по-немецки псалом, переведенный Томасом. Тысячи голосов подхватили слова. Огромная толпа, тесно сгрудившись вокруг Мюнцера, стояла посреди лагеря. Внезапно со стороны холмов, где находились пушки ландграфа, загремели выстрелы. Сперва никто ничего не понял. Князя обещали ждать ответа три часа, а прошли ведь только считанные минуты! Проклятые изменники! Увидя густую толпу, они тут же приказали открыть огонь из всех пушек. Ядра, врезаясь в гущу людей, производили страшные опустошения. Вагенбург был разнесен в щепки. Началось смятение. Мюнцер еще пытался восстановить порядок, хотел остановить бегущих. Но это было уже не в его силах. В лагерь ворвалась неприятельская конница. Лес был близко, но его не достичь: враги перерезали дорогу. В страшной давке масса бегущих ринулась вниз, к городу. Ворота были завалены бревнами. И отступающие и преследователи торопились перебраться через стены. В овраге дрались особенно ожесточенно. Смельчаки уложили несколько всадников и,

отбиваясь, отходили к Франкенхаузену. Мюнцер, раненный в голову, едва держался на ногах. Ему помогли пролезть сквозь пролом в стене. В городе уже шла резня. Ландскнехты, разобрав завалы, распахнули ворота. Узенькие улицы были запружены обезумевшими людьми. Всадники рубили направо и налево. Лязга оружия почти не было слышно — все тонуло в море криков. Везде — во дворах, на площади, в домах и церквах — шла беспощадная бойня. Пьяные от крови наемники развлекались, как могли: представших в домах они вытаскивали на улицу под ноги лошадям или просто выбрасывали из окон. На мостовой рейтары добивали их пиками.

Томас толкнул первую попавшуюся дверь. С великим трудом поднялся по крутой лестнице. Маленькая комнатуха на чердаке была пустой. Он сбросил окровавленный кафтан. Разорвал рубаху и обвязал голову. Сил больше не было. В изнеможении свалился он на постель.

На улице продолжалась резня. Проклятья и ругань, призывы к милосердию, предсмертные вопли. Пахло дымом. До Томаса доносились девичьи голоса, взывающие о помощи, безнадежные крики, рыдания, хохот.

Победители наслаждались победой.

У Мюнцера начался озноб. Он потерял ощущение времени.

Приближающийся шум заставил его насторожиться. Он повернул голову и прислушался. Кто-то торопливо поднимался по лестнице.

ЧУДОВИЩНАЯ ЗАКОРЕНЕЛОСТЬ

По трупам въехали князя в город. Ручей, протекавший через Франкенхаузен, стал красным от крови. Жителей убивали в собственных домах. Не помогали никакие тайники и укрытия. Никто не

разбирал, где правые, где виноватые. Везде рубили, кололи, душили и резали. Одновременно с убийствами шел грабеж. Дикие сцены насилий. Крики, крики, которым, казалось, не будет конца...

Когда резня пошла на убыль, стали брать пленных. Пресытившись убийствами, ландскнехты искали забавы и глумились над побежденными.

Большую толпу горожан гнали к ратуше. Сейчас всех их перережут на лобном месте. Всадников обступили женщины, моля пощадить мужей. Какой-то рейтар пообещал отпустить пленных, если женщины расправятся с одним из зачинщиков, и указал на связанного старика проповедника. Обезумевшие от горя женщины схватили палки и размозжили ему голову. Ландскнехты от души смеялись. Когда старик был убит, они велели женщинам убираться и погнали пленников дальше. Возле ратуши всех их поставили на колени и одного за другим обезглавили. Их было больше трехсот...

Ландграф гессенский считал себя образцовым христианином. Он не прочь был похвастаться успехами, но прекрасно знал, кому ими обязан. Благочестие уживалось бок о бок с жестокостью. Филипп писал: «Захватив Франкенхаузен, мы перебили всех находившихся там мужчин, а город разграбили. Так с помощью божьей мы в этот день добились победы, за которую и должны по справедливости благодарить всемогущего в надежде, что совершили мы весьма доброе дело».

В дом, где спрятался Мюнцер, явился, ища ночлега, рыцарь Отто фон Эппен. Один из его челядинов, высматривая, чем бы поживиться, забрался на чердак. В полутемной комнатушке он неожиданно наткнулся на лежащего человека.

— Кто ты?

— Я болен. У меня лихорадка...

Слуга, может быть, и не тронул бы Мюнцера. Его выдали письма. Возле кровати валялась сумка с бумагами, которую он имел обыкновение всегда таскать с собой. Он не потерял ее даже во время битвы: она висела у пояса на надежном ремне. Жадный слуга набросился на сумку. Письма, письма, целая куча писем. Видно, важная птица прячется на чердаке! Он позвал хозяина. Тот стал внимательно разглядывать бумаги. Вдруг ему на глаза попались послания, которые Альбрехт Мансфельдский направлял в лагерь восставшим.

— Откуда у тебя эти письма?

Он молчал. Его поволокли поближе к свету.

— Да ты никак сам Мюнцер!

Отто фон Эппен расхохотался. Редкая удача! Сто флоринов, верные денежки, которые граф Эрнст сулил за поимку лжепророка, неожиданно-негаданно оказались у него в кармане.

Его усадили на скамейку посреди комнаты. В дверь ломилась толпа любопытных. Рыцари и ландскнехты окружили пленника тесным кольцом. Шумные, злорадные, они наперебой засыпали его руганью и насмешками. Это он-то, воитель божий с мечом Гедеона! А где его рать? Что же он не явил чуда и позволил восторжествовать врагам? Неужто его, ясновидца, подвел дух святой? Или он оглох и не расслышал божьего голоса? Сам сатана напевал ему свои песни!

Они смотрели на него, как на зверя, на опасного зверя, которого, наконец, упрятали в надежную клетку. Удачливый Отто фон Эппен чувствовал себя героем. Если бы не он, то лжепророк мог улизнуть! Они издевались над пленником до тех пор, пока за ним не прислали князя.

В покое, куда его привели, было просторно. Пищец у своего пюпитра, телохранители подле двери и в удобных креслах — сами триумфаторы: крепкий, с красноватым лицом и холеной бородой Георг Саксонский, непоседливый Генрих Брауншвейгский и совсем еще молодой ландграф с умными, колючими глазами.

Не нарушая молчания, все они долго и внимательно разглядывали Мюнцера. Потом ему предложили сесть. Первым заговорил герцог Георг. Ну вот он, Мюнцер, и добился, чего хотел: тысячи несчастных людей полегли костями на бранном поле. В чем виноваты перед ним бедные крестьяне, что он так жестоко их обманул, затуманил рассудок своим лжеучением и толкнул на верную гибель?

О, эти сердобольные владыки! Чем тратить сло-

ва на елейные речи, они бы лучше остановили своих мясников, которые превратили город в сплошную бойню!

Чего они хотят от него: покорности, раскаяния? Ждут, что он бросится на колени и начнет молить о пощаде? У вас не хватит палачей! Даже если вы будете сдирать с Мюнцера кожу, вам этого не услышать! Или вы думаете, что он станет оправдываться и, надеясь на снисхождение, валить все на неправильно понятых ветхозаветных пророков?

Человек в разодранной одежде, с разбитой головой и запекшейся в волосах кровью не похож на робкого пленника. Сурово и непримиримо смотрит он на князей. Скорбеть он может только о поражении, а не о собственной судьбе. Слова его звучат вызовом. Он упрямо повторяет, что поступал правильно, а намерения его были до предела ясны: он хотел покарать князей, попирающих Евангелие.

Он осмелился занести кулак на законных правителей? Ландграф перебивает Мюнцера. Зря тот ссылался на Евангелие, когда изрекал свои кощунства. Писание учит, что власть надо почитать, ибо она от бога, а господь запретил мятеж и всякое возмущение.

Ландграф, как видно, тверд в вопросах веры. Он легко и просто усвоил главное: его власть от бога, и поэтому люди обязаны ему покорностью. И какая еще нужна другая вера? Разве ландграф забыл истинные заветы господя? Нечестивые правители, угнетающие народ, должны быть истреблены! Филипп пускается в спор. Ему нужны библейские свидетельства? Мюнцер сыплет текстами из Ветхого завета. Ландграф ожесточается: он, слава богу, знает, в чем суть писания! Филипп вытаскивает принесенный с собой Новый завет и читает оттуда кусок за куском. Покорность и смирение — вот что отличает христианина от язычника.

Знакомая песенка! Ландграф не порвал еще окончательно с римской церковью, а уже залез по уши в мартинову похлебку. Смирение, прежде всего смирение! Мюнцер ничего не хочет об этом слышать.

Пусть сами князья со своим доктором Люгнером сидят в вонючем навозе смирения!

Его наглое упорство поразило их. Пора бы Мюнцеру одуматься и во всеуслышание заявить, что некто иной, как сам дьявол, побудил его затеять мятеж.

Сатану пусть они оставят себе! Мюнцер повысил голос. Это они, князья, его верные прислужники! А он, Томас Мюнцер, отстаивал святое дело и ни на миг не раскаивается в совершенном. Если он у них в лапах, то это совсем не значит, что он собирается трусливо скрывать свои намерения. Да, он не жалел сил, чтобы поднять народ на борьбу. Он считал и считает, что все люди должны быть равны. Князей же и господ, которые противятся этому, следует изгнать и убить!

Дерзость этого крамольника была поистине безумной. Мюнцер не боится князьям в глаза говорить такие вещи, что другим и слушать-то страшно. А ведь он в руках у тех именно людей, кого он, называя тиранами, призывал истреблять. Они знают, на что способна эта кровавая бестия, — будь его власть, он бы беспощадно расправился с господами! Пример тому — горькая участь подданных графа Эрнста. Их казнили по приказу Мюнцера.

— По твоей это воле, — спросил герцог Георг, — в прошлую субботу в лагере мятежников умертвили троих?

— Не по моей воле, а по справедливости господней!

— Ты отдал приказ рубить им головы?

— Приговор слугам Эрнста Мансфельдского вынес я от имени общины.

Князья переглянулись. Он не очень-то пытается себя выгораживать. Ну, а что было бы, если все пошло так, как он хотел?

Мюнцер молчал. Взгляд его темных, глубоко запавших глаз был обращен куда-то вдаль. Скорбные складки бежали к подбородку от краешков упрямо сжатых губ. Он словно очнулся:

— Намерение мое — его одобряли мои товари-

щи — было таково: занять земли вокруг Мюльхаузена, занять земли Гессена...

Он закончил решительно и жестко:

— Все должно стать общим! Каждый человек будет все по потребности получать от общины! А с князьями и господами, которые мешают этому, надо поступить именно так, как я говорил, — повесить их или обезглавить.

Веселую же долю уготовил он князьям! А что ждет тех, кто соглашается принять новые порядки? Крестьяне объявят их братьями, разделят все их имущество и даже благородных коней не оставят прежнему властителю?

Нет, пусть дворяне, которые согласны присоединиться к восставшим, не пугают себя разными страхами. Если им немыслима жизнь без свиты, то можно потакнуть их привычкам: князю оставить восемь лошадей, графу — четыре, а простому дворянину хватит и пары.

Герцог Генрих Брауншвейгский всплеснул руками.

— Да ты воистину друг князьям! — Он весь побаровел от гнева. — Как это ты додумался, что князь не должен иметь больше восьми лошадей?!

Генриха прервал Георг Саксонский. Один страстно любил конюшню и пышные выезды, а другой находил, что сейчас уместней говорить на иные темы. Герцог Георг считал себя защитником религии и повторял, что корень всех несчастий Мюнцера в его отступничестве от церкви. Он задал пленнику несколько вопросов об его взглядах на святое причастие. Конечно, он так и знал, что и в этом Мюнцер еретик. Ландграф был другого мнения: разрыв Мюнцера с католической церковью — еще полбеды. Главное, в чем он должен сокрушаться и каяться, — в том, что подбил людей на восстание.

Но Томас не сокрушался и не каялся. С поразительной твердостью настаивал он на своей правоте. Враги готовы видеть в нем чуть не единственного зачинщика всей Крестьянской войны! Он нарочно, мол, направился в Шварцвальд, чтобы поднять там мятеж.

Странные рассуждения! Князья слишком переоце-

нивают его силы. Не его, Мюнцера, воля заставила крестьян взяться за оружие. Сами господа тому причиной. Это они, живодеры, превратили страну в сплошной вертеп насильников и грабителей. Он действительно был у шварцвальдских крестьян. Но не он поднял их на восстание. Оно началось еще до его прихода. В Клеттгау и Гегау он пробыл несколько недель и составил статьи о том, как надо править. Они предлагали ему остаться у них, но он ушел. Его перебили: что он имеет против благородных рыцарей и их замков? Он не скрывал своей ненависти к этим разбойничьим гнездам. Графы и рыцари отягощают своих подданных бесчисленными повинностями, поэтому их замки надо разрушать.

О, они знают, что душа Мюнцера ликует, когда поместья охвачены пламенем — ведь он сам призывает сжечь замок Апеля фон Эбелебена?

Он этого не отрицает. Он поступал так, как находил справедливым. Уничтожение замков, средоточия всякого гнета, составляло часть его замыслов.

Кто эти «братья», которых он побуждал к поджогам и разбою?

Их интересуют имена? Томас усмехнулся: он их не знает!

Откуда вдруг такая забывчивость? Или он выступал перед безликой толпой? Ему стали грозить. Пусть-ка он лучше подобру-поздорову выкладывает все начистоту. А то его вмиг отправят в подвал и там поломают кости.

Он не отвечал. Герцог Георг зря надрывал горло. Ландграф нетерпеливо стучал ногой по полу. Сколь долго будут продолжаться уговоры?

Застенок был рядом. Среди пыточных инструментов, подбоченившись, стоял палач, осанистый и важный, словно лекарь.

Когда князя сели, он неторопливо принялся за дело. В первые мгновения боль казалась невыносимой. Мюнцер закричал.

— Тебе больно, Томас? — В голосе Георга Саксонского напускное участие мешалось с нескрываемым злорадством. — Но крестьянам было сегодня

еще больней, когда их убивали. Это ты вверг их в такую беду!

И Мюнцер вдруг засмеялся, как безумный. Ну и глупы же эти князья, если думают, что тысячи крестьян поднялись на смертельную борьбу по воле какого-то одного человека! Они бы его покинули, если бы не желали битвы.

— Крестьяне знали, на что идут!

Неужели у него нет ни сострадания к несчастным, ни чувства раскаяния?

Раскаяния? Нет! От своего он не отступится. Он прав.

— Все на свете должно быть общим!

Больше он ничего не сказал.

Люди, видевшие Мюнцера в руках палача, были глубоко убеждены, что только вмешательством дьявола можно объяснить такую чудовищную закоренелость.

Напрасно он упрямится. Ему не дадут умереть героем. Он зря тешит себя мыслью, что кончит, как ветхозаветный пророк, который, не боясь палачей, бросает в лицо неумолимому владыке свои грозные пророчества. Он слишком часто говорил о готовности положить голову за свое учение, призывал к бесстрашию и самоотверженности. Но пусть он не надеется, что его упрямство позволит ему одержать верх над врагами. Нет, сколько бы тяжелых трудов ни доставил он заплечных дел мастерам, они, поднявшись из застенка, не поспешат рассказывать братьям-крестьянам о нечеловеческой выносливости их одержимого дьяволом вождя. Или он ждет, что день казни станет днем его торжества? Он уже видит себя на лобном месте отталкивающим священника, который протягивает ему крест? Его окружает тысячная толпа, и он на глазах у всех встречает смерть, непоколебимо уверенный в своей правоте?

Но этого не будет. Его задавят прямо здесь, в каменном мешке, или на рассвете выволокут на старую живодерню и прирежут на зловонной земле. И никто,

кроме десятка невыспавшихся, сумрачных рейтар, не будет свидетелем его последних минут.

Множество людей отравлено его дьявольским учением. Они видят в нем глашатая высшей правды. Если князя просто убьют Мюнцера, они собственными руками возложат ему на голову венец мученика. Такого промаха они, конечно, не допустят. Конец его должен быть жалок. Пойманный вождь бунтарей должен показать себя трусливым, малодушным, слабым. Он, всю жизнь внушавший людям мысль о неповиновении властям, должен стать примером покорности. А главное — он должен признать, что все, чему он учил, заблуждение. Уничтоженное поражение — так хотел сам бог! — он не может сохранить даже остатков мужества, у него от страха подгибаются колени, и он теряет дар речи. Именно так должен кончить главарь смутьянов. Подавленный раскаянием, он принимает смерть как справедливую кару.

На этом сходились все: и ярый католик герцог Георг и верный Лютеру Альбрехт Мансфельдский. Интересы скорейшего и окончательного разгрома крестьянского восстания требовали, чтобы именно так была обставлена смерть Мюнцера. От него этого и не скрывали. Как бы он себя ни повел, героем и мучеником он не умрет. Ему уготовлена другая доля. Он, конечно, может избавить себя от излишних страданий и приблизить развязку. Вначале ему даже подавали надежду: его пощадят, если он принесет отречение. Он усмехнулся. Они рубили в куски безоружных крестьян только по подозрению в симпатиях к восставшим, а ему, которого считали главным развратителем, обещали милость. Ложь эта, на самом деле, была бездарной.

Мюнцер знал, что ему не обратиться с эшафота к народу: с ним расправятся без посторонних глаз. Врагам нужно, чтобы он умер раскаявшимся, и они сделают все, чтобы оболгать мертвеца.

Разве не легче смертнику, если он уверен, что хотя бы на лобном месте он окажется победителем и

его дерзкой отваге поразятся люди? А что, кроме бес-
предельной веры в свое дело, остается тем, кто обре-
чен на пытки в тайных судилищах и казнь втихо-
молку?

Эрнст, граф мансфельдский, доказывал свои
особые права на пленника. У него с Мюнцером
давние счеты. Кто еще может похвастаться такой
долгой и непримиримой враждой к Альштедтцу? Да-
же покойный курфюрст признавал, что Эрнст закон-
но требует удовлетворения. Кого еще Мюнцер ос-
корблял так часто и так гнусно? К кому обращался
со столь наглыми и возмутительными посланиями?
В чьих землях баламутил рудокопов и крестьян? Ку-
да хотел повести свои шайки? Чьих, наконец, поддан-
ных велел обезглавить в лагере?

Только три дня тому назад свое вызывающее
письмо Эрнсту Мюнцер закончил угрозой, что скоро
заявится в Хельдрунген. И теперь здесь, при дозна-
нии, он не постеснялся повторить, что в споре с гра-
фом правда на его стороне. Есть ли у этого еретика
и смутьяна более заклятый враг, чем владетель
Хельдрунгена?

Когда обнаружилось, что франкенхаузенский па-
лач не в состоянии сломить упряма, князя вняли
доводам Эрнста. Пусть-ка он забирает Мюнцера
к себе в замок и делает с ним, что хочет. Пусть, од-
нако, не переусердствует: сдохнуть Мюнцер должен
лишь в день казни.

Руки его, крепко стянув у запястий, привязали
к задку телеги. О нем проявили заботу: нельзя, чтобы
голова волочилась по земле, когда он будет споты-
каться и падать. А то можно доставить в Хельдрунген
одни голые кости. Дорога предстояла дальняя.

Было раннее утро. Ландскнехты, толпившиеся во-
круг пленника, перебрасывались солеными шутками.

Эрнст круто осадил лошадь. Он и его спутники —
пестрая кавалькада разряженных рыцарей и слуг —

Ганс Гут.

Г. Гольбейн Младший. Из цикла гравюр «Пляска смерти».

остановились у самой телеги. Граф, подражая герольду, закричал во всю мощь своих легких:

— Томас Мюнцер, воин божий с мечом Гедеоны, искоренитель нечестивых, едет в Хельдрунген!

И под общий хохот он приказал трогать. Почему возница отложил кнут? Или он думает, что посланец господен не угонится за его одром? Дайте-ка ученому магистру как следует размять ноги, а то они у него здорово затекли от испанских сапожек!

Он не мог бежать. Падал. Его тащили волоком. Дорога была вся в выбоинах. Кисти рук оторвать человеку, оказывается, не так уж просто. Остановив телегу, его пинками и ударами пик заставляли подняться и с гиканьем гнали дальше.

Потеха пришлась Эрнсту по вкусу. Он то и дело направлял свою лошадь к пленнику. В издевках он был неутомим.

— Ну как, пророк, едем в Хельдрунген? Конечно, тебе, запросто разговаривающему с богом, ничего не стоит предсказать будущее. Тебя не обманули твои видения. На этот раз ты действительно был ясновидцем. Ты грозил, что заявишься ко мне в гости, и держишь слово!

Временами телега двигалась медленней. Мюнцер едва ковылял.

Через несколько часов, долгих, как вечные муки, Томас увидел Хельдрунген. Высокий холм, мощные стены, круглые островерхие башни. Эрнст, прищипнув коня, проскакал мимо Мюнцера. Резким жестом показал он на замок:

— Таким он представлялся тебе в твоих видениях?

Ему устроили торжественную встречу. Все воинство Эрнста, от усатых пушкарей до последнего мальчишки-оруженосца, стояло на своих местах. Подъемный мост был опущен. По обочинам дороги, тут и там — группы зевак.

— Едет! Едет!..

Когда телега, прогромыхав по мосту, въезжала в ворота, какой-то шут заиграл на дурацкой свистульке веселую песенку.

Челядь Эрнста усердствовала всю.

— Сам бес алыштедтский почтил замок своим посещением! Новый Даниил явился, как и обещал! Добро пожаловать!

У одной из башен, поджидая узника, прохаживался краснолицый крепыш в кожаном переднике.

НЕ ВСЕГДА ПОБЕЖДАЮТ ЖИВЫЕ

И

х была целая свора: мансфельдский граф и добрый десяток дворян, которые вроде Апеля фон Эбелебена хотели выместить на Мюнцере свою ярость за сожженные замки и поместья. Эрнст обещал князьям

во что бы то ни стало добиться отречения Мюнцера. Главарь бунтовщиков должен покаяться.

Они были очень нетерпеливы. Им казалось, что палач орудует недостаточно круто. Больше всего Эрнста и его приспешников выводили из себя речи Мюнцера. Он с дьявольским упорством и ожесточением продолжал настаивать на собственной право-

те. Поразительная наглость! И в руках у Эрнста он не побоялся повторить: взяв приступом Хельдрунген, восставшие судили бы Эрнста всей общиной и отрубили бы ему голову. Он не проявлял ни малейшей охоты к отречению. Бессилие палачей становилось очевидным.

Его снова пытались убеждать. Он должен подумать о других. Ведь он видел, во что превратилось сражение под Франкенхаузенем, — в сплошную резню. В его власти прекратить ужасающее смертоубийство. Он напишет мюльхаузенцам письмо с призывом не продолжать борьбы и положиться на милость князей. Он может добавить несколько строк о жене и сыне. Разве его совсем не тревожит их судьба? Что будет она делать, беременная, ослабевшая, да еще с годовалым младенцем на руках, когда город отдадут на поток и разграбление?

Почему его так старательно уговаривают? Не потому ли, что их страшат грозные пушки Мюльхаузена?

Ему охотно шли навстречу. Если он не хочет составлять письма, то пусть подпишет уже заготовленный текст. Христоф Лауэн, писец трибунала, не торопясь, с расстановкой читает «Прощальное письмо Томаса Мюнцера христианской общине и магистрату Мюльхаузена». Ну и хитер же этот прохвост! Он, вероятно, с великим тщанием вникал в черновики Томаса, захваченные в сумке: кое-какие места звучали почти по-мюнцеровски.

Мюнцер, видите ли, расставаясь навсегда с дорогами братьями, целиком подчиняется воле всевышнего. Смертью должен он искупить злоупотребление темного народа, движимого лишь своекорыстием, которое и губит божью правду. Он, Мюнцер, в сердце своем испытывает удовлетворение, что господь распорядился именно так. Поэтому пусть его смерть не возмущает мюльхаузенцев. Он по-дружески просит их оставить его жене все имущество, книги и одежду и не чинить ей зла.

Это только начало. Главное — в другом. Мюнцер обеспокоен, чтобы его дорогие братья не потерпели такого страшного поражения, как крестьяне. Он объ-

ясняет причину разгрома: восставшие больше искали корысти, чем правды. Он увещевает мюльхаузенцев трезво все взвесить и не стать виновниками собственных бед. Великая бойня под Франкенхаузенем унесла более четырех тысяч жизней. Не питайте к кому-либо вражды и не ожесточайте больше власти. А пуще всего берегитесь кровопролития!

Не все мюльхаузенцы бунтовщики. Большая часть горожан не поддерживала мятеж и препятствовала ему. Но чтобы и их не постигла судьба несчастных крестьян, надо совершенно отказаться от всяких бунтарских выступлений и молить князей о милости. Этим письмом он хочет снять с души своей тяжесть и увещевает братьев прекратить восстание, дабы не лилась больше кровь невинных.

Лауэн кончает чтение. Томас задыхается от ярости. Недаром он всегда говорил, что нет такой подлой проделки, перед которой остановились бы тираны! Им мало, что они через несколько дней бросят его на плаху, они хотят представить его отступником и трусом. Смотрите, мол, чего стоит ваш новоявленный пророк: ему еще только начали считать ребра, как он тут же грохнулся на колени, стал каяться и, того хуже, взял на себя постыдную роль изменника-миротворца, побуждающего людей вымаливать у правителей пощаду!

Неужели какие-нибудь простачки попадутся на эту уловку? Неужели поверят фальшивке? Разве так уж трудно разобрать, что письмо написано не его почерком, а подпись, если она есть, поддельна?

Все заранее обдуманно. Никто не будет подделывать мюнцеровых каракулей. Зачем? Есть куда более простой выход. В послании предусмотрена фраза, где Мюнцер сообщает возлюбленным братьям фамилию человека, который по его просьбе и под его диктовку пишет прощальное письмо — Христоф Лауэн собственной персоной. Тут нет ничего неправдоподобного. Пленник много часов подряд находился в руках палачей и, разумеется, не может владеть пером. А что касается содержания, то ведь это так понятно: узник в смертельной тоске, сломленный и те-

лом и духом, осознав тщету своих замыслов, призывает прекратить бессмысленную борьбу.

Пусть Мюнцер хоть лопнет от бессильного гнева. Задуманное будет исполнено.

Но это еще не все. Положение в стране остается серьезным, и князья не хотят ждать, пока палачам, наконец, удастся принудить Мюнцера к отречению. Время не терпит. Крайне необходимо, чтобы именно сейчас главарь бунтарей покаялся и объявил свое учение ложным. Мюнцер упорствует? Если Мюнцер не хочет принести отречение, обойдутся и без него. Документ уже подготовлен.

В присутствии большой группы дворян тот же Христоф Лауэн будто бы записал «добровольное отречение» Мюнцера. Да, благородные дворяне, многих из которых Томас никогда и в глаза не видел, своим честным именем подтверждают, что они были свидетелями, как Мюнцер по собственной воле, без всякого принуждения отрекся от своих взглядов. Он признал, что проповедовал ложь, когда говорил о необходимости не покоряться властям. Он подбил людей на дерзкий мятеж. За все это он просит прощения, ибо власть от бога, и человек обязан ей покорностью. Он отрекается также от своих ошибочных суждений о святых дарах, хочет вернуться в лоно церкви и умереть добрым католиком. Отрекается, отрекается, отрекается...

Зря он думает, что без его подписи документ станет сомнительным. Кто сможет заглянуть в подлинник? Да и что вообще значит подпись в век печатных станков? Пройдет несколько дней, и сотнями листовок «Отречение Томаса Мюнцера» разнесется по Германии. Десяток благородных фамилий, сотни оттисков. Из уст в уста будет передаваться новость: плененный Альштедтец отрекся!

На что он, собственно, рассчитывает? Зачем, напрягая последние силы, продолжает неравную, безнадежную борьбу? Ведь все равно его ославят, как отступника, и типографы разных городов, поощряемые властями, будут печатать «Отречение Мюнцера». Своим упрямством он только злит палачей.

Иногда узник может утешать себя мыслью, что его твердость перед лицом трибунала, его мужество и верность товарищам останутся хотя бы в судебных протоколах. Мюнцер не обманывал себя. История с «Прощальным письмом» и «Отречением» была достаточно убедительной. Враги намерены оболгать его и унижить. Он понял это на первых допросах. Никто не заботился о том, чтобы точно записывать его слова. Писец брался за перо, только когда ему велели, и писал не ответы Мюнцера, а их краткое и превратное изложение, сделанное кем-нибудь из присутствующих. Он часто молчал, тогда за него говорил Эрнст Мансфельдский или же Христоф Лауэн, порывшись в бумагах, сам находил нужный ответ.

Они знали о нем многое. Их интересовало все: не только последние события — далекое прошлое, годы учения, жизнь в Ашерслебене и Галле, старые, почти забытые знакомства. Сведения были отрывочны, но иногда они удивляли Мюнцера своей точностью. Похоже, что соглядатаев было больше, чем он предполагал.

Он часто оказывался в трудном положении, когда вдруг обнаруживал, что вещи, известные узкому кругу людей, перестали быть тайной. Горько убеждаться, что товарищи, которые должны были быть далеко, тоже попали в лапы врагов, и многим из них пытки развязали язык. После франкенхаузенской битвы и повсеместных облав число пленных росло с невиданной быстротой. Расправа была скорой, но все же писцам хватало работы: допрос по трафарету, главное — имена соучастников. Краткие протоколы, но их целые кучи.

Это была жестокая и циничная игра. Эрнст Мансфельдский и Христоф Лауэн с нескрываемым удовольствием издевались над пленником. Он упрямо не хочет назвать ни одного из членов «Союза избранных»? Они плюют на его молчание. Им прекрасно известно, кто входил в союз, кто были зачинщики,

кто хранил у себя списки. Бартель Крумп, Петер Вармут, Бальтазар Штубенер и десятки других. Они не поленятся перечислить их в сводке дознаний. Пусть любой грамотей прочтет, как легко Томас Мюнцер выдавал своих единомышленников, — даже не под пытками, а просто из страха за собственную шкуру. Им, разумеется, известно, что Цейс не был в союзе, но они упомянут и его: Мюнцер, мол, не преминул отблагодарить шоссера за долгое покровительство. Они уж постараются: алыштедтцам и мюльхаузенцам будет чем вспомнить своего любимого проповедника.

Он ничего не желает сказать о заговорщиках, оставленных в Цвиккау? Но и это ему не поможет. Им донесли, что у него была мелкая ссора с братьями Гербхард. Да, они слынут благонамеренными и не лезут ни на какие тайные сходки. Тем лучше, теперь пропечатают на всю страну, что Томас Мюнцер назвал их своими соучастниками. Вот он какой: и перед казнью сводит личные счета и клеветает на недругов! Он может быть уверен, что и братья Гербхард и другие, кого они включают в его показания, не будут питать к нему добрых чувств и, оправдываясь, выложат побольше, чем знают.

Напрасно он мотает головой и не хочет вспомнить о своей связи с Эколампадием и Гугвальдом. Они направили его к крестьянам Клеттгау или он пошел по собственной воле? Он молчит? Ну, тем все равно будет приятно прочесть в «Признаниях Мюнцера», что они послали его к бунтовщикам.

Упрямо и надоедливо твердит он, что, возвратившись из Южной Германии, не переписывался с базельскими еретиками. Но ведь доподлинно известно, что это не так. Где спрятаны письма?

Их существование он вообще отрицает? Но они, слава богу, знают, как записать его ответ: письма Эколампадия и Гугвальда хранятся в мешке у его жены. Да, именно так. Пусть-ка любимый муженек, облегчая свою участь признанием, впутает ее в это дело и сам даст повод как следует потрасти злодейку, когда ее сцапают в Мюльхаузене!

Дрожащими руками вскрывал доктор Мартин новое письмо. Его извещали о разгроме восставших под Франкенхаузенем и о поимке Мюнцера. Он рухнул на колени, горячо и долго молился. Его обуяла неумная, бурная радость. Наконец-то всевышний произнес свой приговор!

Словно в лихорадке, схватился он за перо. Он назвал свое новое сочинение «Ужасная история и приговор господен над Томасом Мюнцером». Господь осудил все, что делал Мюнцер, этот кровожадный пророк, сеющий повсюду смерть: его учения, его писания, его шайки! Он, Лютер, обращается ко всем дорогим немцам. Он обязан предостеречь и внушить страх тем, кто еще чинит беспорядки и участвует в мятеже. Он хочет одобрить и утешить тех, кто вынужден переносить неслыханные беды. Не сомневайтесь — господь проклинает и карает мятежников! Еще недавно они хвастались, будто исполняют божью волю, а вот уже тысячи их лежат поверженными в прах. Если бы бог глаголял их устами, то, конечно, этого бы не случилось! Раз Мюнцер повержен, то ясно, что в его лице, прикрываясь именем божьим, говорил и действовал сам дьявол! Для пущей наглядности он, Лютер, издает здесь несколько писем Мюнцера. Пусть все поймут, что такого господь не в силах был долше сносить!

Рассказывая о франкенхаузенской битве, он по своему толковал события. В роли миротворца у него, конечно, выступал Альбрехт: движимый христианскими чувствами, он пытался предотвратить кровопролитие. Все закончилось бы добром, если бы не вмешательство Мюнцера: он своими речами ввел крестьян в заблуждение. Вот итог: сразу больше пяти тысяч убитых! И души-то свои крестьяне погубили на веки вечные. А что стало с вашими словами, подстрекатели? Вы похвалялись, что вы, божий народ, забросаете врагов шапками и ядра неприятельских пушек будете посылать обратно. Где мюнцеровы рукава, в которые он обещал ловить ядра? Господь перед всем светом осудил и покарал Мюнцера и его сообщников!

Не обошелся Лютер и без лицемерных фраз. Эти строки он пишет не потому, что радуется несчастью Мюнцера. Он хочет предостеречь остальных мятежников, склонить к послушанию, чтобы и их не постигла подобная участь. «Я очень страдаю, что крестьяне, так страшно обманутые, погибли и душой и телом, но одновременно я и радуюсь: господь произнес свой приговор и решил дело! Теперь мы знаем наверняка: эти разбойные бесы проповедовали лжеучение, которое было противно богу и проклято им!»

Его, правда, тревожит, что крестьяне так закоренились в своем безумии, что не видят ничего и не слышат. Не помогают ни проповеди, ни письменные увещания. Лютер обращается к власти имущим. Если они одержат верх, то пусть не возносятся. Всевышний даст им победу не потому, что они праведны, а потому, что хочет наказать крестьян за их непокорность.

Теперь, после франкенхаузенского разгрома, Лютер просил о снисхождении к захваченным и сдавшимся в плен. Он не очень верил в победу и боялся, что в ответ на жестокости поднимется новая волна восстаний: господа должны быть милосердны к пленникам, дабы «погода не переменялась и бог снова не дал победы крестьянам».

Казалось, уже никакая сила на свете не заставит его говорить. Синие, искусанные губы были плотно сжаты. Он часто терял сознание. Неужели из-за долгих пыток он совсем перестал отзываться на окружающее? Но однажды он вмиг преобразился: глаза загорелись прежним пламенем. Опять Лютер! Да и разве могло случиться, чтобы Томас в преддверии смерти не услышал над собой карканья черного виттенбергского ворона?!

Допрос касался далеких событий 1522 года. Присутствующим интересовала его встреча с Лютером. Он сперва не понял, что от него хотят. И здесь опять «Послание к саксонским князьям о мятежном духе»! Теперь его спрашивают, как они спорили об от-

ношении к властям, о тех беседах, во время которых Лютер будто бы, как хвалится, дал по носу Альшtedтскому сатане. Он беззастенчиво врет, этот доктор Люгнер! Годами мечтал он осудить учение Мюнцера. Он не гнушался ничем: ни клеветою, ни доносом. Он спал и видел, что мудрецы из Виттенберга, собравшись в закутке, выносят Мюнцеру приговор. Он во что бы то ни стало хотел увидеть себя победителем. Но это ему не удалось!

Возбужденный, он повторял, что Лютер врет. Конечно, он бывал у него в Виттенберге, но те разы, которые Лютер имеет в виду, в его келье были Штюбнер и Шторх. Мюнцера там не было. Никогда в жизни этот княжий угодник так и не смог дать Альшtedтцу по носу. У него для этого слишком коротки руки!

Всех поразила та горячность, с которой вдруг полумертвый узник заговорил о вещах, представлявшихся не особенно важными. Какое значение имели теперь эти встречи, когда сам Мюнцер, захваченный после разгрома мятежного воинства, не стесняясь, заявлял, что его цель — установление равенства, общности имущества и искоренение властителей?

Разумеется, очень интересно узнать, как Эрнст расправляется со своим злейшим врагом, какие придумывает для него пытки. Но любопытство оставалось неудовлетворенным. Мансфельдский граф не был склонен рассказывать о том, что творится в его застенке. Палач даже за кружкой пива предпочитал молчать. Смотритель башни, в подвале которой содержался Мюнцер, был более разговорчив, но он почти ничего не знал. Он мог только подтвердить, что узника возвращали в каменный мешок чуть живым. Бог ведает, что там с ним делали, но глядеть на него было страшно. Его жег какой-то адский внутренний огонь. Он все время просил пить. Однажды смотритель из любопытства дал ему столько воды, сколько он хотел. Мюнцер выпил одну за другой двенадцать огромных кружек.

Лица, которые вели дознание, торопились. Граф Эрнст обещал князьям, что заставит Мюнцера отречься. Тот все еще упорствует? Герцог Георг подтрунивал над владетелем Хельдрунгена: на словах у него все выходит значительно быстрее, чем на деле!

Следствие закончено не было. Много важнейших вопросов оставались невыясненными: с кем из главарей шварцвальдских крестьян был связан Мюнцер, что он замышлял в Нюрнберге, чего искал в Праге, кого из горожан Цвиккау втянул в свой дьявольский союз? А что он затевал в Ашерслебене и Галле? Им известно о заговоре. Но кто были его соучастники? Кто они? Томас назвал несколько имен. Граф Эрнст не хотел верить своим ушам. Узник начинает давать показания? Радость была преждевременной: на следующем допросе Мюнцер опять молчал.

«Признания Томаса Мюнцера» стряпались в большой спешке. На них лежала печать торопливости, многое было сделано грубо и непродуманно. Их поместили задним числом и вместе с «Прощальным письмом мюльхаузенцам» и «Отречением» велели набирать. Князья не упускали случая поддеть Эрнста. Видно, Мюнцер — орешек ему не по зубам. Граф в сердцах забывал о почтительности. Чего от него, собственно, хотят? Он обещал, что пленник отречется, и сдержал слово: «Отречение Томаса Мюнцера» и его «Признания» налицо. Кто, кроме десятка людей, в чьих интересах хранить молчание, знает правду о том, как вел себя узник в застенке? Мюнцер должен быть сломленным и раскаивающимся? Таков он и есть. Писцы сумели вовремя исправить нерадивость палачей.

Объединенное войско князей двигалось на Мюльхаузен. Как огромный черный хвост, тянулся за ним дым пожаров. На месте деревень были пепелища. Тучи ворон кружили над виселицами. У наскоро сколоченных эшафотов вертелись голодные псы. Трупы подолгу лежали непогребенными. Даже люди, которые ненавидели восставших, ужасались чудовищной

жестокости победителей. Рюхель писал Лютеру, что если князя будут так карать, то потомкам достанется безлюдная пустыня. Во Франкенхаузене, по слухам, князя награбили больше трехсот тысяч гульденов. Они не ищут ничего, кроме грабежа и убийства.

Отвечая своему другу, Лютер благодарил его за сведения о Мюнцере. Да, он постоянно интересуется его судьбой, он жаждет подробностей о его поимке, «ибо очень полезно знать, как держался чванливый бес». Он просил самых исчерпывающих известий. А что касается участи крестьян, то стоит ли об этом убиваться? Жаль, конечно, что с ними поступают так сурово. Но что же делать? Страх и трепет — на то воля божья — должны обуять людей. Это наименьшее зло. В противном случае сатана натворит еще больших бед. Сказано ведь в писании: «Поднявший меч от меча и погибнет!» Он утешал Рюхеля: «Не мучайте себя, видя жестокости господ. Происходящее крестьянам на пользу. Многие из них, утрашившись, воздержатся от выступлений».

Крепки стены Мюльхаузена, и грозны его пушки. Но почему так нерешительно готовятся к осаде? Пфейфер хотя и поздно, но понял, что только совместные действия с восставшими других земель могут обеспечить победу. В послании, которое от имени города было направлено франконским крестьянам, призыв о помощи подкреплялся весьма красноречивым доводом: если нас разобьют, то такая же участь постигнет и ваши отряды!

Он еще до хрипоты произносил воинственные речи и ходил по улицам с крикливой толпой приверженцев, а песенка его была уже спета. В Вечном совете, который еще недавно поддерживал Пфейфера, взяли верх другие настроения. Патрициат сумел убедить большинство Вечного совета в бессмысленности сопротивления. Им очень на руку пришлось весть о том, что к князьям присоединился курфюрст Иоганн со своими рыцарями и наемниками. Теперь общая

численность войска достигала огромной цифры, в двенадцать тысяч человек, из них треть была на лошадях. Разве Мюльхаузен устоит против такой силы?

В неприятельский лагерь 23 мая направили посольство. Князя выставили только одно условие: город должен безоговорочно сдаться. Словно у мюльхаузенцев уже заклепаны все пушки, а стены и башни лежат в развалинах! Почему вольный имперский город должен так жестоко расплачиваться за затеянные бунтарей? Послы не были уполномочены принимать таких суровых условий. Не уполномочены? Ну что же! Они еще пожалеют! Все, от мала до велика, будут на коленях просить прощения!

В предместьях ответ князей вызвал бурю негодования. Пфейфер еще раз попытался повлиять на Вечный совет. Ему велели молчать. Это из-за таких людей, как он и Мюнцер, страдают теперь мюльхаузенцы. Пусть-ка он лучше не раскрывает рта и убегается прочь! Тогда честным, любящим порядок горожанам будет легче вести переговоры.

Он не заставил повторять угрозы, тем более что богачи, собрав свою челядь, готовили недоброе. Не замышляют ли они схватить Пфейфера и выдать врагам? В ночь на 24 мая Генрих, открыв ворота, ушел из города. Вместе с ним покинули Мюльхаузен около пятисот человек. Они разбились на небольшие группы, чтобы, воспользовавшись темнотой, проскочить мимо неприятельских отрядов, которые рыскали вокруг.

Поразительно быстро узнали о бегстве Пфейфера в лагере князей. Об этом постарались «лучшие» из мюльхаузенцев. Вдогонку Пфейферу тотчас же были посланы ловкие рейтары на отличнейших лошадях.

...Они тянулись бесконечной вереницей. Ворота были распахнуты настежь — из города один за другим в скорбном шествии выходили все мужчины. Исключение было сделано только для тяжелобольных и стариков, прикованных к постели. Настаивая на безоговорочной сдаче, князя придвинули войска вплот-

ную к Мюльхаузену, — как о величайшей милости должны жители молить о пощаде!

Накануне к князьям были посланы девушки и женщины — в покаянном наряде, в белых рубищах, с распущенными волосами. Распростершись в пыли, они просили пощадить город. На головах у них были венки из полыни. С ними говорили весьма холодно. Отцы их и братья должны сами принести повинную! Женщин и девиц было велено в лагере накормить. Они не хотели туда идти: боялись ландскнехтов. Горше полыни стал многим тот хлеб, которым их потчевали. Но победителей не судят.

Теперь на поклон к князьям шли мужчины — с посохами в руках, босиком и без шапок. Приблизившись к лагерю, они должны были стать на колени и ждать, пока победители соизволят появиться. Князья прискакали и с высоты своих рослых коней внимали мольбам. Мюльхаузенцев заставили трижды опускаться на колени. Согбенные и униженные, они передали князьям ключи от города.

Победители великодушно согласились не отдавать Мюльхаузен на поток и разграбление. Но милость эта обошлась городу очень дорого: он терял свою независимость и должен был выплатить чудовищную сумму в сорок тысяч флоринов.

25 мая князья вступили в Мюльхаузен. На следующий день начались казни.

К своему очередному письму Рюхель приложил «Признания Томаса Мюнцера» и его прощальное послание к мюльхаузенцам. Лютером овладело страшное недовольство. В руках у князей Альшtedтский бес должен был признаться, что его учение от дьявола, а ссылки на «глас господен» — надувательство и обман. Надо было по-настоящему осудить наивреднейшие мысли Мюнцера. Этого не сделали! Да и что было ожидать от князей! Каждый тянул в свою сторону. Альбрехт Мансфельдский был маловлиятелен. Эрнст жаждал мести и изощрялся в придумывании

пытк. А ландграф больше интересовался добычей, чем допросами в Хельдрунгене.

Хотя ландграф и держал при войске лютерового проповедника, он был слишком поглощен жадностью и ратными делами. Не мудрено, что герцог Георг, эта Дрезденская свинья, обошел своих собратьев и представил дело так, будто корень всех бед в разрыве Мюнцера с папистской церковью! А ведь надо было подчеркивать другое! Теперь они похваляются, что добились от Мюнцера отречения. Десяток благородных дворян выставлены как свидетели. И больше ничего! Почему в одной из церквей Мюльхаузена не устроили публичного отречения? Нет, все это годится только для простаков! Протоколы кроили, как хотели, вымарывали и дополняли написанное, подлинные слова Мюнцера пересыпали неуклюжими выдумками. И эту мешанину выдают за его показания! Они ставят себе в заслугу, что помогли еретику раскаяться и вернули его в лоно церкви. А почитайте-ка внимательней «Признания». Мюнцер не боится прямо в глаза врагам говорить, что все должно стать общим, а господ надо изгнать или уничтожить.

Его попытались представить человеком, который будто бы выдавал товарищей. А что они смогли написать в «его» показания, кроме давным-давно известных вещей? Все, что он сказал, — свидетельство не раскаяния, а упорства. Он не признал себя виновным в каком-либо преступлении. Он ничего так и не поведал ни о Цвиккау, ни о Праге, ни о десятке других мест, где сеял смуту и сколачивал свой союз.

Альшtedтского беса не сумели скрутить! Лютер злился. А тут еще Рюхель со своими упреками: нельзя, мол, во всеуслышание оправдывать жестокости господ: «В Лейпциге открыто говорят, что из-за смерти курфюрста вы стали опасаться за собственную шкуру и стараетесь угодить герцогу Георгу, оправдывая его поступки».

О, эти сердобольные и близорукие моралисты! Им не дожидаться от Лютера иных поучений. Он написал своему другу резкий ответ. Конечно, и на этот раз

он, Лютер, прав. Если среди крестьян есть невинные, то бог сохранит и спасет их. А коль он этого не делает, значит, они виновны, виновны хотя бы в том, что не выдавали злодеев и были с ними заодно. Даже если крестьяне поступают так по глупости или из страха, их все равно надо наказывать. Лютера возмущало, что бунтари не сложили оружия. Мы должны молиться, чтобы крестьяне стали послушными. Если этого не происходит, то нечего их жалеть. Пусть ядра со свистом врезаются в толпы непокорных. Не будет этого — крестьяне сотворят в тысячу раз большее зло.

Он делился своей досадой. Как неумело князя обошлись с Мюнцером! «Мюнцеру не устроили такого, как следовало, дознания. Я бы велел допрашивать иначе. Его признания — это не что иное, как дьявольская сверхзакоренелость... Трудно представить себе человеческое сердце столь ожесточенным... Кто видел Мюнцера, тот может сказать, что видел воплощение разъяренного сатаны. О господи, раз и крестьянами овладел такой дух, то давно пора передушить их как бешеных собак!»

Часть княжеских войск продолжала стоять лагерем у деревни Гёрмар. Туда в четверг, 25 мая, был доставлен из Хельдрунгена Мюнцер.

Погоня, посланная вслед за Пфейфером, увенчалась успехом. Он хотел через Тюрингенский лес уйти к бунтовавшим франконцам. Его тоже привезли в Гёрмар. Он был не особенно разговорчив, но известных вещей не отрицал и не прятался за чужую спину. Все, мол, видели, что он делал, и врать бесполезно! Он вел себя мужественно и, несмотря на ссору, никаких показаний, которые могли бы повредить Мюнцеру, не дал.

Но об этом Томас ничего не знал. Не слышал он ни о запоздалой попытке Пфейфера заручиться помощью франконских крестьян, ни о его призывах встретить грудью идущие на приступ отряды. В глазах Томаса Пфейфер так и остался Иудой, который ради собственной корысти предает общее дело.

В непримиримости, жгучей, как раскаленные железки палача, вплоть до смертного часа черпал Мюнцер силы.

Это была та самая деревушка Гёрмар, из которой меньше месяца назад он писал франкенхаузенцам письмо, полное воодушевления и задора. Здесь тогда был крестьянский лагерь.

Он до последнего верил в победу. Поражение под Франкенхаузенем еще не означало, что восставших постиг окончательный разгром. Он надеялся, что во Франконии и Эльзасе крестьяне отомстят и за эту резню. Только бы они не дали себя провести!

Мысль об отсутствии среди восставших единства постоянно его тяготила. Неужели они не преодолеют этой роковой ограниченности, когда горизонтом служит межа собственного поля, а воинственный пыл пропадает сразу же за околицей родного села? Он очень хорошо помнил тот горький день в Клеттгау, когда один из крестьянских вождей в ответ на настойчивые уговоры Мюнцера двинуться с отрядом в Тюрингию сказал, что люди его согласны выступить в поход, если им хорошенько заплатят.

Мюнцеру, который мечтал, чтобы поднялись не только крестьяне всей Германии, но и Франции, Италии, Чехии, такая ограниченность казалась величайшим злом. Может быть, теперь, после тяжелых поражений, крестьяне, наконец, поймут необходимость единства?

Но никакие испытания не поколебали его уверенности, что время ниспровержения тиранов наступило. Власть будет передана народу!

Стоило ему закрыть глаза, как он видел в небе высокую радугу — провозвестницу грядущей победы.

Дня казни ему никто не объявлял, но он чувствовал, что смерть близка. Он знал, что его прикончат без особых формальностей: Мюнцер из тех упрямец, кто может и в последний момент испортить всю игру любителям назидательных зрелищ.

Каждый раз, когда к дверям его темницы приближались шаги, Томас вздрагивал, и все его изуверенное пытками тело судорожно напрягалось. Уже?

Он думал о семье, и часто смертельная тоска охватывала его душу. Никогда он не прижмет к себе сына, не увидит Оттилии и не узнает, кто у них в скором времени появится на свет — дочь или второй сынишка. Да и вообще, доживет ли жена до родов?

Его терзали сомнения. Прав ли он был, когда, стремясь переделать саму природу людей, жестоко подавлял в себе каждое проявление чувства?

...Жена шоссера подлетела к нему с радостным криком: «Господин Мюнцер, возблагодарите бога — он послал вам первенца!» А он, счастливый отец, стоял как истукан, пока женщина, пораженная его молчанием, не ушла прочь... Он не баловал Оттилии ни лаской, ни вниманием. Она была очень красива, и сострадательные кумушки, проводив ее глазами, непонимающе переглядывались: и что нашла она в своем нищем магистре?

...Медлить было нельзя. Он бросился к колокольне. Спотыкаясь, лез вверх по узкой и крутой лестнице. Веревка от колокола бешено запрыгала в его руках. Над Альштедтом гудел набат. К оружию! В городе всю ночь горели костры. Мастеровой люд готов был сражаться. Женщины не отставали от своих мужей и братьев — схватив вилы и косы, они сбежались на площадь. Их собрала Оттилия. На всю жизнь запомнил он ее взгляд — гордый, взволнованный, восхищенный. Есть ли на свете большее счастье?

Томас улыбался.

В Галле и Ашерслебене шел тщательный розыск. Мюнцер признался под пытками, что в юности составил там заговор против архиепископа. Он назвал нескольких членов тайного союза. Их стали искать. Но все старания были напрасны. Таких людей не существовало. Полумертвый узник, он имел еще охоту и силы дурачить своих мучителей!

Забот у князей было много: Мюльхаузен — лакомый кусочек, поживиться есть чем. Захватывая добычу, они ревниво следили друг за другом, как бы кто не обскакал остальных. Город лишили многих привилегий. Каждый год один из князей будет осуществлять в Мюльхаузене верховную власть. Чтобы горожанам больше неповадно было бунтовать, они должны собственными руками разрушить укрепления и засыпать рвы. Все оружие — от пушек до алебард — порох, ядра, свинец, лошадей, пиво, вино, запасы продовольствия и фуража надлежало сдать. Ослушникам грозила смертная казнь. Помимо выплаты огромной контрибуции, горожане обязаны были отказаться в пользу победителей от дорогой утвари, серебряной посуды, украшений, драгоценностей.

Но князья не забывали и о Мюнцере. Как повнушительней обставить его казнь? Ландграф желал бы увидеть Мюнцера молящим о смерти как о заслуженной каре за дерзкие призывы свергать властителей. А герцог Георг не упускал из виду религии: крайне необходимо, чтобы Мюнцер вернулся в лоно католической церкви и принял причастие.

Казнь человека, который, по словам Лютера, был в Мюльхаузене «королем и императором», лучше всего совершить в самом городе, на Верхнем рынке. Можно было не опасаться никаких эксцессов: отъявленные злодеи ушли вместе с Мюнцером, другие бежали с Пфейфером. А те, что остались, хорошо помнили, как долго и униженно вымаливали пощаду.

Было потрачено много усилий, чтобы развенчать и оболгать главного совратителя. Нарочито состряпанные документы должны были убедить народ, что Томас Мюнцер отрекся от своего дела и захотел смертью искупить тяжкие свои преступления. Можно ли было после этого вывести Мюнцера, изувеченного, но упрямого, на рыночную площадь? Как бы стражники ни оттесняли толпу и как бы ни торопились палачи, люди все равно успеют разглядеть, что брат Томас гонит прочь священника, не кается и не пол-

зает на коленях. Тогда, значит, и «Признания» и «Отречение» — все чистейшая ложь!

Князя боялись испортить себе игру. От публичной казни пришлось отказаться.

За ним явились перед рассветом. В лагере еще спали. Десяток всадников ждал его на дворе. Томас не мог идти. Его бросили на телегу. Возница усердно работая кнутом. Быстрой рысью бежали лошади. Рейтары окружали повозку тесным кольцом. Дорога была безлюдной. Они свернули с проселка и ехали полем. Занимался серенький день. Кругом не было ни души.

Его прикончили в низинке, на сырой и пахучей земле. Последнее, что он видел, были не сапоги ландскнехтов и не злорадная физиономия нагнувшегося к нему Эрнста. Его держали крепкие руки, но он, рванувшись, повернул голову. Нет, не для того, чтобы смотреть убийцам в глаза. Он взглянул на небо, печальное, беспросветное, затянутое тучами. А видел он радугу...

- Отрубленную голову было велено насадить на шест и водрузить на вершине холма вблизи Мюльхаузена.

Рейтары, которые утром 27 мая, еще до побудки, повинувшись приказу, выезжали из лагеря в поле, никак не могли отделаться от неприятных впечатлений. Им еще долго мерещился Мюнцер: его упрямое, скуластое лицо и жгучий, непримиримый взгляд — взгляд не жертвы, а судьи. Даже когда голову отделили от туловища, веки не опустились. У, дьявол! Глаза выкололи острием пики.

В тот же день был обезглавлен и Генрих Пфейфер. В Мюльхаузене всю шла расправа. На лобном месте не успевала засыхать кровь. Достаточно было малейшего подозрения, чтобы отправить человека на эшафот.

Самые важные и грозные события всей Крестьянской войны произошли в Тюрингии. Князя пола-

гали, что после того, как под Франкенхаузенем Мюнцер потерпел поражение и был пойман, основная опасность миновала и теперь Крестьянскую войну можно считать завершённой.

Восстание топили в потоках крови. Шайки Антуана Лотарингского свирепствовали в Эльзасе. Одна только резня под Цаберном стоила крестьянам восемнадцати тысяч жизней. Во Франконии неистовствовал Трухзес. Первая же его победа показала, как лживы были уверения богатеев горожан, которые клялись в верности восставшим. Город за городом открывал перед войсками Трухзеса свои ворота. В Вюрцбурге франконцы потерпели окончательный разгром. Каратели обычно не брали пленных. Нередко сражения превращались в сплошную бойню: всадники в кольчугах и доспехах рубили и кололи почти безоружных мужиков. Отсутствие у крестьян конницы сказывалось самым губительным образом. В открытом поле противостоять натиску рейтар было очень трудно. Против тяжелых пушек не помогали и вагенбургги. Успешней крестьяне сражались в горах, лесах или болотах.

Намного позже, чем в других местах, было подавлено восстание в альпийских землях. Дикая господская месть обрушилась на крестьян. словно топоры усердных дровосеков, частили по плахам секиры палачей. На рыночных площадях, как кочаны капусты, громоздились отрубленные головы. Победители приказывали ослеплять сотни людей.

За несколько недель в сражениях и расправах было убито более ста тысяч крестьян. Плохим утешением служили горькие слова, которые тогда часто повторяли: «Всех мужиков господ не перебьют — кто же будет на них работать?» Многие бежали в Швейцарию, в Венгрию и даже к туркам. Тот, кто, скрываясь, отказывался принести повинную, знал, что потеряет все: жену и детей его изгонят, дом сожгут, имущество отнимут. Оставшихся в живых обложили пожизненными штрафами. Под видом возмещения ущерба рыцари и аббаты беззастенчиво принялись грабить села. У крестьян отобрали оружие, оставили

только топоры для рубки дров и ножи, чтобы резать хлеб. Им запретили собираться на сходки и посещать харчевни. Все, что служило очагами сопротивления, было уничтожено: разрушали башни, засыпали рвы. В Шварцвальде даже снесли кладбищенские стены. Из деревень вывезли набатные колокола.

Господа не замедлили воспользоваться победой, чтобы задавить мужика бременем крепостничества.

Страна лежала разоренная и обескровленная. Вереницы слепых, взявшись за руки, ползли по дорогам...

Оттилия не умерла. Но бесконечны были издевательства и унижения, которым ее подвергали. Нечем было кормить сына. Магистрат Мюльхаузена отобрал у нее даже жалкий скарб, оставшийся в доме. Люди боялись оказать помощь вдове казненного.

Чего только она не претерпела!

Один из князей велел притащить ее к себе. О, вдова Альшtedтского беса в самом деле чертовски красива! Перед ним стояла убитая несчастьем, беззащитная, слабая женщина. Благородный господин, кичившийся своим рыцарством, не посмотрел ни на ее горе, ни на ее беременность. Он любил придумывать себе развлечения: он не подлый насильник, чтобы оскорблять честь дамы! Он галантно становится перед ней на колени, делает умоляющие жесты и говорит такое, что не каждый ландскнехт скажет женщине...

Ненависть Лютера к своему злейшему врагу была столь яростной и ненасытной, что даже известие о казни Мюнцера оставило ее неудовлетворенной. И мертвый Томас внушал ему страх. Отрубленная голова торчала на шесте, тело, как падаль, было закопано где-то ночью помощниками палача, а он вопреки всему был сильнее, чем тысячи живых. Поразительна его власть над умами людей! Доктор Мартин чувствовал бы себя счастливым, если мечи убийц смогли бы умертвить и «мюнцеров дух».

Лютер и его единомышленники сочли своей первой обязанностью всеми силами и средствами бороться против столь живучего «мюнцеров духа».

Вскоре несколько типографий напечатали «Историю Томаса Мюнцера». Здесь все: и хорошая латынь, и изложение, следующее классическим канонам, — было подчинено единственной цели — исказить настоящий облик Мюнцера, но сделать это так, чтобы новая ложь звучала убедительней, чем прежняя, которую произвели на свет князьки грамотеи в Хельдрунгене. Pamфлет вышел анонимно, но многие уверяли, что написал его любимец Лютера — Филипп Меланхтон.

Томас Мюнцер породил целое племя неустрашимых и стойких борцов. Ни разгром в Крестьянской войне, ни свирепые казни не могли заставить их изменить своему делу. «Мюнцеров дух» был жив. Ученики и последователи Томаса не покорились. Они продолжали сеять среди народа идеи ниспровержения угнетателей, идеи переворота и установления единственно достойного людей уклада жизни, когда все станет общим.

Годами охотились за ними, вылавливали, бросали в темницы. Их жгли на кострах, топили, четвертовали, вешали. Лютую смерть предпочитали они отречению. Все должно быть общим!

Ганс Гут, переживший франкенхаузенскую битву и поражение восставших франконцев, настойчиво распространял учение Мюнцера. В 1527 году его поймали. Его допрашивали под пытками. Во что бы то ни стало Гут хотел вырваться из тюрьмы. Прикованный цепью к скамье, он замыслил побег. Но как без топора вырубить цепь? Он собрал всю солому, которая была в камере, и обложил ею скамью. Он сам разжег под собой костер. Горело не только дерево, горела кожа. Ганс вытерпел все. Ему удалось освободить цепь, но бежать он не мог. Ожоги были слишком сильны, и через несколько дней Гут умер.

Тело еретика и мятежника сожгли на городской площади.

Всю жизнь мысль об Альштедтском бесе не давала Лютеру покоя. Он поощрял людей, которые писали против Мюнцера, сам в своих работах нередко отпускал по его адресу крепкие слова. Он продолжал спорить и с мертвым. Он то и дело возвращался к его взглядам. Ученые возражения, подкрепленные ссылками на библию, перемежались с бранью: поносить Мюнцера было легче, чем опровергнуть.

Годы не ослабили ненависти. Но теперь доктор Мартий все чаще прикрывал свой страх перед Мюнцером насмешками и пренебрежением. Он стал избегать серьезных разговоров о сути разногласий. К чему лишний раз повторять крамольные мысли Альштедтца, которые должны быть похоронены? Он предпочитал рассказывать о Мюнцере злые анекдоты. Среди друзей, в застольных беседах, на которые он был мастер, Лютер отводил душу. Любая клевета не казалось ему чрезмерной. Ему доставляло особенное удовольствие рассказывать о том, как иступленный главарь «пророков», забившись в уголок, громко разговаривал с богом, а потом перед толпой простаков выдавал свои бредни за откровения господни. Зачем ему библия, когда он может придумать все, что захочет! В снах и видениях бог открывает ему истину!

Лютера ничуть не смущало, что он противоречил самому себе. Раньше он посмеивался над аскетической суровостью Мюнцера: тот, мол, ведет себя как истукан, в котором нет ничего живого! Доктор Мартин любил позабавиться соленой прибауткой и пикантными историями, особенно если на столе красовался добрый кувшин мальвазии. Теперь он часто делал Мюнцера героем своих вольных побасенок.

Но сколько бы Лютер ни придумывал злых неблиц и как бы ни поощрял своих приверженцев, распускающих о Мюнцере низкую клевету, он должен был в конце концов признать, что все эти попытки оболгать любимого народом вождя — от «исторических» сочинений до скабрзных анекдотов — цели

своей не достигли. Это было тем более обидно, что к самому Лютеру навечно прилипли меткие прозвища, которыми наградил его Томас: «Доктор Люгнер», «Виттенбергский подхалим», «Княжий угодник».

На вершине холма, недалеко от Мюльхаузена, торчит на длинном шесте голова Мюнцера. Непогода и воронье обнажили кости. Давно уже на шесте белеет череп.

Сюда приходят тайком поклониться брату Томасу, наставнику и другу. Раньше все склоны холма были покрыты густой травой, потом к его вершине протянулась тропинка. А люди все приходили и приходили... Власти хватали подозрительных паломников, карали штрафами, били плетью. Но тысячи ног по-прежнему вытаптывали траву.

Об этой тропинке, которая с годами превратилась в широкую дорогу, Лютер писал с горечью и досадой. Клевета и ложь не помогли. Мертвый победил живого.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ТОМАСА МЮНЦЕРА

- 1489 — в Штольберге родился Мюнцер.
- 1506, 16 октября — Мюнцер стал студентом Лейпцигского университета.
- 1512 — заговор в Галле.
- 1519, апрель — Мюнцер в Ютербоге.
- 1519, начало мая — середина июня — Мюнцер в Орламюнде.
- 1519 — Мюнцер в Бойдинце.
- 1520, конец апреля — приезд в Цвиккау.
- 1521, 16 апреля — бегство из Цвиккау; конец апреля — пребывание в Жатце; май — первая половина июня — кратковременное возвращение в Саксонию; 23 июня — первое выступление в Праге; конец октября — Мюнцеру запрещают в Праге проповедовать; ноябрь — «Пражское воззвание»; конец ноября — бегство из Праги.
- 1522, лето — Мюнцер в Нордхаузене; конец года — Мюнцер снова в Галле; декабрь — посещение Карлсгадта.
- 1523, март — изгнание из Галле; весна — Мюнцер едет в Альштедт; осень — конфликт с Эрнстом Мансфельдским; декабрь — Мюнцер заканчивает «Вымышленную веру».
- 1524, весна — «Союз избранных» в Альштедте; 24 марта — сожжение маллербахской часовни; лето — «Разоблачение ложной веры»; 13 июля — проповедь перед князьями; 1 августа — допрос в Веймаре; 8 августа — Мюнцер уходит из Альштедта; середина августа — приезд в Мюльхаузен; август — сентябрь — работа над «Защитительной речью».
- 1524, 19 сентября — начало волнений в Мюльхаузене; 27 сентября — Пфейфер и Мюнцер покидают Мюльхаузен; октябрь — Мюнцер в Нюрнберге; начало ноября — пребывание в Базеле; ноябрь — декабрь — пребывание среди восставших крестьян Южной Германии.
- 1525, середина января — Мюнцер направляется обратно в Тюрингию; февраль — арест в Фульде; середина февраля — возвращение в Мюльхаузен; 17 марта — власть переходит к Вечному совету; весна — восстание крестьян Верхней Швабии, Шваривальда и Франконии; конец апреля — начало восстания в Тюрингии; 26 апреля — «Воззвание к альштедцам», мюльхаузенский отряд выступает в поход; 10 мая — Мюнцер из Мюльхаузена начинает поход к Франкенхаузену; 15 мая — сражение у Франкенхаузена; 27 мая — казнь Мюнцера.

БРАТСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке:

- К. Маркс и Ф. Энгельс*, Немецкая идеология. Соч., т. IV.
К. Маркс, Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VII.
Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии. М., 1952.
Ф. Энгельс, Заметки о Германии. Архив Маркса и Энгельса, т. X.
Ф. Энгельс, Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». Соч., т. XVI, ч. 1.
Ленин В. И., К оценке русской революции. Соч., т. 15.
Ленин В. И., Письмо А. М. Горькому. Соч., т. 35, стр. 92.
Каутский К., Предшественники новейшего социализма, т. II. М.—Л., 1925.
Проскуряков В., Томас Мюнцер. М., 1937.
Розенталь Н. Н., Томас Мюнцер. М.—Л., 1925.
Сказкин С. Д., Фальсификация Крестьянской войны 1525 г. Сб. Против фашистской фальсификации истории. М., 1939
Смирин М. М., Очерки истории политической борьбы в Германии перед реформацией. М., 1952.
Смирин М. М., Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. Изд. второе. М., 1955.
Смирин М. М., К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии. Сб. Из истории социально-политических идей. М., 1955.
Стоклицкая-Терешкович В. В., Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.—Л., 1936.
Стоклицкая-Терешкович В. В., Немецкий народ в эпоху Крестьянской войны. «Вестник Москов. унив.», 1950, № 4.
Фадина М. Ф., Крестьянская война в Северной Тюрингии. Диссертация. Рукопись. Л., 1954.
Циммерман В., История Крестьянской войны в Германии, тт. I—II. М., 1937.
Шеллер-Михайлов А. К., Революционный анабаптизм. Соч., т. XV. Спб, 1895.

На иностранных языках:

- Thomas Münzer*, Politische Schriften, mit Kommentar hrsg. von C. Hinrichs. Halle, 1950.
Thomas Müntzer, Sein Leben und seine Schriften, hrsg. von O. H. Brandt. Jena, 1933.
Thomas Müntzers Briefwechsel, hrsg. von H. Böhmer und P. Kirn. Leipzig—Berlin, 1931.
Barge H., Andreas Bodenstein von Karlstadt. Leipzig, 1905. I—II.

- Barge H.*, Aktenstücke zur Wittenberger Bewegung Anfang 1522. Leipzig, 1912.
- Baumgarten W.*, Zum Thema Thomas Müntzer, MG, B. 33/35, 1936.
- Bemmann R.*, Thomas Münzer, Mühlhausen in Thüringen und der Bauernkrieg — Gerhard Seeliger zum 60. Geburtstage. Leipzig, 1920.
- Bloch E.*, Thomas Münzer als Theologe der Revolution. München, 1921.
- Böhmer H.*, Studien zu Thomas Müntzer. Leipzig, 1922.
- Böhmer H.*, Thomas Müntzer und das jüngste Deutschland, Gesammelte Aufsätze. Gotha, 1927.
- Brandt O. H.*, Das Münzerbild der Gegenwart, — Geisteskultur, 8 — 9. Heft, 1933.
- Brinkmann E.*, Gelegenheitsfunde im Mühlhäuser Archiv, MG, 32, 1933.
- Clemen O.*, Zwei Anhänger Thomas Münzers, AR, 103/104, Heft 3/4, 1929
- Clemen O.*, Das Prager Manifest, AR, 117/118, Heft 1/2, 1933.
- Droysen G.*, Zur Schlacht bei Frankenhausen — Zeitschrift für Preussische Geschichte und Landeskunde, 10. Berlin, 1873.
- Eberlein K.*, Auf dem Wege zu einer neuen Wertung Münzers, MG, 27, 1927.
- Falkenhainer W.*, Philipp der Grossmütige im Bauernkrieg. Marburg, 1887.
- Förstemann C. E.*, Neues Urkundenbuch zur Geschichte der evangelischen Kirchen-Reformation. Hamburg, 1842.
- Förstemann C. E.*, Zur Geschichte des Bauernkrieges im Thüringischen und Mansfeldischen, NM, 12. Halle, 1868.
- Franz G.*, Die Bildnisse Thomas Münzers, — Archiv für Kulturgeschichte, 25, Heft 1, 1935.
- Franz G.*, Bibliographie der Schriften Thomas Münzers, ZVTG, 42, 1940.
- Friedmann R.*, Über Thomas Müntzer, — Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung, 47, Heft 1, 1933.
- Fuchs G.*, Karlstadts radikal-reformatorisches Wirken und seine Stellung zwischen Müntzer und Luther, — Wissenschaftliche Zeitschrift d. Martin-Luther-Univ. Halle-Wittenberg, 3, 1954.
- Hinrichs C.*, Luther und Müntzer. Berlin, 1952.
- Husa V.*, Tomáš Müntzer a Čechy, — Rozpravy československé akademie věd, 67, 11. Praga, 1957.
- Jordan R.*, Chronik der Stadt Mühlhausen in Thüringen, I. Mühlhausen, 1900.
- Jordan R.*, Статьи, посвященные отдельным страницам биографии Мюнцера в MG, 6, 10, 11, 12, 15, 16 — 17 (1905 — 1917) и в Zur Geschichte der Stadt Mühlhausen in Thüringen 1—9. Mühlhausen, 1901—1911.
- Kamnitzer H.*, Zur Vorgeschichte des Deutschen Bauernkrieges. Berlin, 1953.

- Kolde Th.*, Ältester Bericht über die Zwickauer Propheten, ZK 5, 1882.
- Lenz M.*, Zur Schlacht bei Frankenhausen, HZ, 33/69, 1892.
- Lohmann A.*, Zur geistigen Entwicklung Thomas Müntzers. Leipzig—Berlin, 1931.
- Merx O.*, Thomas Münzer und Heinrich Pfeiffer 1523—1525. Göttingen, 1889.
- Metzger W.*, Müntzeriana—Thüringisch—Sächsische Zeitschrift für Geschichte und Kunst, 16, 1927.
- Meusel A.*, Thomas Müntzer und seine Zeit. Berlin, 1952.
- Meusel A.*, Thomas Müntzer. Leipzig—Jena, 1954.
- Müller H.-J.*, Auf den Spuren Thomas Müntzers. Berlin, 1954.
- Schiff O.*, Thomas Müntzer als Prediger in Halle, AR, 91/92, Heft 3/4, 1926.
- Schiff O.*, Münzer und die Bauernbewegung am Oberrhein, HZ, 110, 1912.
- Seidemann J. K.*, Thomas Münzer. Dresden und Leipzig, 1842.
- Seidemann J. K.*, Frankenhausens Einwohnerschaft am Schlachttag 15 Mai 1525,—Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit, 23, 1876, Nürnberg.
- Seidemann J. K.*, Das Ende des Bauernkrieges in Thüringen, NM, 14. Halle, 1878.
- Seidemann J. K.*, Zur Geschichte des Bauernkrieges in Thüringen—Forschungen zur deutschen Geschichte, 11, 14. Göttingen, 1871, 1874.
- Sommer E.*, Die Sendung Thomas Müntzers. Berlin, 1948.
- Steinmetz M.*, Zur Entstehung der Müntzer-Legende,—Beiträge zum neuen Geschichtsbild. Berlin, 1956.
- Strobel G. Th.*, Leben, Schriften und Lehren Thomas Müntzers. Nürnberg und Altdorf, 1795.
- Walter L. G.*, Thomas Münzer et luttés social a l'époque de la réforme. Paris, 1927.
- Wappler P.*, Thomas Münzer in Zwickau und die „Zwickauer Propheten“. Zwickau, 1908.
- Wolfgramm E.*, Der Prager Anschlag des Thomas Müntzers,—Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität, Leipzig, 1956/57, Heft 3.
- Wolfram G.*, Thomas Münzer in Allstedt, ZVTG, 5, 1887.
- Zimmermann J.*, Thomas Müntzer. Berlin, 1925.
- Zschübitz G.*, Zur mitteldeutschen Wiedertäuferbewegung nach dem grossen Bauernkrieg. Berlin, 1958.

Список сокращений:

- AR—Archiv für Reformationsgeschichte.
- HZ—Historische Zeitschrift.
- MG—Mühlhäuser Geschichtsblätter.
- NM—Neue Mitteilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen.
- ZK—Zeitschrift für Kirchengeschichte.
- ZVTG—Zeitschrift des Vereins für Thüringische Geschichte und Altertumskunde.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Блудница вавилонская	5
<i>Глава вторая.</i> Удар молнии в бочку с порохом	20
<i>Глава третья.</i> Жемчужина Саксонии	41
<i>Глава четвертая.</i> Пророк Собачьей улицы	55
<i>Глава пятая.</i> Краденая вера	71
<i>Глава шестая.</i> «На том стою, и не могу иначе!»	84
<i>Глава седьмая.</i> «Лето уже на пороге!»	100
<i>Глава восьмая.</i> Сатана в Альштедте	117
<i>Глава девятая.</i> «Обагрим руки кровью тиранов!»	134
<i>Глава десятая.</i> Герцог, курфюрст и злодеи	146
<i>Глава одиннадцатая.</i> Новый Даниил	155
<i>Глава двенадцатая.</i> Иуда был не один	172
<i>Глава тринадцатая.</i> Поджигатели приходят до рассвета	182
<i>Глава четырнадцатая.</i> Канун потопа	194
<i>Глава пятнадцатая.</i> «Дьявол действует через смятение умов!»	208
<i>Глава шестнадцатая.</i> Час возмездия	225
<i>Глава семнадцатая.</i> «Заводите танец!»	242
<i>Глава восемнадцатая.</i> Радуга надежды	259
<i>Глава девятнадцатая.</i> Чудовищная закоренелость	279
<i>Глава двадцатая.</i> Не всегда побеждают живые	291
Основные даты жизни Томаса Мюнцера	315
Краткая библиография	316

Штекли Альфред Энгельбертович

ТОМАС МЮНЦЕР

Редактор *Ю. Коротков*

Художник *С. Бродский*

Худож. редактор *К. Аркуша*

Техн. редактор *Л. Кириллина*

A06010 Подп. к печ. 13/V 1961 г.

Бум. $84 \times 108\frac{1}{32}$. Печ. л. 10(16,4) +
+7 вкл. Уч.-изд. л. 15,1.

Тираж 47 000 (15 000 + 32 000 — 1-й завод от массов. тиража). Зак. 157.

Цена 64 коп.

Типография «Красное знамя»

изд-ва «Молодая гвардия».

Москва, А-55, Суцеская, 21.